

МИХАЙЛО
ЧАРНЫШЕНКО.

III.

КИЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1843.

МИХАЙЛО
ЧАРНЫШЕНКО.

III.

КИЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1843.

МНХАЮ РАРНШЕНО

НАН

МАРОРОАМ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЛЕТЪ НАЗАДЪ

МНХАЮ

СОВЕТЪ

РАРНШЕНО.

III
ЧАСТЬ

КИБР

ВЪ УНВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ

1843

51020751519

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

И Л И

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

СОЧИНЕНІЯ ТАРЕШ

П. КУЛЪША.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ.
1842 года, Сентября 21 дня.

Ценсоръ, А. Оедотовъ-Чеховскій.

Не есть се, панбве, по Чорному морю филя вставае,
А есть [се—мене—отцѣвська й материнська молитва карае!

. . . . .
. . . . .

Оттымъ [бы то, панове, трѣба людей поважати,
Панотця й паніматку добре шанувати;
Бо который чоловікъ тее уробляе,
По вѣкъ той счастье собѣ мае,
Смертельный мечъ того минае:

Отцѣва й матчина молитва зѣ дна моря выймае,
Одъ грѣховъ смертельныхъ душу одкупляе,
На полѣ й на морѣ на пѣмѣчь помагае!

Изъ старинной народной думы.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

ГЛАВА XX.

Щербина нѣсколько разъ пробовалъ за-
вестъ разговоръ со своими побѣдителями,
но ни его вопросы, ни его острые шутки
не могли разшевелить угрюмага ихъ мол-
чанія. Разбранивши ихъ отцовъ и дѣдовъ
позапорожски и видя, что даже и этимъ

средствомъ не можетъ задѣть ихъ стоицизма, съ досады онъ напалъ на своего товарища.

—Прямая ты середка! говорилъ онъ:—чортъ ли велѣлъ тебѣ ловить воронъ, когда нужно было глядѣть въ оба! Еслибъ въ твоей разумной головѣ было немножко больше расторопности, можетъ-быть, тебѣ пришлось бы полетѣть къ дьяволу; а-то видишь, какого молодца мы потеряли!

—Спасибо за усердіе, отвѣчалъ Середка:—мнѣ жизнь еще не наскучила, чтобъ замѣнять собою другихъ.

—Эхъ, голова ты разумная! не наскучила жизнь! Куда, какъ ты кажешься для себя дорогъ! А ей Богу, подъ веселый часъ я не взялъ бы тебя со всей твоею удалью за добрый ковшъ меду! тогда какъ Михайло... охъ, изъ того вышелъ бы чѹдный Запорожецъ! того хоть сей часъ въ курѣнные отаманы!... Царство ему небесное! Пусть тамъ ему ѣдятся одни вареники да пампушкі до сметаны, а пьется всё изъ

такихъ коряковъ, якъ *Дорошенкова чарка!*...

—Славно рубился покойникъ, продолжалъ Щербина, помолчавши:—трудно даже было надѣяться изъ него такого хвата. Когдабъ были набиты мои пистолеты! знали бъ эти пѣтушьи головы, какой зарядъ кладетъ въ дуло Мартинъ Щербина!

Между-тѣмъ таинственный конвой все болѣе и болѣе углублялся въ густоту лѣса. Вечеръ потухъ. Небо потемнѣло; и огромные дубы во мракѣ сдѣлались какъ-будто вдвое выше.

Оставя влѣвѣ большую дорогу, толпа раздѣлилась на три части и продолжала путь дикими тропинками, которыя то сходились вмѣстѣ, то опять расходились поза деревьями.

По временамъ съ правой стороны слышенъ былъ шумъ воды. Козаки догадывались, что ѣдутъ по-надъ берегомъ потока, умчавшаго несчастнаго ихъ спутника.

Послѣ получасовой трудной ѣзды по корнямъ, пнямъ и рытвинамъ, прорытымъ весенними ручьями, они выѣхали на небольшую площадку, покрытую мелкимъ кустарникомъ и лежащую на краю широкаго байрака, который при свѣтѣ мѣсяца, поднявшагося въ это время изъ-за лѣсу, но незаглянувшего еще въ его глубину, казался бездонной пропастью.

Правая сторона этого байрака, гдѣ находились наши козаки, сходила внизъ отлогою покатостью, окутанною мягколистными деревьями—березою, липами, орѣшникомъ. Но противоположный его берегъ обнаженными каменистыми горами стремительно поднимался изъ темнаго дна и нѣсколькими саженьями былъ выше надъ уровнемъ земли.

На этомъ возвышеніи, составлявшемъ разительный контрастъ съ противолежащей стороною, виднѣлись какія-то строенія, которыхъ однакожь при мѣсяцѣ нельзя было хорошо рассмотреть. Далѣе снова вставали изъ-за горы блѣдными тѣнями верхушки

лѣса, такъ живописно прерваннаго нежданной прихотью природы.

Но между-тѣмъ какъ мы занимаемся этими подробностями, козаки наши спустились во глубину оврага, котораго дно составляла ровная широкая равнина, проходящая какъ тихая зеленая рѣчка между двумя разнохарактерными берегами и окружающая разнообразными извилинами дикую гору, дѣлая ее недоступнымъ островомъ.

Эта пустынная гора, покрытая морщинами и окруженная цвѣтущею природою, подобна была безобразному выродку, угрюмому поереді смѣющейся семьи своей; и строгій анахоретъ не могъ бы выбрать лучшаго мѣста для основанія монастыря: здѣсь идея отчужденія отъ прелестей міра сего была бы у него всегда передъ глазами.

Но не такими мыслями заняты были головы моихъ героевъ. Козакъ Середа былъ погруженъ въ тяжелое уныніе: онъ думалъ о своей матери. Знаетъ ли она, гдѣ онъ

теперь? чуетъ ли ея сердце нежданную бѣду, готовую постигнуть ея сына? Неужели въ самомъ дѣлѣ всѣ добрыя его намѣренія должны остаться неисполненными, и онъ погибнетъ отъ рукъ этихъ разбойниковъ?

—Нѣтъ, думалъ онъ:—Богъ милостивъ и справедливъ, а материнскія молитвы спасаютъ со дна морскаго.

Эта благочестивая дума оживила его сердце, и какое-то отрадное предчувствіе убѣждало его, что не всему еще конецъ. Съ теплою вѣрою поцѣловалъ онъ висѣшій на груди у него образокъ, напутственное благословеніе матери, и тихо молился на сѣдлѣ своемъ.

Что же касается до Запорожца, онъ и на этотъ разъ не раздѣлялъ чувствованій своего товарища. Ему нѣ о комъ было тосковать: у него *Съчъ—мати, а Великій Дузь—батько*. Его суровая, дикая душа, давно расторгшая всѣ нѣжныя связи съ людьми, сдружилась съ пустыми приднѣ-

провскими степями, гдѣ онъ не двадцать разъ гонялся за Татариномъ, и съ алчнымъ ревомъ Чернаго моря, свидѣтеля безчисленныхъ его опасностей. Ему такъ часто смерть заглядывала въ очи и онъ такъ много разъ бросалъ свою жизнь въ ея разверзтую пасть, что уже не давалъ себѣ права существовать на этомъ свѣтѣ и жизнь свою считалъ особенною милостью судьбы. Онъ былъ подобенъ счастливому игроку, которому не жаль проигратъ разъ, послѣ многочисленныхъ выигрышей. Щербина смотрѣлъ на свою жизнь, какъ на нѣчто чуждое, внѣ его происходящее. Практическими опытами, или лучше сказать навыкомъ видѣть часто смерть, дошелъ онъ до тѣхъ результатовъ, до которыхъ достигаетъ философъ, сознающій себя вѣчнымъ духомъ и на всѣ перевороты, на всѣ несчастія глядящій съ точки созерцанія.

Итакъ онъ мало заботился о своемъ настоящемъ положеніи. Ему жаль было только Михайла. Но когда и это чувство чрезъ нѣсколько минутъ въ немъ успокоилось, онъ предоставилъ свою участь судьбѣ, ко-

торая не разъ выпутывала его изъ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствъ, а самъ безпокоился только объ ужинѣ, который, можетъ-быть, еще не скоро бы пришелъ ему на мысль, когдабъ онъ былъ занятъ произвольною дѣятельностью.

— Знаете що, панове молодцы? сказалъ онъ своимъ побѣдителямъ тономъ самаго теплаго добродушія:—если наша дорога еще длинна, то не лучше ли будетъ намъ остановиться здѣсь, да разложить огню, да наварить каши? А я попотчивалъ бы васъ славною наливкою!

Эта безпечность въ его опасномъ положеніи была такъ странна, что незнакомцы не могли удержаться отъ смѣху, и одинъ изъ нихъ дотога раздобрился, что указалъ ему рукой на каменистую гору, по-подъ которою они кружили, и даже сказалъ:

—Скоро доѣдемъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ они выѣхали на широкую поляну, ограниченную съ двухъ сто-

ронъ разступившимися зелеными возвышенностями, составляющими продолженіе праваго края байрака; третья сторона ея замыкалась каменистою горою, а четвертая выходила въ чистую степь, которая при свѣтѣ мѣсяца какъ-будто не имѣла горизонта и сливалась незамѣтно съ дальнимъ небомъ.

До сихъ поръ козаки, ѣдучи подъ самою горою, не видѣли находящихся на ней строеній, но когда вступили на поляну, имъ вдругъ представилась картина, которая остановила бы художника смѣлымъ своимъ положеніемъ и дикой красотою.

На самомъ краю, какъ продолженіе горы, стояла древняя четырехъугольная башня, съ надгрызенною временемъ вершиною и съ широкими воротами, которыхъ своды и бока тоже начали падать въ руины.

По обѣ стороны ея двѣ круглыя меньшей величины башни расположены были симметрически, но природа, наперекоръ людской архитектурѣ, оразнообразила ихъ

рѣзкими особенностями. Одна изъ нихъ казалась очень ветхою и дотога заросла травою, что ее можно бы принять за огромную косматую колонну, еслибъ сквозныя окна и уцѣлѣвшій на дырявой кровлѣ шпигъ не обозначали ея формы. Другая съ виду была какъ-будто крѣпче, но она охотно помѣнялась бы съ ея старушкою-сестрою своею позиціей. Берегъ горы, на которомъ она стояла, неизвѣстно какимъ случаемъ, отвалился, оставя цѣлую треть ея фундамента, торчащаго своими клыкастыми камнями, висѣть надъ отвѣсомъ сажень въ пять высоты. Казалось, эта несчастная башня держалась только уцѣпясь за толстую стѣну, соединяющую ее съ главною башнею, и каждый мигъ готова была рухнуть всею своею тяжестью на дно глубокаго байрака. Ни одно волокно плюща, ни одинъ кустикъ березы не росли въ ея болѣзненныхъ морщинахъ, какъ-будто чувствовали опасность ея положенія.

Въ этомъ мѣстѣ угрюмая гора какъ-то смягчилась и низошла на долъ нѣкоторой покатостью. Обрадовавшись этому, молодая

зелень поползла на нее веселыми кустами и деревцами, отбнясь въ лунномъ свѣтѣ и живописно мѣшаясь съ высунувшимися камнями.

Покатость горы была однакожъ такъ крута, что всадники должны были сойти съ коней, чтобъ подняться къ воротамъ этого монастыря или зámка, что въ нѣкоторомъ смыслѣ все равно, ибо встарину въ пограничныхъ краяхъ Малороссіи, подверженныхъ частымъ набѣгамъ непріятелей, всякой монастырь долженъ былъ быть вмѣстѣ и зámкомъ.

Дорога на гору покрыта была кусками кирпичу, раздробленнаго частой ѣздою и смѣшаннаго съ бѣловатымъ мусоромъ извѣстковаго цемента. Въ иныхъ мѣстахъ уцѣлѣли еще остатки ступеней, сложенныхъ на кирпичномъ основаніи изъ широкихъ глиняныхъ плитъ; въ иныхъ мѣстахъ, по сторонамъ этого всходу, видны были слѣды древняго фундамента, на которомъ утверждались, можетъ-быть, передовыя башеньки и стѣны, служившія нижними бойни-

цами. Изъ-подъ нихъ выглядывали иногда полузасыпавшіяся отверстія, ведущія вѣроятно въ подземные ходы. По всему видно было, что это укрѣпленіе брошено уже давно безъ призранія и много потеряло прежней формы.

Но вотъ наши путники уже у входа въ башню. Они прошли подъ ветхими ея сводами и вступили во внутренность замка.

При свѣтѣ мѣсяца они увидѣли широкій дворъ, обведенный выкрошенной косматой стѣною. Вдоль нея тянулся рядъ низкихъ строеній съ маленькими окнами, передъ которыми насажены были въ одинъ рядъ деревья.

Все это съ перваго взгляду совершенно похоже было на монастырь, но зданіе, занимавшее центръ двора, противорѣчило нѣсколько этому заключенію. То была широкая и низкая башня, унизанная сверху крупными зубцами, изъ-за которыхъ чуть выглядывалъ выпуклый куполъ, а надъ нимъ, на длинномъ древкѣ, волновалось желтое

знамя съ изображеніемъ меча и мертвой головы. Нѣсколько узкихъ, высокихъ, съ остроконечною дугою оконъ, расположенныхъ безъ симметріи по стѣнамъ, были ярко освѣщены, и сквозь нихъ несся изнутри башни смѣшанный говоръ многихъ голосовъ. Входъ въ башню украшенъ былъ тяжелымъ непріятной широты фронтономъ на толстыхъ колоннахъ, опиравшихся на широкую площадку крыльца, возвышеннаго надъ поверхностью двора десятью ступенями, обложенными глиняными плитами. На фронтонѣ грубой лѣпной работою изображена была та же эмблема, что и на знамени, — мечъ и мертвая голова.

Оставя конвой на дворѣ, два красные жупана со своими плѣнниками вступили на высокое крыльцо и, поговоря тихо съ минутою межъ собою, ввели ихъ въ освѣщенную нѣсколькими свѣтильниками обширную комнату. которой стѣны не имѣли другихъ украшеній, кромѣ развѣшеннаго симметрически оружія и желѣзной сбруи.

Сцена, представившаяся козакамъ была

очень пріятна для проголодавшагося Запорожца, который, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, предпочиталъ настоящія блага будущимъ и болѣе заботился о доброй чаркѣ горѣлки и сытномъ обѣдѣ, чѣмъ о своей участи. Они поспѣли на самій ужинъ.

Посреди комнаты за длиннымъ и широкимъ столомъ помѣщалось около полусотни народу съ черствыми лицами, съ усами всевозможной величины, въ разноцвѣтныхъ и разнокалиберныхъ нарядахъ, и они-то производили тотъ говоръ, который слышенъ былъ на дворѣ.

Немногіе только изъ нихъ обратили вниманіе на пришлецовъ; другіе продолжали усердно работать ложками, ножами, стаканами и чарками.

Одинъ изъ красныхъ жупановъ, оставя козаковъ въ углу залы, подошелъ къ чело-вѣку въ пернатой шапкѣ, сидѣвшему на дальнемъ концѣ стола, поцѣловалъ полу его платья и руку, поклонился низко и сталъ въ почтительномъ отъ него разстояніи, сло-

жа на груди руки и, повидимому, ожидая вопроса.

Но прежде, чѣмъ услышимъ ихъ разговоръ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на эту важную особу, вполне достойную вниманія моихъ читателей.

Во первыхъ, край стола, гдѣ онъ сидѣлъ, былъ очищенъ, такъ что по обѣ стороны его могло бы помѣститься по три человека. Это обстоятельство съ перваго взгляду показывало въ немъ какое-то высшее достоинство, не позволяющее сближаться съ нимъ застольнымъ его товарищамъ.

Мысль эту еще больше подтверждала разставленная передъ нимъ серебряная массивной работы посуда, тогда какъ прочіе ѣли и пили изъ мѣдной, оловяной, стеклянной и глиняной.

Нарядъ его также отличался особенною роскошью, впрочемъ былъ вовсе непохожъ на костюмъ пановъ малороссійскихъ. Скорѣе можно бы принять его за Турка, еслибъ

висящій на груди у него большой золотой крестъ тому не противорѣчилъ.

За нимъ стояли двое слугъ въ красномъ плати. Одинъ изъ нихъ держалъ бѣлое полотенце, другой серебряную чашу.

Но мимо всѣхъ этихъ признаковъ, явно обнаруживавшихъ въ немъ начальника, больше всего бросался въ глаза огромный размѣръ его членовъ и угрюмый молчаливый видъ, съ какимъ онъ былъ занятъ своимъ ужиномъ.

Ему, повидимому, было лѣтъ пятьдесятъ. Глубокія съ крутыми поворотами морщины на его багровомъ, довольно плотномъ лицѣ показывали слѣды неукротимыхъ страстей, терзавшихъ его во всю жизнь. Большіе влажные глаза его глядѣли изъ-подъ густыхъ, мшистыхъ бровей какъ-то свирѣпо; и вообще лицо его имѣло выраженіе раздражительное и жестокое. Казалось, каждое мгновеніе онъ былъ готовъ выхватить изъ-за широкаго своего пояса кинжалъ и броситься на первую жертву. Но никто не

обращалъ на него никакого вниманія; всѣ говорили только межъ собою. Это показывало, что его привыкли видѣть въ такомъ состояніи.

Итакъ красный жупанъ, исполнивъ обрядъ восточной вѣжливости, ожидалъ вопроса своего повелителя. Хозяинъ устремилъ на него взоръ, отъ котораго иной задрожалъ бы всѣмъ тѣломъ; но тотъ перенесъ его довольно спокойно и, приложивъ руку ко лбу и къ сердцу, сказалъ:

—Свѣтлый бане *! солнце, насъ огрѣвающее! кладу подъ твой мечъ виновную свою голову. Я укусилъ тебя за сердце: врагъ твой погибъ, но ты не узришь на вратахъ своихъ главы его.

При этомъ извѣстіи банъ затрепеталъ, какъ-будто его вдругъ облили кипяткомъ; грубые мускулы его лица пришли въ движеніе, ноздри разширились, какъ у разго-

---

* Банъ у Сербовъ значитъ — князь.

ряченного бѣгомъ коня, когда онъ вбираетъ въ себя воздухъ, готовясь перелетѣть черезъ пропасть; а свирѣпыя очи вдругъ наполнились кровью.

—Гѹнсвотъ! гѹя * люта! закричалъ онъ неистовымъ голосомъ, ударивъ тяжелымъ своимъ кубкомъ по столу.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ разомъ утихли, какъ стадо овецъ, заслышавшее рыканье льва, и боязливо начали между собою перешептываться.

—Погибъ! погибъ! кричалъ между-тѣмъ разъяренный банъ:—какъ онъ погибъ? Говори мнѣ, гѹнсвотъ, какъ онъ погибъ? Говори, море **! пока корвавыя враны не выклевали тебѣ языка! О, я здоровъ! я не спускаю никому! Говори, гѹнсвотъ! говори, внукъ дьявола!

---

* Гѹя съ сербскаго—змѣя.

** Междоуміе, употребляемое Сербами въ разныхъ значеніяхъ.

Въ своей запальчивости онъ самъ не зналъ, чего требовалъ, и, забывая, что своимъ громовымъ крикомъ мѣшаетъ слугѣ отвѣчать на вопросы, приходилъ въ бѣшенство отъ его молчанія.

—Мы бились на мосту, какъ я и обѣщаль твоей честітой милости, отвѣчалъ наконецъ красный жупанъ:—Мостъ обломился, и онъ упалъ вмѣстѣ съ конемъ въ воду...

—Упалъ! я зналъ, что это будетъ, гунсвотъ, дьяволъ, гуйя проклета! Жива его мнѣ надо, а не мѣртва! Корвавая твоя глава будетъ у меня завтра на вратахъ вмѣсто его! О, я здоровъ, море! Я тѣжко здоровъ! я не шучу ни съ кѣмъ, внукъ дьявола!

—Ясный бѣне! сказалъ несчастный жупанъ:—не я, то Богъ такъ назначилъ. Вотъ двое слугъ его передъ твои свѣтлыя очи.

—Бре *! гунсвотъ! Двое слугъ? Двое

---

* Междометіе, употребляемое Сербами для выраженія противорѣчія.

собакъ его скажи, внукъ дьявола! Заутра
повѣсить ихъ на восходѣ соунця, а твою
корвавую главу поставить на вратахъ о
полудня.

ГЛАВА ХХІ.

Козакъ Середа затрепеталъ при этомъ варварскомъ рѣшеніи. Въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи онъ опустился на полъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и, прислонясь спиной къ стѣнѣ, взялся обѣими руками за голову, не понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается.

Но Запорожець и въ эту ужасную минуту не сошелся съ нимъ чувствованіями.

Не обращая вниманія ни на свирѣпаго бана, ни на своихъ провожатыхъ, онъ уже успѣлъ подсѣсть къ застольнымъ рыцарямъ и, своей юморически-добродушной миною, своими забавными манерами и нецеремонною короткостью въ обращеніи, въ одну минуту такъ имъ понравился, что они охотно дали ему межъ собою мѣсто.

Когда жъ разразился гнѣвъ неистоваго бана, отъ котораго всѣ пришли въ робость, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе и удивленіе своей спокойной флегмою, съ которою, не замѣчая ничего, онъ продолжалъ убирать поставленное передъ нимъ кушанье.

Казалось, онъ былъ глухъ и не слыхалъ своего смертнаго приговора или же, видя близкую смерть, старался поскорѣй наѣсться, какъ передъ выступленіемъ въ походъ.

—Слышишь ли, что сказалъ банъ? говорили ему сосѣди, толкая его въ бокъ, чтобъ пробудить его вниманіе, которое, по-

видимому, было слишкомъ сильно занято.

—Слышу, говорилъ онъ, не отводя глазъ отъ своей запорожской ложки.

—Да слышишь ли? Вѣдь тебѣ только до завтра остается жить!

—Однимъ дармоѣдомъ меньше будетъ на свѣтѣ, отвѣчалъ спокойно Щербина, какъ-будто рѣчь шла о постороннемъ для него предметѣ.

Чи вмрешъ, чи повиснешъ, разъ мати родила, прибавилъ онъ съ такою увѣренностію въ истинѣ этихъ словъ, съ какою произноситъ Турокъ стихъ изъ Алкорана.

Это еще больше привело всѣхъ въ изумленіе.

—Развѣ тебѣ не жаль разстаться съ жизнью? спрашивали его.

—Что наша жизнь? отвѣчалъ стойкъ—

Запорожець:—Пустой мѣшокъ, который то и дѣло, что наливаєшь горѣлкою да набиваешь варениками.

И, говоря это, онъ такъ дѣятельно работалъ руками и зубами, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ набивалъ мѣшокъ.

—Это разъ, продолжалъ онъ, прочищая свое горло доброю чаркою настоянки, какая скорѣй попалась ему подъ руку:—это разъ, говорю я; а другое—и то подумаешь, что на томъ свѣтѣ, вѣрно, не будетъ уже горьче человѣку, какъ и на этомъ; и что мнѣ ни рассказывай, а право, я всегда той мысли на счетъ пекла, *що не такій чортъ страшный, якъ ёго малюють*, особенно для тѣхъ, кто ему приходится хоть немного съ родни.

—Ой! а неужели ты родичъ чорту?

—Не близкій, однакожъ всё таки родичъ.

—Духъ Святый съ нами! говорили изумленные слушатели:—Что это за человѣкъ

такой!... Какъ же ты съ нимъ породнился?

—Постойте, дайте мнѣ немножко управиться съ дѣломъ. Моя рука не годится теперь для запорожской сабли, хоть и хорошо перевязана; зато ложка и ножъ какъ-разъ пришились по ней.—Надобно вамъ знать, продолжалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ дѣятельной работы надъ кускомъ баранины:—что хотя въ Сѣчи не живетъ ни одна женщина, но вокругъ Сѣчи по паланкамъ есть множество зимовниковъ, гдѣ живутъ семействами козаки *посполітые*, бо войсковыхъ козаковъ у насъ на Запорожьѣ только тысячъ съ пятнадцать, а если посчитать по всѣмъ зимовникамъ женатыхъ козаковъ, то набралось бы, можетъ-быть, и въ пять разъ болѣе. Часомъ и сѣчовикъ имѣетъ поблизу отъ Сѣчи хуторъ, въ которомъ у него водится и жинка и дѣтки, какъ и у всего православнаго христіянства ⁶³.—Вотъ въ такомъ-то хуторѣ родился хоть бы и нашъ братъ, Запорожецъ Мартинъ Щербина, который при этомъ случаѣ много благодарствуетъ вамъ, что допустили его къ своей вечерѣ. Покойникъ

батько мой, Дóрошъ Щербíна, былъ въ Сѣ-
 чи куреннымъ отáманомъ, да не объ немъ
 теперь рѣчь: породнился я съ чортомъ не
 черезъ него, а черезъ его паниматку, а
 мою стало-быть бабу. А какимъ способомъ,
 такъ вотъ послушайте.—Баба моя, какъ бы
 приличнѣй вамъ сказать, была великая
 искусница на счетъ своего бабьяго дѣла.
 Бывало, только родится дитя у какого-ни-
 будь отáмана или писара, или даже хоть
 и у самого батюшки, а попросту сказать—
 у попа, то уже тутъ ей и шлють калачъ,
 берутъ и везутъ ее съ такою пышностью,
 какъ у васъ на Украинѣ иную полков-
 ницу.—Долго она занималась этимъ промы-
 сломъ и наконецъ прославилась такъ, что
 стала извѣстна по всѣмъ запорожскимъ зем-
 лямъ, а запорожскія зѣмли не малы: по
 одну сторону Днѣпра онѣ идутъ ажъ до
 самой рѣчки Орели, а по другую до рѣчки
 Тясмина и до Буга ⁶⁴. Бывало, иногда какъ
 заѣдетъ къ иному пану, то воротится уже
 мѣсяца черезъ два: не знаютъ, гдѣ дѣ-
 вать; не знаютъ, гдѣ посадить; такъ всѣ
 любили мою бабу. Какъ вотъ родилось ди-
 тя у самаго чорта. Присылаютъ за бабою...

—Да ну, полно! возразилъ одинъ изъ слушателей краснорѣчиваго Щербины:—неужели и у чертей рождаются дѣти?

—Вотъ тебѣ и на! отвѣчалъ Запорожецъ:—а откуда жъ брались бы демоны, когда бѣ у нихъ чертенята не рождались? Этакъ давно бы опустѣло и пекло, потому что и на нихъ есть тоже погибель: инаго громъ убьетъ, а инаго нашъ братъ Сѣчовикъ часомъ, заставши въ тѣсномъ куткѣ, почастуетъ такъ, що ѣ до пекла не долѣзе. Не даромъ вѣдь рождественскими святками представляютъ въ вертепахъ, что смерть убиваетъ Ирода, дьяволъ убиваетъ смерть, а Запорожецъ и самого дьявола.

—Ну, ну, такъ родилось дитя у чорта, сказали слушатели, наводя его на прерванный разговоръ.

—Да. Родилось дитя у чорта. Присылаютъ за бабою. Баба, можетъ-быть, и отказалась бы на этотъ разъ, да она не знала, въ чемъ дѣло, а думала, что зовутъ ее къ какому-нибудь богатому пану, потому что

пріѣхавшій за нею возница убранъ былъ не хуже инаго асаула. Одѣвается. Ёдетъ. — Ведутъ ее въ палаты, какихъ она на Запорожьи еще и не видала, бо у насъ всѣ живутъ запроста, покозацки, и лучше любятъ носить серебряныя подковы и оправленные въ золото люльки, чѣмъ будовать хоромныя подъ самыя хмѣры. Да; такъ ведутъ ее въ палаты. Все убрано чудесно. Бабу всѣ выгоды: ѣжь и пей, чего душа пожелаетъ. — Живетъ она дня два уже, потомъ и говоритъ хозяевамъ, что нужно бы позвать кума да отнести дитя до батюшки. А тѣ ей въ отвѣтъ: «Нѣтъ, бабусю, у насъ нѣтъ такого заведенія, у насъ дѣтей не носятъ до попа». — Эгѣ! *оттака ловись!* Тогда только баба догадалась, что не даромъ она примѣтила у своего маленькаго внучка на рукахъ и на ногахъ небольшіе когти, а сзади козлиный хвостикъ. — Дѣлать однакожь было нѣчего. Боялась даже показать и видъ, что догадалась. Ждала только, пока отпустятъ ее домой. Какъ вотъ наконецъ, дней черезъ десять, и говорятъ ей нечистые: «Теперь, бабусю, пора уже тебѣ домой. Пойдемъ въ комору, мы наградимъ тебя за

твои труды».—А ея маленькой внучекъ, хоть еще лежитъ въ люлькѣ, а уже и говорить умѣетъ: такая чертовская натура! Тотчасъ бабу подъ руку—толкъ! и шепчетъ: «Не бери золота, а бери уголье».—Хорошо. Идутъ въ комору. А надъ дверьми, передъ коморою, виситъ какая-то кожа. Вотъ, который чортѣйка идетъ, то сперва лапою за кожу, а потомъ и за око. Баба смотритъ, да и себѣ такъ сдѣлала: дотронулась рукой до кожи и до праваго глаза, для одного курьёзу, что-то изъ этого выйдетъ. —Что жъ? Какъ вошли въ комору, такъ что лѣвому оку показывается червонцами, то правому угольемъ; а что лѣвому угольемъ, то правому червонцами. «Бери себѣ, бабусю, сколько хочешь золота», сказали черти. А баба уже непрóмахъ: набрала полную запаску червонцевъ вмѣсто уголья, да й негáдки. Черти только плечами вздвинули, однакожъ ничего. Право, у нихъ бываетъ иногда больше честности, чѣмъ у людей. —Ну, слушайте жъ, чѣмъ кончилось. Эта проклятая кожа не обоцлась таки моей покойной бабѣ безъ штуки. Была она разъ у одного старшины въ гостяхъ и, какъ

водится, сидѣла за столомъ чинно на почетномъ мѣстѣ. Много было тамъ и другихъ гостей. И случись же какъ на бѣду, что два козака, неznать съ чего, заспорили такъ жарко, что и до драки дошло. Никто жъ не знаетъ, что этому за причина; а баба покойница, сидя за столомъ, и видитъ правымъ окомъ, что небольшой чертенокъ вьется межъ козаками, суетъ имъ безпрестанно въ руки то пистолетъ, то саблю, вертится на всѣ стороны, шепчетъ на ухо и всѣми мѣрами старается раздуть огонь.—Присматривается моя баба, присматривается,—и что жъ? Этотъ чертенокъ былъ не кто иной, какъ ея маленькій внучекъ: его, вѣрно, послали уже изъ пекла приучаться по-немногу дѣлать пакости добрымъ людямъ. Вотъ она и говоритъ ему: «А и ты тутъ, внучку»?—«Тутъ, отвѣчаетъ чертеня:—А ты меня видишь»?—«Вижу».—«Которымъ же окомъ ты меня видишь»?—«Правымъ».—Не успѣла она этого выговорить, а сатанчукъ какъ цапнетъ ее за око! такъ и вырвалъ. Баба какъ упадетъ подъ столъ! какъ надѣлаетъ крику! Тутъ всѣ бросились къ ней: чего-чего?

Смотрятъ, а у нее ока нѣтъ!

Всѣ засмѣялись и наградили краснобая одобрительными восклицаніями.

Запорожецъ, своимъ всепобѣждающимъ характеромъ, въ нѣсколько минутъ сдѣлался такъ близокъ своимъ гостямъ, что они полюбили его какъ брата, и не въ одномъ изъ нихъ возникла мысль спасти его отъ предопредѣленной ему смерти.

Самъ угрюмый банъ во все время его разсказа смотрѣлъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей неподвижнымъ взоромъ, который смѣшалъ бы всякаго другаго разскащика, но за Щербиной не водилось этой слабости. Онъ весело посматривалъ на своихъ слушателей и, казалось, не отличалъ межъ ними ихъ начальника.

Можетъ-быть, банъ дивился непостижимому для него спокойствію человѣка, приговореннаго къ смерти; можетъ-быть его заняло это чрезвычайное равнодушіе къ жизни, которое можно истолковать только

множествомъ претерпѣнныхъ бѣдствій. Но откуда жъ эта свѣтлая веселость, этотъ спокойный юморъ и самодовольное выраженіе фizioноміи? Растерзанное горестями сердце выражаетъ свое равнодушіе къ смерти не такими признаками: его веселость дика, забвеніе къ жизни въ немъ страшно, въ его хохотѣ и рыданіи звучать однѣ и тѣ же струны.

Таковы или иныя были размышленія грознаго бѣна, намъ это неизвѣстно. Мы не отваживаемся и не въ состояніи бросить проницательный взоръ въ эту мрачную душу. Довольно съ насъ слѣдить за его наружными дѣйствіями, которыя помогутъ намъ составить нѣкоторую идею о его характерѣ.

Выслушавъ рассказъ Щербины, оконченный всеобщимъ смѣхомъ, банъ нимало не перемѣнилъ строгой своей наружности; но въ его грозномъ взглядѣ выразилась нѣкоторая благосклонность. Онъ наполнилъ сребряную тарелку лучшимъ кушаньемъ и молча отодвинулъ отъ себя, давая знать

отрывистымъ жестомъ руки, чтобъ передали это Запорожцу.

Тарелка быстро перешла по рукамъ на другой конецъ стола, и ближайшій сосѣдъ Щербины, подавая ему подарокъ своего господина, примолвилъ:

—Ясный банъ дарить тебѣ блюдо отъ своего стола.

Другой сосѣдъ ударилъ Запорожца по плечу и сказалъ тихо:

—Ну, пане Щербино, теперь не бойся ничего: банъ тебя полюбилъ; будешь жить долгія лѣта.

Но Запорожецъ не обратилъ никакого вниманія на его слова, какъ-будто жизнь составляла для него послѣднюю заботу. Онъ привсталъ съ приличною важностью, развелъ рукою въ обѣ стороны свои усы и, принимая серебряную тарелку, сказалъ:

—Благодарствую за ласку вашему пану,

или бану, какъ вы говорите. Я вижу, что у него голова не клоччемъ * набита: тотчасъ увидѣлъ, чего стоить Мартинъ Щербина. Не разъ и въ Сѣчи доставалась мнѣ честь получать макітру варениковъ или шуляковъ со стола ясневельможнаго пана кошового, пусть ему тамъ легко икнѣтся! Только у нашихъ пановъ за столомъ, кромѣ жалованныхъ королями и царями коряковъ и старосвѣтскихъ кубковъ ⁶⁵, никогда не водилось серебряной посуды. Запорожцы теряютъ серебро на дорогіе кони да жупаны или прогуливаютъ съ честнымъ товариствомъ, а ѣсть будутъ *хоть съ корыта, лишь бы сыто*. Много благодарствую *вашь-мóсци*, какъ говорятъ Ляхи, прибавилъ онъ, кланяясь бану черезъ столъ.

Но банъ не отвѣчалъ ни чѣмъ на его поклонъ. Онъ сидѣлъ гордо и смотрѣлъ на него тѣмъ же тяжелымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

Да Щербинѣ, повидимому, мало было и

---

* Кло́чче — хлопье, хлопкі.

нужды до его отвѣта. Исполнивъ долгъ запорожской учтивости, онъ снова занялся своимъ ужиномъ и товарищами.

—А что, братцы? сказалъ онъ имъ:—махните лишь, который изъ васъ попроворнѣе, да отвяжите у меня за сѣдломъ бочонокъ. Я васъ попотчиваю наливкою, истинно гетманскою! Спасибо пану Бардаку: угостилъ насъ знатно, да еще и на дорогу далъ.

Бочонокъ былъ принесенъ и встрѣченъ всеобщимъ торжествомъ.

Запорожець, закачавъ рукава своего жупана, обрызганнаго кровью, велѣлъ всѣмъ опорожнить свои кубки и коряки, и, перемѣня роль гостя на хозяина, принялся разливать своимъ собесѣдникамъ Бардакову наливку.

—Постойте жъ, панове-молодцы, говорилъ онъ:—безъ хозяина начинать не годится. Дайте мнѣ кончить свое дѣло.

Потомъ, наполнивъ для себя объемистую кружку и поднимая ее торжественно вверхъ, сказалъ:

—Братцы! прежде всего мы должны выпить за упокой души того лыцаря, который рубился сегодня на мосту не хуже любого куреннаго отáмана. Эхъ, еслибъ вы видѣли, какъ онъ рубился! чортъ побери, да и только!... Ну, продолжалъ онъ, скрѣпляясь, чтобъ удержать невольную слезу:—такъ уже, видно, тому и быть: *що зъ воза впало, то пропало...* Итакъ—за упокой души!.....!

Но тутъ онъ остановился. Онъ ждалъ, что всѣ хоромъ готовы воскликнуть за его тостомъ. Каково жъ было его удивленіе, когда, поведя вокругъ себя глазами, онъ увидѣлъ, что собесѣдники его, не принимаясь за кубки и ковши, сидятъ мрачны и боязливо посматриваютъ на своего бана; а глаза бана сверкаютъ и наливаются кровью⁶⁶.

—Чортъ возьми! проговорилъ тихо За-

порожець:—Кто бы подумалъ, что мой Михайло такъ коротко знакомъ съ этимъ ма-
зепою ⁶⁷? Ну, нѣчего дѣлать: *скачи, вѣр-
же, якъ панъ каже.*

—Эй, вы! головы разумныя! вскрикнулъ онъ весело:—чего понадувались, какъ сычи? Развѣ не слышите, что я говорю? За здо-
ровье вельможнаго бана и всего товариства!

Какъ-будто пробужденные волшебнымъ словомъ, всѣ вдругъ пришли въ движеніе. Ковши и кубки поднялись надъ головами и радостныя восклицанія огласили комнату.

Шумная бесѣда полилась снова широкою рѣкою. Одинъ только угрюмый банъ былъ попрежнему грозенъ и молчаливъ, какъ царь звѣрей посреди своихъ разношерстныхъ подданныхъ.

—Братцы, сказалъ Запорожець, вспо-
мнивъ наконецъ о своемъ спутникѣ:—на-
кормите жъ и моего товарища: за что онъ
будетъ пропадать голодный?

Но молодой козакъ отказался отъ всякой пищи. Онъ сидѣлъ всё въ томъ же положеніи, взявшись руками за голову и опершись локтями на свои колѣни.

Видя, что ничего съ нимъ не сдѣлаетъ, Запорожецъ оставилъ его въ покоѣ и только что хотѣлъ предложить тостъ за здоровье славной Запорожской Сѣчи и ясневельможнаго своего пана кошового, какъ-вдругъ банъ поднялся со своего мѣста. Въ слѣдъ за нимъ встали изъ-за стола всѣ его подчиненные, и зала въ двѣ минуты опустѣла.

Но для Щербины этого было мало. Онъ вышелъ, окруженный веселою толпою, на широкій дворъ, освѣщаемый полнымъ мѣсяцемъ, и, забавляя товарищей своими неистощимыми шутками, своими запорожскими присказками и анекдотами, принялся танцовать, выдѣлывая невиданныя для нихъ фигуры и прыжки.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько круговъ, какъ ему принесли бандуру, и въ слѣдъ

за тѣмъ явилось нѣсколько скрипокъ, во-
лынокъ и бубновъ.

Запорожець подскочилъ съ радости, уви-
дя свой любимый инструментъ, на кото-
ромъ онъ считался однимъ изъ первыхъ
игроковъ межъ сѣчевымъ товариствомъ, и
тогда подворье грознаго бана приняло
видъ Запорожской Сѣчи. Подъ предводи-
тельствомъ Щербины, у котораго съ одной
стороны были музыканты, а съ другой
нѣсколько человѣкъ съ Бардаковымъ бочон-
комъ и ковшами, всѣ пустились танцовать,
и лѣсное эхо долго повторяло ихъ буйные
клики и пѣсни, пока наконецъ, вмѣстѣ съ
бочонкомъ, истощились послѣднія ихъ силы,
а руки музыкантовъ отказались играть.

Одинъ только Щербина остался на но-
гахъ. Шатаясь во всѣ стороны и побряки-
вая несвязно струнами своей бандуры, онъ
поводилъ вокругъ себя помутившимися гла-
зами, и видя, что никто уже не танцуетъ,
а всѣ лежатъ въ безпорядкѣ по двору,
какъ на полѣ битвы, онъ бросилъ бандуру и
самъ простерся на холодной травѣ, примолвя:

—Эхъ, вы головы разумныя! васъ пол-
сотни душъ, да не перепили одного Сѣ-
човика!

Потомъ, помолчавъ минуту и поворо-
тился на другой бокъ, проговорилъ тихо:

—Жаль бѣднаго Михайла! рубился знатно!

И съ этимъ словомъ заснулъ богатыр-
скимъ сномъ.

ГЛАВА XXII.

На другой день, когда еще всѣ спали, Щербина разбудилъ козакъ Середу, который, не смотря на горестное состояніе своей души, покоился крѣпкимъ сномъ, и сказалъ ему:

—Сѣдай, козаче, своего коня да иди за мною.

Вѣруя въ непостижимое для него могу-

щество Запорожца, козакъ Середа поспѣшилъ исполнить его приказаніе, не спрашивая, почему и для чего.

Запорожецъ молча повелъ его со двора сквозь ворота, извѣстные уже моимъ читателямъ. Они спустились по крутому всходу въ долину, прошли по-подъ висячей башнею, по глыбамъ отвалившейся горы, и поднялись узкой тропою на берегъ байрака, соотвѣтствующій тому, съ котораго они спустились вчера и, по чудной игрѣ природы, совершенно похожій на своего брата, такъ что гора лежала какъ въ зеленой чашѣ, выщербленной только со стороны степи.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ въ глубину лѣса, Запорожецъ остановился и сказалъ:

—Теперь, козаче, садись на коня и поѣзжай себѣ съ Богомъ. Но только не въ Гадячъ, нѣтъ! Вѣрь словамъ сѣчовика Мартина Щербины: онъ ничего даромъ не скажетъ.

Козакъ Середа вспомнилъ сужденіе пана

Бардака́ о Крыжановскомъ и готовъ былъ охотно слѣдовать наставленію Щербины.

—А куда жъ ты посовѣтуешь мнѣ ѣхать, пане Щербино? спросилъ онъ.

—Махай, козаче, прямо до славной Сѣчи Запорожской. Тамъ отыщи ты курѣнь Щербиновскій; а въ томъ куренѣ отаманомъ Петро́ Щерби́на; а тотъ Петро́, коли хочешь знать, не кто другой, какъ старшій братъ мой. Вотъ ты къ нему и вдарься, и скажи ему только, что тебя направилъ до Сѣчи Запорожець Мартинъ Щербина, то уже онъ тебѣ не дастъ загинуть съ голоду: приметъ и угоститъ не хуже, какъ и панъ Бардакъ. Ты жъ, сынку, не будь олухомъ, да прямо и скажи, что у тебя есть *нѣнька старѣнька и сестра рѣднѣнька*, какъ поютъ въ пѣснѣ, и что ты хотѣлъ бы пойти *въ Тилигулъ до Лямы* ⁶⁸ *, а повашему бъ то сказать—на козацкій промыселъ, попробовать своей доли; то уже онъ

---

* Лямою называли Запорожцы все магометанство.

пристроить тебя до такой партіи, что еще къ осени привезешь своей панимáткѣ шапку червонцевъ, а сестрѣ жемчужное намисто съ какой-нибудь Туркѣни. Только, братику, не совѣтую тебѣ жениться на чужой сторонѣ, такъ какъ женился Ивасъ Коновченко, що—

Понявъ собѣ дѣвку, Туркению чужоземку,
У зеленой сѣки, зъ бѣлыми басапáми *.

—Какъ же мнѣ найти дорогу до Сѣчи, пане Щербіно? спросилъ козакъ.

—А вотъ какъ, сынку. Ото заразъ, якъ поѣдешь ты этою дорожкой, то ѣдь все прямо и не сворачивай, Боже тебя сохрани, въ сторону. Тутъ недалеко за лѣсомъ, можетъ-быть верстъ за пятнадцать, а можетъ и за двадцать отсюда, долженъ быть *Муравскій Шляхъ* **, который идетъ изъ Московщины, отъ города Тулы, до самаго Перекопа ⁶⁹. Вотъ ты, выѣхавши на этотъ

---

* Говорится иносказательно о смерти.

** *Шляхъ*—дорога.

шляхъ, ступай направо. И проѣдешь ты этимъ шляхомъ версть—этакъ сказать примерно—версть съ полтораста, до рѣчки Орели. А тамъ уже начинаются запорожскіе радѹты, фигуры ⁷⁰ и зимовники; тамъ уже тебѣ и всякой хлопецъ скажетъ, куда дорога до Сѣчи. Но вотъ тебѣ мое наставленіе, пане-брате. Хоть и попадешься ты межъ удалыя головы, хоть и загуляешь какъ слѣдуетъ покозацки; но никогда не забывай, что имѣешь старую безпомощную мать, которая за послѣдніе грѹши снарядила тебя въ войско, бо якъ хочешь ты себѣ толкуй, а недаромъ сказано въ старосвѣтской пѣснѣ:

Счасливый той чоловѣкъ на свѣтѣ буває,
Котѹрый чтить отцѹ и нѣнькѹ поважає!

Кто знаетъ? продолжалъ онъ подумавши:—можетъ-быть, и бѣдный Михайло погибъ черезъ то, что его отецъ не благословилъ на дорогу... Ну, какъ бы то ни было, поѣзжай съ Богомъ, да воюй храбро. А я еще немного тутъ погощу за своими дѣлами. Да! вотъ чуть было не забылъ! Когда Петро начнетъ спрашивать тебя обо

мнѣ, то скажи только, что я, сдается, скоро уже отыщу то, за чѣмъ поѣхалъ. Прощай, сынъ! Бывай здоровъ!

Онъ обнялъ своего товарища съ чувствомъ отца; молодой козакъ обнялъ его съ почтеніемъ и признательностію сыновнею, и съ тѣмъ они разстались.

Воротясь въ замокъ, Щербина нашелъ своихъ хозяевъ въ великомъ безпокойствѣ. Всѣ искали, куда дѣвался ихъ безцѣнный гость, и тѣмъ больше это приводило ихъ въ недоумѣніе, что Запорожецъ исчезъ, оставя въ конюшнѣ своего воронаго. Объ его спутникѣ никто не безпокоился. Вдругъ Щербина явился между ними, какъ-будто упалъ съ неба, и встрѣченъ былъ радостными восклицаніями.

— А мы думали, пане Щербино, что тебя схватилъ уже твой родичъ, говорили ему.

— Эхъ, вы головы разумныя! отвѣчалъ Запорожецъ:—такъ-то, вы думаете, и схва-

титъ сѣчовика Щербину хоть бы и самому чорту! Нѣтъ, пусть только попробуетъ, собачій сынъ, то воротится безъ роговъ въ пекло. Я выпроводилъ свое хлопя до Сѣчи; нехай трóхи пріучится гулять съ Татарво́ю. Но это дѣло стороннее, а вотъ о чемъ я у васъ спрошу: Что это за дупло такое? Монастырь ли это какой, пли это крѣпость, или это другая Сѣчь Запорожская?

—Былъ это, говорятъ, монастырь когда-то, отвѣчали ему:—да послѣ Татарва́ вырѣзала всѣхъ монаховъ, ограбила все, а монастырь оставался, можетъ-быть, лѣтъ сто пустой, потому что проявились тутъ, говорятъ, какія-то страшилища, отгонявшія народъ отъ этого мѣста. А мы какъ пріѣхали съ своимъ баномъ Радивóемъ въ эту сторону, то не нашли для себя лучшаго мѣста. Вотъ мы немножко кое-что тутъ поустроили, изъ старой церкви сдѣлали бану *кúлу* *, тамъ дальше построили конюшни, починили келіи и живемъ себѣ тутъ припѣвая, уже года съ два.

---

* *Кúла*—башня.

—Кто же такой вашъ банъ?

—Банъ нашъ такой же панъ, какъ и много ихъ по Украинѣ, только конечно погрознѣе прочихъ: тутъ верстъ на двадцать кругомъ всѣ духу его боятся. Сказано банъ!

—Да зачѣмъ же онъ называется баномъ? Что это за названіе такое, и откуда онъ пріѣхалъ въ эту сторону?

—Зачѣмъ называется баномъ? Затѣмъ, что онъ и есть таки настоящій банъ Радивой, или *кнезъ* Радивой. А пріѣхали мы изъ далекой страны, изъ Сербіи, когда слыхалъ.

—Изъ Сербіи, изъ Сербіи, говорилъ Запорожець съ нѣкоторымъ раздумьемъ:— Знаемъ мы эту Сербію, знаемъ... То-то я вижу по вашей крутой мовѣ, что вы не изъ нашего народу... Изъ Сербіи... да. У меня есть пріятель Сѣрбинъ. Онъ живетъ тоже тутъ гдѣ-то на Украинѣ великимъ паномъ, а можетъ-быть, и на Гетманщинѣ; не знаю именно, гдѣ, но только

чую носомъ, что онъ тутъ гдѣ-то близко. Ну, а зачѣмъ же вашъ банъ бросилъ Сербію?

— Не такой сегодня день, чтобъ говорить объ этомъ.

— Понимаю. Скажите жъ вы мнѣ пожалуйста, что за причина этому, что вы насъ застучали на мосту и на что вамъ понадобился такъ бѣдный Михайло?

— Объ этомъ можешь спросить у самага бана, когда хочешь, чтобъ и твоя глава стояла надъ вратами.

— Нѣтъ, чорта съ два моя голова ему достанется! А тому окаянному жупану подѣломъ и мѣла. Легко сказать? спихнуть съ мосту такого славнаго рубаку! Только у насъ на Запорожьи иначе бѣ съ нимъ расправились: у насъ, братцы, и умирать весело.

— Ну, а какъ же у васъ бы сдѣлали?

— У насъ, панове-молодцы, какъ-только

какой гольтяпáка что украдетъ, или кого убьетъ, или если чортъ подведетъ его на грѣхъ ввести въ самую Сѣчъ женщину, — за это строже всего наказываютъ, бо черезъ жинóкъ все лихо на свѣтѣ дѣется, — такъ его раба Божія заразъ берутъ, привязываютъ хорошенько къ столбу посреди площади, а вокругъ него ставятъ въ ваганáхъ горѣлку, пиво, медъ, брагу; тутъ же лежатъ купами калачи и вязокъ съ четыре кiевъ. Вотъ, всякій козакъ, проходя мимо, беретъ кiй, выпиваетъ михáлокъ горѣлки, или меду, или что ему полюбится, закуситъ калачémъ, а потомъ ударить кiемъ виноватаго и скажетъ: «Вотъ это тебѣ, чтобъ не кралъ, не разбойничалъ, не плюгáвствовалъ! Мы всѣ за тебя цѣлымъ куренémъ платили!» И пошелъ себѣ своимъ путемъ. Послѣ придетъ другой козакъ, третiй, и такъ бьютъ его и приговариваютъ, пока не станетъ у него духу. А онъ тѣмъ временемъ тоже попиваетъ горѣлку или медъ, чтобъ не такъ гóрко было умирать ⁷¹.

—Смотри пожалуй! какое славное заведение у людей! говорили слушатели Щер-

бины:—Оно и правда, что козакамъ охотнѣй бить, а ему умирать веселѣй. А не такъ какъ нашему *баряктару** сегодня: отрубятъ главу однимъ махомъ *мача* да и поминай, какъ звали.

—А что жъ мѣшаетъ и вамъ такъ сдѣлать у себя?

—Эгѣ! А *Я-здоровъ* что скажетъ?

—А что жъ такое *Я-здоровъ*? Если онъ считается у васъ вмѣсто кошового, то еще не велика бѣда. У насъ на *Сѣчи* войсковая рада что хочетъ, то и дѣлаетъ; и если кошовый часомъ прошпѣтится, такъ и его къ столбу!

—То жъ у васъ на *Сѣчи*, а у насъ иначе: у насъ что скажетъ банъ, то должно быть свято: на то онъ банъ. А хотъ бы и не свято, такъ что жъ ты будешь съ нимъ дѣлать? Такъ уже заведено отъ прадедовъ.

---

* *Баряктар*—знаменоносецъ, хорунжій.

А впрочемъ житѣе намъ съ нимъ славное: ѣжь, пей, что хочешь; веселись, забавляйся, какъ угодно; только знай свою должность: будь вѣренъ, служи усердно, умѣй держать языкъ за зубами и, гдѣ дойдетъ до дѣла, не жалѣй головы; вотъ и все. Остаешься, пане Щербино, у насъ; будешь межъ нами какъ братъ родной, а банъ на жалованье не скупъ.

—Пожалуй, сказалъ Щербина:—Мнѣ все равно, гдѣ жить, то жить, лишь бы какъ-нибудь добратся до могилы, чтобъ хоть немного отдохнуть. Только, братцы, вотъ уговоръ. Платы отъ васъ, за то что буду пить да гулять, я никакой не требую. Но если мнѣ понадобится заняться своими дѣлами, то уже не погнѣвайтесь: покину васъ и днемъ и ночью, ни у кого не спрашиваясь.

—Да и мы, есть слухъ, тутъ уже не долго будемъ. Недавно прїѣзжалъ гонецъ изъ Сербіи. Кажется, все у насъ дома ладится понашему, и банъ воротится въ свою нахію.

—Однакожь, братцы, сказалъ Запорожець:—что я за козакъ безъ сабли? Дайте лишь мнѣ ее назадъ, да пора чего-нибудь и закусить.

Все было исполнено по его желанію.

Между-тѣмъ время казни, назначенной Радивоемъ своему баряктару, приближалось, и Сербы ждали этой роковой минуты очень спокойно. Въ нихъ не обнаруживалось ни негодованіе, ни чувство мести за смерть своего собрата. Жестокій приговоръ неистоваго Радивоя былъ совершенно въ ихъ характерѣ.

Сербы съ давнихъ временъ постоянно были подвержены такимъ тревогамъ и волненіямъ, что не имѣли времени образовать изъ себя правильное политическое тѣло и установить законы судопроизводства: идея самосохраненія поглощала въ нихъ всѣ прочія. Предводители ихъ, дѣлившіе межъ собой Сербію на множество частей и называвшіе себя *крáлями, банами, князьями и войводами*, заботились только объ отраже-

ніи враговъ и, занятыя безпрестанно войною, судили своихъ подчиненныхъ, безъ дальнихъ разысканій, судомъ категорическимъ, иногда въ общемъ совѣтѣ, а чаще по собственной волѣ. Потомки дѣйствовали при расправѣ тоже — помня обычаи предковъ; и такимъ образомъ кровавый приговоръ военачальника сросся съ понятіями народа о правосудіи и выпадалъ виновному, въ общемъ мнѣніи, какъ приговоръ самой судьбы. А безпрестанная рѣзня съ Турками и съ противными партіями, ожесточившая характеръ цѣлой націи, безпрестанныя хожденія на *освету* * и на дѣвохищеніе приучили Сербовъ видѣть кровь и смерть почти ежедневно. Всѣ ихъ преданія, баллады и пѣсни наполнены самыми трагическими, самыми кровавыми сценами и описаніями. У нихъ, напримѣръ, цѣлая рѣка течетъ окровавленная и покрытая трупами; у нихъ юнаки рубятся съ такимъ ожесточеніемъ, что черныя печенки виднѣются сквозь раны ихъ ⁷² и кровь всадника, те-

---

* Кровомщеніе.

кущая изъ ранъ, заливаетъ у него въ кобурахъ пистолеты ⁷⁵; у нихъ воинъ возвращается съ поля битвы съ обагренными кровью по локоть руками и на конѣ, котораго ноги по колѣни въ крови ⁷⁴; у нихъ братъ жениха подноситъ ему за свадебнымъ столомъ, какъ самый радостный подарокъ, мертвую голову врага его ⁷⁵! *Смерть, кровь, раны* суть перлы въ стихѣ народной пѣсни сербской. А понятіе о мести перешло у нихъ даже въ религіозную идею: вмѣсто *отомстить за убійство* у нихъ говорятъ—*освятить душу убитаго* ⁷⁶. Рѣзаться и стрѣляться составляетъ у нихъ такую же потѣху, какъ у насъ кулачный бой, и страсть къ рѣзнѣ такъ глубоко проникла въ ихъ нравы, что даже въ наше время часто молодые Сербь, волнуемые горячей кровью, оставляютъ домъ родителей и удаляются въ горы *гайдучествовать*, то есть разбойничать, изъ одной охоты порѣзаться ⁷⁷. Остервененіе ихъ характера, раздраженнаго въ теченіе столѣтій стеченіемъ обстоятельствъ, требуетъ пищи, и то, что ужаснуло бы другаго человека,

Серба приводитъ въ какое-то дикое усла-
жденіе.

Глядя съ этой точки зрѣнія, намъ не
покажется неестественнымъ желаніе, можетъ-
быть, ожесточеннаго судьбою Радивоя видѣть
на воротахъ своего замка голову раздра-
жившаго его подданнаго, не покажется так-
же неестественнымъ и равнодушіе его
юнаковъ, взрослыхъ и состарѣвшихся подъ
деспотизмомъ своихъ правителей⁷⁸.

Итакъ время казни наступило. Несчаст-
наго баряктара вывели на дворъ и доложили
Радивою. Радивой не замедлилъ явиться
на высокомъ крыльцѣ своихъ палатъ. Онъ
былъ такъ же мраченъ и сердитъ, какъ
и вчера. При боку у него висѣлъ турецкій
ятаганъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ.

Осужденнаго поставили передъ крыль-
цомъ на колѣни. Надъ нимъ стоялъ палачъ
съ широкимъ и тяжелымъ въ рукѣ мечомъ,
который антикварій отнесъ бы, можетъ-
быть, еще ко временамъ Аттилы.

Всѣ столпились у крыльца, не столько изъ участія къ преступнику, сколько изъ желанія услышать, что скажетъ при этомъ случаѣ банъ, ибо онъ говорилъ такъ мало, что его подданные иногда по цѣлой недѣлѣ не слыхали отъ него ни слова.

Но молчаливый деспотъ, повидимому, не намѣренъ былъ на этотъ разъ осчастливить ихъ своею рѣчью. Онъ окинулъ своимъ тяжелымъ взглядомъ все собраніе, какъ-бы желая знать его мнѣніе на счетъ казни, и уже готовъ былъ дать палачу роковой знакъ, какъ въ это самое время подступилъ къ нему Запорожецъ.

Онъ былъ выбритъ, вымытъ и переодѣтъ въ новое платье, которое привезъ въ торокахъ и которое было такъ ярко и богато, что даже глаза Радивоя обратились на него съ особенною живостью.

—Ясневельможный пане отамане! сказалъ Щербина:—или правда—свѣтлый бане, какъ говорятъ твои Сербы, хотя оно, сказать по правдѣ, все одинъ бѣсъ. Знаешь что я

доложу тебѣ, господине мой драгій? коли уже ты хочешь, чтобъ и я говорилъ по сербски. Обычаи ваши во всемъ хорошіе и православнымъ христіанамъ приличные, но вотъ на этотъ разъ, такъ у васъ чортъ знаетъ что за заведеніе! Гдѣ жъ таки видано, чтобъ человѣка убивать, какъ скотину, или рѣзать, какъ баба курицу? На что это похоже? Не лучше ли привязать его какъ слѣдуетъ къ столбу, а кругомъ разставить медъ, пиво, калачи...

Но тутъ терпѣнье Радивоя истощилось.

—Гунсвотъ, море! сказалъ онъ, однакожъ довольно спокойнымъ голосомъ:—отойди, а то погибнешь!

—Погибну? сказалъ Запорожецъ:—а это что?

Онъ брякнулъ своею саблею.

Радивой слегка усмѣхнулся, можетъ-быть, разъ въ нѣсколько лѣтъ, и движеніемъ руки велѣлъ отвести въ сторону Запорожца, ко-

тораго онъ щадилъ за его невѣроятную дерзость и нерадѣніе о жизни.

Но Запорожцу не понравилось это рѣшеніе. Онъ выхватилъ саблю и, прислонясь спиной къ стѣнкѣ крыльца, сказалъ:

—А ну, панове молодцы! кто кого своятъ!

Сербы остановились въ изумленіи и ждали, что скажетъ банъ.

Банъ на сей разъ былъ очень доволенъ. Онъ прошелся вдоль по крыльцу и, потирая руки, проговорилъ въ полголоса:

—Юнакъ *раборъ* *!

Потомъ, обратясь къ своей гвардіи, далъ рукою знакъ къ нападенію.

Не знаю, какой конецъ имѣло бѣ удалъ-

---

* Храборъ, храбрый. Сербы не выговариваютъ буквы г.

ство Щербины, еслибъ неожиданное обстоятельство не прекратило этой драки. Взмахнувши раза три своей турецкой саблею, Запорожець почувствовалъ на плечѣ вчерашнюю рану и, видя, что она не позволить ему показать свое искусство и силу, бросилъ саблю и сказалъ съ досадою:

—Надалѣ же чортъ якому-сь дурню рубить мнѣ вчера плече! Теперь хоть за веретено берись!

Сербы очень рады были этой развязкѣ. Имъ жаль было бы ранить Запорожца, а зная, какъ онъ защищался наканунѣ, они тѣмъ съ большей неохотою брались за сабли.

Осужденный во все это время стоялъ на колѣняхъ. Палачъ держалъ надъ нимъ широкій *мачъ*. Глаза всѣхъ отъ Запорожца обратились снова къ Радивою.

Радивой молча прохаживался по крыльцу и, казалось, забылъ о своей жертвѣ. Для

него это было не важное дѣло. Онъ привыкъ дѣлать такія операціи между прочимъ. Другія думы, другія заботы, туманили на этотъ разъ его угрюмое лицо.

Но эта случайная его разсѣянность была благодѣтельна для осужденнаго. Въ воротахъ старой башни показался человѣкъ, въ пыли и поту, ведя за собой усталаго коня.

—Гонецъ! гонецъ! Книга! книга *! заговорили въ толпѣ многіе голоса.

Эти слова пробудили Радивоя. Онъ обратился къ воротамъ; взоръ его заблесталъ радостью. Онъ махнулъ рукою палачу и сказалъ:

—Не надо!

---

* Книга у Сербовъ значитъ письмо. Для отличія книги (epistola) отъ книги (liber) прибавляется иногда къ первому значенію прилагательное *сѣтна* (небольшая) книга.

Потомъ, давъ гонцу знакъ слѣдовать за собою, ушелъ въ свои палаты.

Въ слѣдъ за тѣмъ пестрая толпа отхлынула отъ крыльца, поздравляя своего баряктаря съ избавленіемъ отъ смерти.

ГЛАВА XXIII.

— Жаль! сказалъ Запорожець:—эту красноперую птицу стоило бь таки пощипать за моего бѣднаго Михайла! Ну, нѣчего дѣлать, братцы; не удалось намъ погулять на похоронахъ этого молодца, такъ погуляемъ хоть за его здоровье и многолѣтіе, пока опять онъ попадется въ руки вашему свѣтлому бану. А давайте лишь сюда бочонокъ пана Бардака.

Предложеніе его было принято всѣми единодушно. Бочонокъ пана Бардака наполнился виномъ, и Запорожцу опять открылось поприще, на которомъ онъ не встрѣчалъ себѣ соперника.

Щербіна былъ изъ числа тѣхъ людей, которымъ все къ лицу, чтобъ они ни затѣяли; которые смѣются въ глаза каждому, и никто не считаетъ себя обиженнымъ; которые, повидимому, не обращаютъ ни на кого вниманія, а между-тѣмъ заставляютъ всякаго дѣйствовать по ихъ волѣ. Характеръ его такъ пришелся по нраву новымъ его знакомцамъ и такъ очаровалъ ихъ, что даже баряктаръ, о котораго смерти онъ хлопоталъ съ такимъ простодушіемъ, не имѣлъ духу на него сердиться и охотно пилъ съ нимъ за свое долгоденствіе.

Дня черезъ два на него всѣ уже смотрѣли, какъ на своего давняго собрата. Онъ расположился какъ дома, отдалъ своего воронаго подъ надзоръ двумъ конюхамъ, приказалъ очистить и принарядить для себя жилье въ висячей башнѣ, которая ему

понравилась своимъ опаснымъ положеніемъ, повелѣвалъ всѣми, и его повелѣнія имѣли въ себѣ что-то такое ласковое, братское и вмѣстѣ господствующее, что даже чауши Радивоевы не считали себѣ въ тягость выполнять ихъ, а мелкая братія, дивясь его удалству, бойкимъ рѣчамъ, смѣлости и богатому наряду, надѣтому не безъ умыслу, считала за честь, если онъ обращалъ къ ней рѣчь, и кланялась ему въ поясъ.

Словомъ, онъ въ этой новой Сѣчи сдѣлался маленькимъ кошовымъ, потому что Радивой казался особеннымъ, отдѣльнымъ отъ остальнаго міра существомъ, кроющимъ въ глубинѣ души своей какую-то думу, которая вѣчно его мучила и вмѣстѣ съ тѣмъ была единственнымъ звеномъ, привязывавшимъ его къ жизни. Онъ не участвовалъ въ забавахъ своихъ вассаловъ и не вступалъ ни съ кѣмъ въ разговоры. Все сообщеніе его съ ними ограничивалось короткими, часто только мимическими приказаніями, которыя исполняемы были слѣпо, его щедрыми наградами въ случаѣ благосклонности и неистовымъ гнѣвомъ въ

случаѣ немилости. Онъ постоянно былъ одинаковъ: молчаливъ, угрюмъ и свирѣпъ какъ звѣрь. Можетъ-быть, скука по отчизнѣ и тоска по какимъ-нибудь неудачамъ не могли выражаться иначе въ этомъ дикомъ существѣ, которое, привыкши въ своей родинѣ къ кровавымъ подвигамъ, привыкши прядать по горамъ, рыскать по ущеліямъ и метать громы на своихъ противниковъ, теперь томилось и ярилось бесполезною враждою, какъ левъ въ желѣзной клѣткѣ.

Но при своемъ мрачномъ расположеніи духа, банъ любилъ, чтобъ вокругъ него шумѣли и веселились, обѣдалъ и ужиналъ всегда за однимъ столомъ со своими отборнѣйшими юнаками и терпѣлъ спокойно ихъ буйный говоръ, который иногда, особенно при помощи Запорожца, восходилъ до высшей ноты. Когда жъ случалось, что на дворѣ устанавлилась нѣкоторая тишина, онъ посылалъ сказать, чтобъ юнаки забавлялись стрѣльбою, сѣчею или музыкой и танцами. Недостатка въ винѣ для нихъ у него никогда не было. Онъ вывезъ изъ Сербіи много золота, и, разсыпая щедро

деньги, казалось, не зналъ имъ цѣны. Это-то больше всего и влекло къ нему умы и сердца бездомныхъ молодцовъ, при всей его жестокости.

Запорожецъ и тѣмъ еще пріобрѣлъ вліяніе на своихъ товарищей, что вошелъ въ нѣкоторыя сношенія съ недоступнымъ Радивоемъ, чего до сего времени никому еще онъ удавалось. Радивой самъ назначилъ ему за столомъ мѣсто, возлѣ себя по правую руку, любилъ слушать его рассказы о наѣздахъ запорожскихъ на Татаръ и Польшу, о безпрестанныхъ пограничныхъ войнахъ съ Ногайцами и Крымцами, которыя Щербина описывалъ такъ увлекательно, что часто слушатели клали на столъ ложки свои и, подперши рукою подбородокъ, а глаза уставя на рассказчика, ждали, чѣмъ кончится отважная затѣя какого-нибудь куреннаго отамана. Въ его повѣствованіяхъ чаще всего встрѣчались—пламя, кровь и смерть, и потому они нравились Сербамъ до энтузіазма.

Иногда Радивой наклоненіемъ головы по-

казывалъ, что онъ доволенъ его разсказами; иногда даже короткимъ словомъ, сказаннымъ тихо, какъ-бы для себя, выражалъ свое мнѣніе, что впрочемъ случалось очень рѣдко. А разъ, когда Запорожецъ окончилъ самое жаркое описаніе кровавой схватки между Турками и козаками на Черномъ морѣ, онъ такъ былъ восхищенъ, что вскрикнулъ:

—Дóбре, юначе! Испій чашу руйна вина!

Потомъ, наполнивъ серебряный кубокъ лучшимъ виномъ и поставя его передъ Запорожцемъ, сказалъ:

—Дарую!

Никто однакожъ не завидовалъ успѣхамъ Запорожца. По пословицѣ *рыбакъ рыбака видитъ сдалека*, эти люди вполнѣ постигли и оцѣнили храбрость и отвагу Щербины. А храбрость у всѣхъ народовъ, воинственныхъ по преимуществу, считалась добродѣтелью не только главною, но такъ сказать порукою и за всѣ прочія добродѣтели, укра-

шающія мужчину (и Римляне не даромъ назвали ее многообъемлющимъ *virtus*). Вотъ почему жестокой Радивой такъ скоро полюбилъ Щербину. Вотъ почему и Щербина такъ сильно жалѣлъ о Михайлѣ.

На этомъ же основаніи (замѣчу мимоходомъ) и все запорожское товариство такъ крѣпко связано было между собою самою тѣсною дружбою и братскою любовью. На этомъ же основаніи, если хотите, и всѣ рыцарскіе ордена составляли такія дружныя, такія неразрывныя семейства и были могучи и неодолимы до тѣхъ поръ, пока существовала между ними братская любовь; а братская любовь существовала межъ ними только до того времени, пока суровое ихъ мужество и храбрость не уступили мѣста изнѣженности и разврату. Но оставимъ историкамъ изъяснять психологически событія рода человѣческаго и займемся судьбою частныхъ индивидуумовъ.

Скоро Запорожецъ пріобрѣлъ такую власть надъ умами своихъ хозяевъ, что въ случаѣ спора, недоумѣнія или ссоры, они прихо-

дили къ нему судиться, и онъ шутя не одного изъ нихъ велѣлъ высѣчь батогами, а другихъ черезъ эти шутки заставилъ слушать себя непрекословно, какъ начальника. Впрочемъ житье попрежнему шло весело и шумно.

Двѣ недѣли прошло уже послѣ произшествія на мосту. Запорожецъ не думалъ о дорогѣ и, казалось, забылъ о своемъ предпріятіи. Два раза только онъ отлучался куда-то дня на два, не сказавъ никому ни слова, и, воротясь въ замокъ, на всѣ вопросы своихъ товарищей отвѣчалъ, смѣясь и передразнивая Радивоя:

— Не спрашивай, море, а-то погибнешь!

Почти каждый день ѣздили на охоту, въ которой участвовалъ и самъ Радивой. Щербина и тутъ былъ первымъ. Никто вѣрнѣй его не стрѣлялъ изъ ружья, никто не могъ выбрать съ большимъ умѣньемъ мѣста для встрѣчи звѣря ⁷⁹.

Замѣтя въ немъ эти два новыя досто-

инства, Радивой еще больше полюбилъ его,—подарилъ ему дорогое дамасское ружье, или, какъ называлъ онъ посербски, *пушку джевердану*, велѣлъ всегда ѣздить съ собою отдѣльно отъ прочей свиты и даже иногда вступалъ съ нимъ въ небольшіе разговоры.

Разъ возвращались они съ многотрудной, но счастливой ловли. Дружина Радивой отослана была впередъ, а самъ онъ, о бокъ съ Запорожцемъ, ѣхалъ тихо, ворча сквозь зубы любимую свою пѣсню о томъ, какъ Марко Кралевичь нашелъ отцовскую саблю. Это было признакомъ ясной погоды въ его душѣ, всегда суровой и угрюмой. Одна-кожъ Щербина не рѣшался заводить съ нимъ разговора, зная, какъ ненадежна тишина этого характера, тотчасъ готоваго вскипѣть, какъ только случайно что-нибудь дотронется до того мѣста, которое поражено глубокой язвою. Но когда они приблизились къ Михайлову мосту и Радивой, вмѣсто того, чтобъ взѣхать на мостъ, поворотилъ вправо на узенькую тропинку, Щербина счелъ долгомъ вывести его изъ

задумчивости и воротить на прямой путь.

—Пане отамане, сказалъ онъ:—Не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, можно бѣ подумать, що твоя мость выхилила добру чашу *руйна вина*, бо що-сь не даромъ бросилъ ты *друму* * да лѣзешь туда, куда только лисицы бѣгають. Развѣ не видишь, что мы уже минули мость?

—О Щербино, мое дѣсно крыло! отвѣчалъ Радивой ладомъ сербскихъ пѣсень, на который настроено было теперь его воображеніе:—не знашь, побратиме, о чемъ пыташь. Ни я чашу *руйна вина* испио, ни я съ пута совратио. Ветъ ** дума тежка простерлася мнѣ по главѣ. Дошла моему бѣлому двору вѣсть, что господари многи, съ которыми я тутъ имѣлъ кавгу ***, пока не научилъ ихъ знать бана Радивоя, вста-

---

* *Друм*—большая дорога. Щербина наворачиваетъ по-сербски.

** Но.

*** *Кавга*—ссора, драка.

ють на меня всѣ разомъ, да истребятъ меня, а моихъ юнаковъ да разгонятъ, као стадо врановъ. Но гунсвотъ, море! да Богъ ихъ убіе! Я здоровъ! о, я здоровъ тяжело! Мои усарины гоняли Турокъ по десетъ на еднога, самъ я гоню тридесетъ на еднога, као и мой предокъ Вучко Любичичъ, что отнялъ знамя у шестдесетъ айдуковъ и за то получилъ въ даръ кѹлу на Жегарѣ^{во}.

И данас је кула на Жегари,
Позива се Вучка Љубичича...*

Есть кѹла! вскрикнулъ онъ вдругъ своимъ неистовымъ голосомъ такъ громко, что эхо пошло по лѣсу:—Но кто ея владѣетъ?... А, гунсвоты, бусурманы, внуки дьявола!... Еще сіяетъ мачъ гребештацъ** въ моей рукѣ! Придетъ еще время, когда я гряну на ваши головы!... Но я и здѣсь никому не спущу, море! Завтра, побро***, посади на конь моихъ усариновъ, налетимъ на

---

* И понынѣ есть зѣмокъ на Жегарѣ,
Называется зѣмкомъ Вучка Любичича.

** Мач гребештацъ—мечъ булатный.

*** Побро—сокращеніе слова побратимъ въ зват. пад.

проклетыхъ гаврановъ и отнимемъ у нихъ подъ самымъ носомъ стадо о́вацъ. Покажемъ гунсвотамъ, что мы ихъ не боимся. Я здоровъ, море! я тяжело здоровъ!

Щербина былъ великій политикъ. Онъ зналъ, что Радивой въ припадкахъ своей раздражительности забываетъ отношенія свои къ людямъ и готовъ безъ всякой причины придраться къ ничего незначащему слову, а потому онъ удержался съ вопросами, хотя ему сильно хотѣлось узнать, куда ѣдетъ Радивой.

Радивой молчалъ, сердито нахмутивъ брови, надъ которыми всякой прочелъ бы тяжелыя воспоминанія, возмутившія вдругъ минутный миръ его души. Но по мѣрѣ того какъ оба всадника, одинъ по слѣдамъ другаго, углублялись въ чашу лѣса, держась праваго берега шумнаго потока, лицо Радивоя теряло свое грозное выраженіе, и наконецъ онъ началъ снова напѣвать о томъ, какъ Марко Краевичъ умирая раздробилъ въ куски свою саблю, чтобъ она не досталась Туркамъ и чтобъ Турки не

гордились саблею столь славнаго витязя ⁸¹.

—Пане отáмане, сказалъ ему тогда Запорожець и принялся коверкать его слова:—я посажу на конь твоихъ усариновъ и отниму стадо овецъ у проклятыхъ гаврановъ, море! а коли хочешь, то и бре, господине мой драгій. Но только скажи ты мнѣ для Бога милога, куда вотъ это нечистый насъ несетъ?

Такая выходка Запорожца, вмѣсто того чтобъ обидѣть Радивоя, вынудила у него невольную улыбку:

—Авай *, пóбро! весела ти майка **! Нѣ знашъ, пóбро, бесѣдити посербску. Саблею знашъ, а языкомъ нѣ знашъ.

—Бре, войводо, да Богъ тебе позна! отвѣчалъ Запорожець, шая какъ избалованный щенокъ, которому левъ позволилъ играть

---

* Междометіе.

** Майка—мать.

своимъ хвостомъ:—Лучше жъ владѣть саблею, чѣмъ языкомъ, бо языкомъ одна баба переспоритъ двадцать козаковъ, а съ саблею одинъ козакъ разгонитъ тысячу бабъ. Но скажи ты мнѣ *для Бога милога*, куда это мы ѣдемъ?

Вмѣсто отвѣта, Радивой указалъ ему рукою впередъ.

Дорожка, по которой они ѣхали, спускалась по косогору въ глубокую долину, покрытую отдѣльными семействами березъ и орѣшника. На противоположномъ косогорѣ Запорожецъ замѣтилъ что-то въ родѣ строенія, и любопытство его было тѣмъ сильнѣе, что онъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ, чтобъ вблизи замка Радивоева было какое-нибудь жилье человѣческое. Распрашивать теперь объ этомъ у Радивоя было нѣ для чего да, можетъ-быть, и не въ пору, а потому Щербина ѣхалъ молча, въ ожиданіи, пока естественнымъ порядкомъ объяснится ему это обстоятельство.

Поднявшись на косогоръ и обогнувши

нѣсколько густыхъ группъ деревьевъ, они очутились въ виду деревянаго домика, котораго всѣ окна обращены были въ дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ.

Радивой взялъ висѣвшее у воротъ желѣзное кольцо и стукнулъ съ разстановкою трижды. Еще не успѣло умолкнуть эхо, произведенное этимъ стукомъ, какъ ворота отворились, и Щербина не мало удивился, когда навстрѣчу Радивою вышли двѣ женщины въ синихъ полукафтанныхъ, тогда какъ онъ ожидалъ, что такихъ витязей, какъ онъ и его банъ, встрѣтитъ въ этомъ замкѣ по крайней мѣрѣ одна пара добрыхъ усовъ.

Женщины, приблизясь къ Радивою съ знаками великаго почтенія, поцѣловали у него сперва стремя, потомъ полу и руку, но все это произошло въ молчаніи. При взглядѣ на Запорожца, въ глазахъ ихъ выразилось замѣтное удивленіе, но, видно, онѣ хорошо знали характеръ Радивоя. Вмѣсто всякихъ восклицаній, онѣ поклонились и ему молча, и потомъ одна взяла подъ устцы

коня Радивоева, а другая подошла было къ коню Запорожца. Но вороной Щербини дико храпнулъ и сдѣлалъ угрожающій прыжокъ.

—Бре, юначе! сказалъ Радивой:—отдай коня слушкинѣ.

—*Море*, пане отамане, отвѣчалъ Запорожець:—Худо жъ ты знаешь моего воронаго. Никогда женская рука не касалась даже волоска его гривы, и скорѣй онъ дастъ повода свои волку, чѣмъ женщинѣ. Такая, видишь, уже натура запорожская. Отдай ты своего коня, кому хочешь; а я своего разнуздаю и пущу въ лѣсъ. Пусть немного погуляетъ.

ГЛАВА XXIV.

Сошедши съ коней, они вошли въ небольшую комнатку, слабо освѣщенную погасающею лампою, потомъ прошли еще двѣ комнаты, которыхъ убранства нельзя было хорошо разсмотрѣть, ибо вечеръ начиналъ уже смѣняться сумерками. Щербина чувствовалъ только, что идетъ по коврамъ, видѣлъ вокругъ себя низенькіе диваны, напомнившіе ему Крымъ и Турцію, и даже почуялъ запахъ восточныхъ арома-

тических куреній. Любопытство его съ каждымъ шагомъ увеличивалось, но онъ шелъ съ великою осторожностію, боясь какимъ-нибудь стукомъ разсердить Радивоя и чрезъ то лишиться случая увидѣть нѣчто интересное. Между тѣмъ онъ размышлялъ такъ:

—Бестія однакожъ и Радивой! живетъ какъ монахъ въ своей башнѣ; слова отъ него путнаго не добъешься; только и знаетъ, что останавливать добрыхъ людей на дорогѣ да снимать головы своимъ Сербамъ; но между-тѣмъ не забываетъ, какъ видно, пожить порой и потурецки... Чудно только, какъ онъ рѣшился показать мнѣ свою одалыску! Вотъ уже два раза на моемъ вѣку поставленъ я въ тупикъ не хуже иного школяра, который, вышедши читать *апостола*, потеряетъ закладку. На что этому потурченному Сербу понадобился мой Михайло, и съ какой стати онъ вдругъ ведетъ меня къ своей одалыскѣ?

Скоро однакожъ его мнѣніе на счетъ послѣдняго пункта переменилось. Едва всту-

пили они въ четвертую комнату, которая освѣщена была двумя лампадами, какъ-вдругъ изъ боковой двери вышла, или лучше сказать—выпорхнула, на встрѣчу Радивою дѣвушка такой красоты, что Запорожецъ, при всемъ своемъ цинизмѣ, остановился въ чуждомъ для него смущеніи.

Еслибъ я началъ описаніе ея, какъ водится, съ *вообразите*, вы прежде измучили бъ навѣки свое воображеніе, чѣмъ бы достигли до такой высоты, чтобъ представить себѣ что-нибудь подобное. Это была именно такая красота, которая туманитъ зрѣніе и повергаетъ въ обморокъ, красота полная, красота, на которую глядя, хотѣлъ бы вѣровать, что она «вѣчна», повергнуться предъ ней во прахъ и принести жертву. Азіатскій нарядъ, богатый и нѣжный, какъ листки розы, и такъ же натурально и легко драпировавшійся невымысленными складками, придавалъ еще больше блеску чуднымъ формамъ этой женщины, и казалось, одинъ только такой нарядъ и шелъ къ ней. Всякой другой показался бъ насильственнымъ при ея дивныхъ фор-

махъ. Въ ея походкѣ конечно не было того, чѣмъ полюбовался бѣ нынѣшній франтъ, привыкшій съ дѣтскаго возраста жеманныя кривлянья принимать за грацію; зато художникъ, котораго воображеніе напрасно силось создать идеаль благородныхъ движеній Діаны, можетъ-быть, здѣсь встрѣтилъ бы то, чего не приносили ему и самыя свѣтлыя минуты вдохновенія. Таково было существо, встрѣтившее суроваго Радивоя съ радостными восклицаніями:

—А, милый бабо *, милый бабо! да Богъ тебе найде! Ты мнѣ даруешь сегодня ясный день, хоть бы все небо покрыто было тучами.

Она поцѣловала его въ руку. Радивой поцѣловалъ ее въ уста и между очи чѣрне, какъ поется въ сербскихъ пѣсняхъ.

—Дитя мое драго, сказалъ онъ, сѣвши на низенькомъ диванѣ и взявъ ее обѣими

---

* Бабо — папешка.

руками за голову, которую она положила ему на колѣни, сѣвъ на коврѣ у ногъ его: — Дитя мое драго, моя мила Роксанда! Если громъ глухо гремитъ въ черныхъ, какъ дымъ, тучахъ, никто не призываетъ его надъ кровлю своего дома; а ты хочешь, чтобъ я приходилъ смущать тихое твое жилище своимъ голосомъ, который данъ мнѣ для устрашенія враговъ, а не для ласканія женскаго слуха. Пусть громы, кипящіе въ моемъ сердцѣ, разразятся надъ проклятыми бусурманами, а не надъ твоею головою, которая мнѣ гнѣвному и печальному мила такъ же, какъ суровому пустыннику вечернее солнце, сверкающее красными искрами сквозь темную вершину стараго дуба.

— Отче мой и господине благій, отвѣчала Роксанда: — хотѣла бъ я принять на свою главу громъ и молнію, чтобъ только возвратить тебѣ ту радость, какою освѣщалъ ты наши души, когда мы жили въ милой Сербіи . . . .

— Въ кровавой Сербіи, проговорилъ тихо Радивой.

Роксанда продолжала:

—Когда ты управлялъ тысячами съ такою жъ властью, такъ же грозно, какъ и царь на Стамболѣ, когда тихій мѣсяцъ нашего дому — моя мать незабвенная осыпала насъ своими ласками, какъ розами, золотила твой отдыхъ отъ войны, какъ золотитъ горящая заря вершины дикихъ горъ нашей родины и темные лѣса, всегда смутно глядящіе въ долины. Ахъ, какіе то были счастливые дни, мой милый бабо!

—Молчи, море! молчи, мое чадо драго, сказалъ Радивой сердитымъ и вмѣстѣ тронутымъ голосомъ, и потомъ, закусивъ нижнюю губу, онъ задумчиво склонилъ голову.

—Ты знаешь, Роксанда, говорилъ онъ помолчавъ съ минуту:—что я давно свернулъ въ своей памяти этотъ свитокъ и хотѣлъ бы навѣки запечатать его забвеніемъ. Зачѣмъ же такъ смѣло развернула ты его передъ моими глазами? Бойся, чтобъ я не огорчилъ тебя своимъ гнѣвомъ; не прикасайся къ ранамъ моего сердца. Въ замѣну

той лѣтописи, въ которую я не хочу заглядывать, я напишу другую, мечемъ напишу ее, и всякій потомокъ будетъ читать ее съ благодарностію. Моли Бога, Роксанда, чтобъ онъ помогъ моимъ намѣреніямъ. Получилъ я книгу изъ Сербіи. Книга пишетъ, что есть надежда на помощь отъ Венгровъ, что мое имя ходитъ межъ народомъ и всѣ ждуть меня, какъ орлята своей матери. Враги мои не знаютъ, что я живу, радуются моей смерти и говорятъ:—Хвала Аллаху! нѣкому поднять въ Сербіи меча и знамени противъ сыновъ Магомета!—Но зато никогда стадо голубей не пугалось такъ, увидя надъ собою сокола, какъ испугаются невѣрныя, когда моя сабля всѣхъ выше, всѣхъ грознѣе блеснетъ надъ ихъ чалмами. Горы оживутъ, лѣса заговорятъ и рѣки отозвутся голосомъ на мое имя. Море! гунсвотъ! о, я здоровъ, я тяжело здоровъ!

И потомъ онъ снова успокоился и снова началъ ласкать свою Роксанду, какъ-будто нѣжный ея взглядъ тотчасъ укрощалъ мятежный духъ его.

Запорожець, стоя у двери, съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ на эту сцену. Ему ново и чудно казалось въ жестокомъ характерѣ Радивоя нѣжное чувство, которое выражалось въ его наклоненномъ къ дочери лицѣ и блестѣло тихою искрою въ его взорѣ. Для него былъ новъ и этотъ восточный складъ рѣчей Радивоя, который обнаруживалъ въ немъ образованный (посербски) умъ и душу, способную наслаждаться мирною домашнею жизнью, еслибъ обстоятельства не превратили въ бурю внутреннихъ силъ ея.

Радивой съ своею дочерью представлялъ прекрасный сюжетъ для изображенія противоположныхъ характеровъ, которые сближены однимъ чувствомъ такъ, что и различіе пола, и различіе лѣтъ, и различіе фizioноміи, при всемъ своемъ несходствѣ, казались чѣмъ-то общимъ, такъ гармонирующимъ одно съ другимъ, какъ гармонируютъ съ древнимъ дубомъ зеленые его отпрыски, мѣшающіе свѣжіе свои листья съ вѣковымъ мохомъ крѣпкаго его ствола. Она, положа обѣ руки и подбородокъ на его ко-

лѣно, глядѣла ему въ очи; и хотя въ глубинѣ взора Радивоева виденъ былъ характеръ могучій, питающійся дерзкими предприятиями и надеждами власти и славы, а во взорѣ Роксанды виднѣлась душа тихая и нѣжная, дающая источникъ всему, что производитъ человѣкъ изящнаго; однакожъ въ томъ же взорѣ и у Радивоя и у его дочери свѣтилось чувство, составляющее переходъ отъ могущества къ нѣжности, отъ великаго къ прекрасному; и соединеніе этихъ двухъ главныхъ элементовъ человѣческой природы такъ сгармонировало обѣ фигуры, что и для Запорожца Щербины, непосвященнаго въ тайнства изящныхъ искусствъ, но принимавшаго въ душу общія всему человѣчеству впечатлѣнія безсознательно, Радивой, при нѣжно-изящныхъ формахъ своей дочери, казался еще громаднѣе, еще могучѣе, еще болѣе похожимъ на мужчину, а его дочь, при его атлетической фигурѣ, казалась еще изящнѣйшимъ, еще достойнѣйшимъ образцомъ женщины.

— Спой мнѣ, мила Роксанда, любимую

мою пѣсню о Маркѣ Кралевичѣ, сказалъ Радивой:— Пусть его великій духъ оживитъ мое грустное сердце.

Роксанда взяла въ одну руку инструментъ, подобный гитарѣ, объ одной только струнѣ, а въ другую длинный смычокъ.

Щербина, во все это время несводившій глазъ съ Радивой и его дочери, обратилъ теперь особенное вниманіе на этотъ инструментъ.

— Посмотримъ, думалъ онъ:— каково-то удастся тебѣ справиться съ этою кобзою. Бандура, не бандура; скрипка не скрипка! Эти Сербы хороши только, когда дойдетъ дѣло до сабли или до кубка; но въ другихъ случаяхъ народъ пребезтолковый: хватаютъ на дорогѣ людей безъ всякой причины, играютъ въ молчанку, когда добрый человѣкъ добивается путнаго отвѣту, крестятся похристіянски, а обычаями тѣ же Турки, и смѣшнѣе всего, хотятъ на одной струнѣ прославлять своихъ предковъ! Такъ ли прославляютъ у насъ храбрыхъ

рыцарей? Когда пустишь рокоть по тридцати струнамъ бандуры, кажется, будто души павшихъ въ бою козаковъ собрались вокругъ тебя роемъ и подняли говоръ, при стукѣ ковшей и звонѣ сабель.

Пока онъ такъ размышлялъ, Роксанда привела въ порядокъ свой инструментъ, оперла его на колѣно и сдѣлала длинную прелюдію, какъ бы обдумывая между-тѣмъ, что ей пѣть.

Никогда Запорожецъ не слыхалъ подобной музыки, однакожъ она была ему какъ-будто знакома. Она напомнила ему завыванія того вѣтру, который мчится по степи, клубя и катя впередъ по дикимъ камышамъ и бурьяну струи пламени и потоки дыму; она напомнила ему крикъ дикихъ птицъ, летящихъ весною огромными стадами изъ-за Чернаго моря, напомнила зовъ голосовъ, перекликающихся и глохнувшихъ въ лѣсу. Такъ была она дика и вмѣстѣ естественна.

Окончивши прелюдію, Роксанда сдѣлала

длинную паузу, послѣ которой начала пѣть, аккомпанируя мѣрными ударами смычка и оканчивая каждый куплетъ длинными руладами.

Можетъ-быть, намъ не понравилась бы эта игра, намъ, доведшимъ музыку до такого многосложного хаоса, что непривычный слухъ теряется въ немъ и не можетъ вполне обхватить падающихъ одна за другою многоструйныхъ волнъ музыкальнаго водопада. Но Запорожецъ, котораго слухъ образовался подъ напѣвъ малороссійскихъ народныхъ думъ, торжественныхъ и вмѣстѣ раздумныхъ, почуялъ въ пѣснѣ Роксанды что-то родное, и хотя ясно не понималъ ея содержанія, однакожъ въ немъ отзывались тѣ душевныя ощущенія, какія испытываетъ воинъ въ своей кровавой, мучительной и вмѣстѣ сладостной для него потѣхѣ.

Голосъ Роксанды натурально былъ тихъ и нѣженъ, но когда она выражала чувства горестныя или восторженныя, въ немъ слышался пронзительный крикъ орлицы,

летающей черезъ пустынные скалы, въ которыхъ много разъ на ея голосъ отзывается и вторится эхо.

На лицѣ Радивоя видно было глубокое чувство война и патріота, съ какимъ онъ слушалъ пѣсню о героѣ, составляющемъ для Сербовъ предметъ гордости и идеалъ воинскихъ добродѣтелей. Онъ глядѣлъ на Запорожца, какъ-будто хотѣлъ знать, дѣйствуютъ ли и на него въ равной степени музыка и слова Роксанды. Можетъ-быть, Радивой и завелъ его сюда съ тѣмъ, чтобъ похвалиться передъ нимъ своею дочерью и доставить ему случай услышать поэзію и музыку, вполнѣ народную сербскую, безъ примѣси заимствованныхъ у чужестранцевъ инструментовъ; можетъ-быть, онъ хотѣлъ подѣлиться чувствомъ своего восторга съ Щербиною, котораго цѣнилъ выше всѣхъ своихъ подчиненныхъ за его оригинальный характеръ, необыкновенную храбрость и полное призраіе къ жизни. Но Запорожецъ наглядѣлся уже на Роксанду и освоился съ новостью ея напѣва и музыки, а не понимая вполнѣ содержанія пѣсни, не могъ

долго слѣдить за нескончаемыми ея куплетами ⁸² и, отворотясь отъ пѣвицы, сталъ разсматривать убранство комнаты. Все въ ней занимало его, ибо комната была убрана роскошно и въ восточномъ вкусѣ; но одна вещь особенно привлекла къ себѣ его вниманіе. То была богато оправленная сабля, замѣчательной длины, съ орлиной головою на рукояти. вмѣсто глазъ въ этой головѣ вдѣлано было два рубина, осыпанные вокругъ небольшими брилліантами.

Такая вещь никогда не была бы пропущена Запорожцемъ безъ вниманія, но теперь взглядъ на эту саблю привелъ въ трепетъ его сердце. Онъ вспомнилъ, что такая точно рукоятка была на саблѣ у Михайла Чарнышѣнка. Тысяча мыслей представилась вдругъ его уму:

—Какимъ образомъ попалась сюда эта сабля? Еслибъ тѣло Михайла было найдено, я зналъ бы объ этомъ. Да пусть будетъ и такъ; но съ какой же стати его саблѣ явиться во владѣніи дѣвушки, которая искусно владѣетъ смычкомъ, но такая

вещь ей не подь силу. А можетъ-быть, Михайло живъ? (Туть сердце его забилося еще сильнѣе.) Можетъ-быть, онъ спасенъ какимъ-нибудь чудомъ и теперь находится тутъ же недалеко гдѣ-нибудь.

Впрочемъ эта послѣдняя мысль только мимоходомъ заглянула ему въ голову и, встрѣтя тамъ сильное противорѣчіе, тотчасъ удалилась.

—Нѣтъ, никакія силы не могли спасти его, думалъ Запорожець:—Онъ былъ весь израненъ, да и полетѣть въ такую бездну съ конемъ—плохая шутка!

И между-тѣмъ, не смотря на увѣренность въ гибели Михайла, Запорожцу сильно хотѣлось осмотрѣть эту саблю. Если найдетъ онъ на ней буквы *М. Г.*, вензель полковника Максима Гладкаго, это несомнѣнное доказательство, что она принадлежала Михайлу. Но какъ за это взяться? Можетъ-быть, Михайло, сверхъ чаянія, въ самомъ дѣлѣ живъ, и въ такомъ случаѣ опасно обратить на эту саблю вниманіе

Радивоя. Это значило бы — спасти Михайла изъ пропасти и столкнуть въ другую.

Находясь въ такомъ недоумѣніи и затрудненіи, побуждаемый любопытствомъ и останавливаемый осторожностію, Щербина не обращалъ вниманія на Радивоя, который давно уже слѣдилъ за его странными движеніями и старался разгадать, что значить этотъ безпокойный видъ Запорожца, что значать эти ужимки, потираніе рукъ, переступаніе съ ноги на ногу и косвенные взгляды въ уголъ, подобные тѣмъ, какіе бросаетъ котъ на кусокъ говядины, выжидая случая, чтобъ стянуть его украдкой со стола, когда поваръ засуетится около печки. Видя наконецъ, что Запорожецъ не сводитъ глазъ съ одного мѣста, Радивой всмотрѣлся пристальнѣе и, къ великому своему удивленію, замѣтилъ саблю въ комнатѣ своей дочери!

—Што это за сабля? спросилъ онъ, прерывая вдругъ пѣсню Роксанды.

Этотъ вопросъ, незначительный самъ по

себѣ, заставилъ Запорожца вздрогнуть и привелъ въ неизъяснимое смущеніе Роксанду. Взглянувъ на саблю, она вдругъ поблѣднѣла, руки ея задрожали, и однострунная цитра вмѣстѣ со смычкомъ покати́лась на коверъ.

—Што это значитъ, море? вскрикнулъ Радивой вдругъ такимъ голосомъ, котораго никакая женщина не могла бѣ слышать безъ трепету, и рука его машинально протянулась къ кинжалу.—Подай сюда эту саблю, сказалъ онъ Запорожцу.

Запорожецъ повиновался, и тѣмъ охотнѣе, что это доставило ему удобный случай взглянуть на надпись. Такъ! на эфесѣ съ одной стороны—буквы *М. Г.*, а съ другой: *Славного року АХМИ освящено сіе оружіе на враговъ Православныя Церкви его милостью высокопреосвященнымъ Іосафатомъ, митрополитомъ коринѳскимъ.*

—Врагъ меня побери, если это не Михайлова сабля! воскликнулъ въ восторгъ Запорожецъ, не дочитавъ даже надписи и за-

бывъ отношенія Михайла къ Радивою.

—Михайлова! вскричалъ Радивой, вскочивши съ дивана и вырывая у него саблю:—Михайлова, гунсвотъ! Какого это Михайла, море?

Запорожецъ спохватился, но уже поздно. Нужно было или объясниться безъ обвиняковъ, или принять на свою голову всю бурю Радивоева гнѣва, и Щербина не долго затруднялся въ выборѣ.

—Чорта съ два ты отъ меня добьешься толку, думалъ онъ, глядя очень равнодушно на бѣшеннаго Серба, который самъ себя не помнилъ въ своемъ неистовствѣ.

—Говори, море! кричалъ онъ, приступая къ Запорожцу съ кинжаломъ въ рукѣ:—Говори, гунсвотъ, или твоя душа тотчасъ увидитъ дьявола!

—Не надо лучшаго дьявола, какъ и ты, говорилъ себѣ мысленно Щербина, но все еще не зналъ, что отвѣчать Радивою.

—Роксанда! обратился Радивой къ своей дочери, видя, что Запорожецъ медлитъ отвѣтомъ:—Роксанда, скарай тебя Боже! чья это у тебя сабля? какого Михайла? Отвѣчай, если хочешь еще жить на свѣтѣ!

Но Роксанда, трепетная и блѣдная, едва дышала отъ испугу.

—Чого се такъ роскричався, пане отамане? сказалъ наконецъ Запорожецъ тѣмъ юморически-безпечнымъ тономъ, который такъ шелъ къ его беззаботному и шутливому характеру:—Чого се вже росходився, мовъ дикій кôнь на арканѣ?

—Гунсвотъ, море! кричалъ Радивой:—Што это за сабля? спрашиваю я тебя.

—Да постой же, Бога ради; дай собраться съ толкомъ. Говорить—не горохъ молотить. Ты думаешь, и всякъ потвоему: что на языкъ взбрело, то и гукаешь на всю хату. Что за сабля. Развѣ не видишь? Сабля добрая, старосвѣтская; пришлась бы по рукѣ хоть и самому Морозенку, про ко-

тораго поють въ пѣснѣ:

Де проѣде Морозѣнко—кровавая рѣчка...

—Щербино, море! грозно сказалъ Радивой:—Богомъ клянусь, что будешь ты безъ головы!

—Ну, такъ, что новость! отвѣчалъ Щербина, обнаживъ въ ту же минуту свою саблю:—Слыхали мы, пане отамане, про эту диковинку не разъ да и не два. Можетъ-быть, у васъ въ Сербіи это кого-нибудь удивило бѣ, а нашему брату Запорожцу всё равно, съ головою или безъ головы: гуляй, козацкая душа, напропалую, пока есть люлька въ зубахъ, а сабля въ рукѣ! А ну, *господине мой блаий*, помѣряемся со мною, море! Посмотримъ, кто изъ насъ прежде увидится съ сатаною, бре!

Казалось бы, въ отвѣтъ на это, Радивой долженъ былъ ринуться на Запорожца съ своею саблею и исторгнуть у него тайну, наступя на грудь; но вышло напротивъ. Гнѣвно сверкая кровавыми очами и

глухо бормоча какія-то слова, Радивой вложилъ въ ножны кинжалъ и отступилъ отъ Запорожца. Такъ черная туча, сказалъ бы поэтъ, налетаетъ на дикую скалу, потрясаетъ ее до основанія своимъ громомъ, мечетъ въ нее огненные стрѣлы, но все напрасно: спокойно стоитъ холодная твердыня, и, изнуривъ свою ярость, удаляется туча, вспыхивая и зажигаясь всё слабѣе и слабѣе и долго еще гудя затихающимъ громомъ.

Что удержало Радивоя отъ боевой схватки съ Запорожцемъ, объяснить трудно; но во всякомъ случаѣ не увѣренность въ превосходствѣ силъ и храбрости противника. Можетъ-быть, онъ не хотѣлъ погубить Щербины, зная, какъ онъ въ послѣдствіи можетъ ему пригодиться; можетъ-быть, онъ надѣялся другими средствами проникнуть въ эту тайну, безъ большаго шума и драки. Какъ бы то ни было, только, отошедши отъ Щербины, онъ обратился къ своей дочери и сказалъ довольно спокойнымъ голосомъ:

—Я вижу, Роксанда, что у тебя начинают заводиться какія-то шашни. Клянусь небомъ, которое у тебя надъ головою, и землею, которая у тебя подъ ногами! никогда паша не каралъ своей рабыни съ такою жестокостью, какъ покараю я тебя, если только ты не оправдишься! Чѣмъ больше люблю, тѣмъ грознѣе покараю! Теперь ты совсѣмъ безумная,—нѣчего съ тобою и говорить. Но если ты завтра не объяснишь мнѣ всего дѣла, горе душѣ твоей матери!

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ изъ комнаты. Щербина послѣдовалъ за нимъ и, переступая порогъ, невольно оглянулся на Роксанду, которая въ сильной горести закрыла лицо руками и упала на подушку. Онъ съ досадою почувствовалъ, что сердце его сжалось отъ жалости; но привычка вѣчно дѣлать изъ себя юрода была въ немъ такъ сильна, что онъ всѣ движенія своей души выражалъ однимъ тономъ.

—Теперь, видно, и ты, моя панночко, узнаешь, по чѣмъ кѣши лиха! думалъ онъ:

—А гáрна, нѣчего сказать!... Да уже жъ
постой! Мнѣ всегда какъ-будто что-то шеп-
тало на ухо, что Михайло не совсѣмъ еще
пропалъ. Пусть только поможетъ мнѣ Го-
сподь отыскать его, то мы тебя не оста-
вимъ на обѣдъ этому мазепѣ... А пара
была бѣ знатная!... Эхъ, потанцовалось бы
добре на свадьбѣ у Михайла!

ГЛАВА XXV.

Радивой сѣлъ на подведеннаго ему коня, оттолкнулъ стремянемъ женщину, которая хотѣла поцѣловать полу его платья, и поскакалъ со двора. Запорожецъ, вышедши за ворота, свиснулъ особеннымъ образомъ. На этотъ свистъ его вороной, не хуже сказочнаго Сивки-Бурки, въ ту жъ минуту сталъ передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Щербина, подтянулъ подпругу, вскочилъ въ сѣдло, не касаясь стремени,

и помчался въ слѣдъ за Радивоемъ.

Молча ѣхали оба, думая каждый свое; но когда приблизились къ Михайлову мосту, Радивой взѣхалъ на мостъ, а Щербина остановился и сказалъ:

—Пане отамане! благодаримъ за хлѣбъ, за соль и за угощеніе!

—Какъ это? сказалъ съ удивленіемъ Радивой, остановясь на мосту.

—Такъ, *господине мой благій*. Пора намъ распрощаться. Есть люди, которымъ голова моя нужнѣе, чѣмъ тебѣ.

—Бре, юначе! не сердись на меня; воротись, драгій побратиме. Клянусь тебѣ Богомъ истиннымъ, што не хочу тебѣ чинити зла!

—Не помогутъ уже теперь ни *бре*, ни *море*, отвѣчалъ Щербина:—Было знать, какъ обходиться съ такими людьми, какъ я. А-то столкнулъ съ мосту моего Ми-

хайла, да еще и меня хотѣлъ въ слѣдъ за нимъ отправить. Прощай, пане отамане; не поминай недобрымъ словомъ.

—Михайла съ мосту! воскликнулъ Радивой, между тѣмъ какъ Щербина отъ него удалялся:—О Щербино, мое дѣсно крыло! постой, побро, постой одну минуту, Расскажи мнѣ....

Но Запорожецъ исчезъ въ темнотѣ, какъ призракъ, и всѣ призывы Радивоя были напрасны.

Надобно впрочемъ сказать, что Щербина съ умысломъ притворился передъ Радивоемъ, будто затѣмъ только съ нимъ разстается, что не можетъ сносить жестокаго его характера. Этимъ средствомъ онъ хотѣлъ только закрыть передъ нимъ свое настоящее намѣреніе. Распрощавшись съ Радивоемъ, онъ остановился за кустомъ и, когда услышалъ, что Радивой поскакалъ далѣе, отыскалъ въ темнотѣ дорожку, ведущую къ домику Роксанды, и черезъ полчаса стоялъ уже у воротъ, стуча кольцомъ

со всей силы. Когда жъ на его стукъ отворилась половина воротъ и изъ-за нее высунулась чья-то голова, вѣроятно, съ намереніемъ задать ему вопросъ, Щербина безъ дальнихъ объясненій соскочилъ съ коня, втокнулъ ее обратно въ дворъ и, прежде чѣмъ она опомнилась отъ изумленія и испугу, былъ уже въ комнатѣ Роксанды.

—Ясная панночко! сказалъ онъ, подступая къ ней съ большою ловкостью, которую онъ перенялъ у польскихъ шляхтичей:—не бойсь, *море!* по милости запорожскаго лыцаря Щербины, будешь еще долго жить на свѣтѣ и сводить съ ума добрыхъ людей; скажи только мнѣ, гдѣ Михайло?

Роксанда сперва испугалась, увидя вдругъ передъ собой не слишкомъ нѣжную образину Запорожца съ парюю толстыхъ усовъ и длиннымъ оселедцемъ, но скоро оправилась, не столько по воспоминанію о томъ, какъ онъ отвѣчалъ на допросъ Радивоя, сколько по внутреннему чувству, которое въ тревожномъ состояніи души съ удиви-

тельною вѣрностью указываетъ намъ пріятеля и недруга.

—Господине мой благій! сказала она:— Я чувствую, что ты не хочешь меня погубить...

—Правда! прервалъ ее съ восторгомъ Запорожець:—Вотъ правда, такъ такъ! Вотъ это значить—знать Запорожца Щербину такимъ, какъ онъ есть! Такъ уже жъ если такъ, моя ясная панночко, то и я тебѣ скажу отъ щирого сердца, что скорѣй голову свою положу на мѣстѣ, чѣмъ допущу кого-нибудь,—хоть бы то былъ самъ Люциперъ,—коснуться волоска твоего! Вижу я, что тебѣ ни милости, ни пощади отъ твоего отца не ждать. Пропадешь, голубонько моя, и ты, пропадетъ и Михайло! И никто о васъ не будетъ жалѣть больше меня. Но, *гунсвотъ, море!* какъ говоритъ твой панотець,—если у васъ обоихъ есть въ головѣ толку хоть столько, сколько у жареной курицы, то слушайте сѣчовика Щербины. Не будь я запорожскій лыцарь, если онъ не проведетъ васъ на сѣчовыя

земли такъ, что и сова не будетъ знать, нетолько люди!

—Господине мой ласкавый, господине мой честитый! говорила Роксанда:—что жъ повелишь ты мнѣ дѣлать?

—А вотъ что, дитя мое коханое, вотъ что, маленькій ты мой *гунсвотикъ*, говорилъ Запорожецъ, которому ничто не было пріятнѣе, какъ заняться чужими дѣлами въ видѣ опекуна:—Веди меня прежде всего къ Михайлу, а потомъ—пусть врагъ возметъ мою душу, если я не пристрою васъ въ своемъ зимовникѣ, какъ собственныхъ дѣтей своихъ!

Роксанда позвала двухъ служанокъ, велѣла собраться въ дорогу и взять фонарь. Запорожецъ между-тѣмъ поднялъ съ полу Михайлову саблю и прицѣпилъ себѣ съ правой стороны, боясь оставить здѣсь столь нужную для Михайла на всякій случай вещь, и потомъ всѣ четверо вышли со двора. Роксанда приказала оставшимся женщинамъ

запереть ворота и не отпирать никому до
ея возвращенія.

Запорожець съ великимъ нетерпѣніемъ
ожидалъ свиданія съ Михайломъ. Онъ дѣ-
лалъ такіе широкіе шаги, какіе только по-
зволяли ему безчисленныя складки широ-
кихъ его шароваръ, и, безпрестанно опе-
режая своихъ спутницъ, снова возвращался
къ нимъ и упрашивалъ идти скорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ слышали они
шумъ ручья, который онъ такъ много разъ
напрасно проклиналъ за Михайла, и когда
вся группа подошла къ берегу и свѣтъ фо-
наря палъ на воду, Запорожець увидѣлъ,
что переправа въ этомъ мѣстѣ рѣшительно
невозможна. Правда, берега были здѣсь
гораздо ниже, чѣмъ у Михайлова мосту, и
ширина была не болѣе сажени, ибо двѣ
огромныя каменные глыбы, высунувшіяся
на поверхность, вѣроятно, изъ подземной
каменной цѣпи, лежали у обоихъ береговъ
одна напротивъ другой; но зато эти глыбы
такъ сжали воду, что она, поднявшись по-
чти въ уровень съ ними и потомъ про-

рвавшись сквозь тѣсное ущеліе, образовала родъ каскада, косвенно низвергающагося внизъ съ ревомъ и пѣною.

—Ну, что жъ теперь будемъ дѣлать? сказалъ Щербина своимъ спутницамъ:—Пожалуй, я-то перескочу на другой камень, но за васъ не ручаюсь.—А, вотъ это дѣло! прибавилъ онъ, увидѣвши, что двѣ служанки выгнали изъ куста доску:—Но стойте жъ, голубоньки, дайте лишь сюда. Сдается мнѣ, что я немножко умнѣй вашихъ круглыхъ головокъ и съумѣю сдѣлать это лучше, чѣмъ кто-нибудь другой.

Потомъ положилъ доску съ камня на камень и, перешедши сперва самъ, просилъ Роксанду не бояться и идти смѣло, впрочемъ увидѣлъ, что его ободреніе было напрасно: она вступила на узкую доску такъ легко и свободно, какъ-будто шла по коврамъ въ своей комнатѣ.

—Бравая дѣвка! сказалъ Запорожецъ, щелкнувши пальцемъ у себя надъ головою:—годится быть жинкою моему Михайлу!

Еслибъ эту переправу видѣлъ живописецъ, она доставила бъ ему прекрасный сюжетъ для картины во вкусѣ Рембрандта. Межъ двухъ огромныхъ камней съ страшною силою прорывается вода, повергая внизъ съ каждымъ мгновениемъ цѣлые пучки блестящихъ хрустальныхъ дугъ, раздробляя ихъ въ черной глубинѣ и превращая въ матовую пѣну. На одномъ камнѣ—двѣ темныя женскія фигуры, ярко тронутыя близкимъ свѣтомъ фонаря; на другомъ—мужественная, широкая и великолѣпная фигура Щербины, котораго можно бы принять за лѣснаго бога, переодѣвшагося въ Запорожца; и къ нему, какъ будто въ жертву, черезъ кипящую пропасть, по узкой доскѣ, идетъ существо такой красоты, какую воображеніе народное любитъ поселять только въ лѣсахъ и при источникахъ. Между-тѣмъ теплый свѣтъ фонаря, слабо озаряя вверху нагнувшіяся съ обѣихъ сторонъ надъ потокомъ вѣтви деревъ, сверкая тысячами искръ въ струяхъ воды и теряясь въ темнотѣ лѣса, разливалъ на всю картину удивительно согласное золотистое освѣщеніе.

Перешедши ручей, пошли далѣе помежъ густыми деревьями. Служанка закрыла фонарь, и Роксанда просила Запорожца идти молча, ибо они были недалеко отъ зámка Радивоева. На пути своемъ они слышали нѣсколько разъ въ лѣсу чей-то сигнальный свистъ, на который въ другой сторонѣ отвѣчали такимъ же тономъ; что очень удивляло Запорожца и приводило въ трепетъ женщинъ. Наконецъ свиснуло такъ недалеко отъ нихъ, что всѣ вздрогнули, и Щербинѣ великаго труда стоило принудить себя къ молчанію. Одна мысль о Михайлѣ и опасность, какой онъ могъ бы подвергнуть своихъ спутницъ, удержали его отъ объясненія съ этими таинственными свистками, которыхъ ни Роксанда, ни Запорожецъ никогда не слыхали прежде въ окрестностяхъ Радивоева зámка.

Опасаясь на каждомъ шагу наткнуться на непріятную встрѣчу, они шли всё далѣе и наконецъ очутились въ небольшомъ байракѣ, такъ густо обсаженномъ деревьями, что сквозь наклонившіяся надъ нимъ вѣтви едва видно было мѣстами звѣздное небо. Тутъ начали они, одно за другимъ,

пробираться кустами, пока достигли другого края байрака. Служанки сняли съ покатоści большіе дерновыя пласты, и потомъ всѣ вошли въ небольшую дверь, которую снова заперли за собою.

При свѣтѣ фонаря Запорожецъ долго еще шелъ за своими спутницами по узкому коридору съ кирпичнымъ сводомъ. Наконецъ остановились въ небольшой комнатѣ, похожей на монашескую келью и въ которой онъ увидѣлъ столовую посуду и другія вещи, доказывавшія, что это мѣсто обитаемо.

Роксанда просила Запорожца обождать въ этой комнатѣ, а сама вошла въ другую. Запорожецъ сталъ подъ дверью и прислушивался съ трепетаніемъ сердца, не услышитъ ли голосу Михайла. Но слышался только голосъ Роксанды.

— О мой Боже, мой Боже милый! говорила она: — до чего доведетъ меня судьба, до чего доведетъ меня собственное мое безуміе? Умомъ вижу одно, а дѣлаю другое, дѣлаю и сама не знаю, что дѣлаю!...

Какъ-будто свѣтъ моимъ очамъ закрытъ съ того несчастнаго вечера, какъ я тебя увидѣла, мой милый, мой любимый, мой безцѣнный!

—Ага! *оттака ловись!* сказалъ тихо Запорожець:—Пошло, видно, дѣло на ладъ!

—Не тоскуй, Роксанда, слышался другой голосъ:—у меня сердце болитъ, когда подумаю, что я причиною твоего несчастія.

—Браво! чуть не вскрикнулъ Запорожець:—есть и Михайло! Но послушаемъ, какія глупости скажутъ они еще одинъ другому.

—Нѣтъ, ты не причиною Михайло, говорила Роксанда:—Развѣ я несчастна? Развѣ камень можетъ быть счастливъ? А я была не что, какъ камень, пока тебя не знала! Съ того времени я переродилась. О, пріятно для тебя страдать, весело для тебя и умереть, Михайло!

Запорожець смѣялся отъ всей души, стоя

подъ дверью, но въ тоже время ощутилъ въ душѣ своей и какое-то нѣжное чувство.

—Ахъ, ты птичка моя пустынная, *гун-свотикъ* ты мой хорошенькій, *море* ты мое маленькое! говорилъ онъ, относя всѣ эти нѣжности къ Роксандѣ.

—Но ты никогда не перестанешь меня любить? говорила Роксанда.

—Никогда, Роксанда, отвѣчалъ голосъ Михайла.

—И другой никогда не полюбишь?

—О, нѣтъ, Роксанда, никогда!

—А если полюбишь?... Ахъ, лучше прежде убей меня, задуши сонную, чтобъ я ничего не знала!

—Ну, стоить ли теперь тарабарить о такихъ пустякахъ? сказалъ Запорожець и хотѣлъ было безъ дальней церемоніи войти къ Михайлу, но увидѣлъ, что дверь съ

другой стороны была заперта.

Между-тѣмъ снова слышался голосъ Роксанды:

—Я вчера отклоняла тебя, Михайло, отъ намѣренія ѣхать такъ скоро отсюда, а теперь сама пришла просить тебя объ этомъ. Отецъ мой узналъ, что ты здѣсь. Горе намъ обоимъ, если не спасемся!... Когдабъ ты не былъ въ такой опасности, можетъ-быть, я меньше бы тебя любила. Но чѣмъ больше грозила тебѣ бѣда, тѣмъ дороже ты для меня становился, и теперь я готова бѣ отдать сто жизней за милый твой взглядъ, за одно твое слово, за одно твое желаніе! Съ тобой не страшна мнѣ никакая доля! Ёдемъ отсюда, милый другъ, ёдемъ, куда очи глядятъ, лишь бы съ тобою, ахъ, лишь бы съ тобою!

Тутъ Запорожецъ уже не вытерпѣлъ.

—А что жъ это? закричалъ онъ сквозь дверь:—меня вамъ уже и не нужно? Объ этомъ вы должны просить совѣту у сѣчо-

вика Щербины, а безъ него вы чорта съ два что сдѣлаете! Пожалуй, вы пробалагури́те такъ цѣлую ночь и заѣдете къ сатанѣ въ зубы. Отворите лишь, а-то, ей Богу, высажу двери!

—Кто это? Это панъ Щербина? слышался голосъ Михайла.

—Конечно, Щербина, кричалъ Запорожець:—Ты думаешь и всѣ такъ прячутся отъ своихъ пріятелей, какъ ты. Отвори, а-то, ей Богу, не дождусь и испорчу двери; а штука хоть не дорогая, да нужная: сгодится еще какому-нибудь пусты́ннику, который бросится съ мосту въ воду, чтобъ поймать *маленькаго гунсвотика*.

Эту фразу Запорожець договорилъ уже въ другой комнатѣ и бросился обнимать Михайла.

—Чудно на свѣтѣ стало! говорилъ онъ: —не разберешь, гдѣ человѣкъ, гдѣ рыба! Врагъ поberi мою душу, если я думалъ тебя увидѣть послѣ того, какъ ты юркнулъ

подъ мостъ! Ну, братъ, рубился ты знатно! да и плаваешь, видно, не худо. Вотъ за это люблю козака! Это значить—знай нашихъ!

И, не заботясь объ отвѣтѣ Михайла, онъ опять принялся его обнимать и цѣловать.

Читатель однакожъ хмурить брови, видя, что я мало держусь повѣствовательнаго порядка и до сихъ поръ не объяснилъ еще, какимъ образомъ Михайло спасся отъ смерти. А потому считаю долгомъ остановиться и пополнить свой пропускъ.

ГЛАВА XXVI.

Сражаясь на мосту, при встрѣчѣ съ красными жупанами, Михайло въ своемъ жару не понималъ самъ, что дѣлаетъ, и его отчаянная защита, его ярость и изступленіе были не что иное, какъ изліяніе внутренней бури, терзавшей его сердце. Онъ даже не замѣтилъ и того, какъ опрокинулся въ бездну. Ему показалось, что онъ получилъ уже смертельный ударъ и передъ нимъ разверзлась безконечная вѣчность.

Въ слѣдъ за этой быстрой мыслию, чувства его оставили; онъ не слыхалъ своего паденія.

Скоро однакожь холодъ воды заставилъ его очнуться. Глядитъ: по сторонамъ его высокія стѣны, одѣтыя кустами дикой зелени, которую мѣстами прорывали дикіе камни; надъ головой его темные своды старыхъ деревъ, обнявшихся съ противныхъ береговъ надъ потокомъ, какъ вѣрные друзья, которыхъ напрасно дѣлитъ невзгода жизни.

Вода шумитъ. Однообразное эхо ея ропоту, сжимаясь въ тѣсной и густой аллеѣ, перегнувшейся черезъ ложбину. раздается звучно. Онъ быстро несется по кипучимъ струямъ... но куда? какъ онъ попалъ въ эту живописную, но ужасную пещеру? умъ его не въ состояніи постигнуть этого.

Вдругъ мысль о смерти мелькнула въ головѣ его, и, покоряясь ей, онъ пересталъ силиться истолковать себѣ настоящее свое положеніе. Онъ счелъ себя умершимъ и

предался бѣгу воды безъ попытки на сопротивленіе.

Одна рука его еще держала крѣпко рукоять сабли, другая застыла около длиннаго обломка перилъ, схваченнаго имъ въ слѣпомъ инстинктѣ послѣ паданія; но онъ не чувствовалъ ни рукъ, ни ногъ своихъ. Истощеніе крови, текшей изъ ранъ его, затмило всѣ его чувствованія и способности. Онъ скоро готовъ былъ впасть опять въ смертный обморокъ, и можетъ-быть, навѣки.

Его несло. Ропотъ потока напѣвалъ ему похоронную пѣсню; зеленый сводъ деревъ склонялся надъ нимъ могильнымъ склепомъ; мракъ окружалъ его. И потомъ опять разступались темныя вѣтви, ясное вечернее небо свѣтило ему какъ-бы съ другаго свѣту, и соловей, какъ-будто для контрасту горькой его судьбинѣ, пѣлъ весело надъ нимъ любовь и радость.

Вдругъ два огромные камня, высунувшіеся порогами со дна потока, остановили

жердь, которой онъ не выпускалъ изъ руки. Вода, прорываясь сквозь ихъ тѣснину съ усиленною быстротою, ревѣла звѣремъ, кипя бросала свою пѣну на ихъ высокое темя и, низвергаясь внизъ надутою покатостью, разсыпалась бѣлыми клубами пѣны и мчалась далѣе.

Михайло качался надъ этой рыкающей бездною, какъ безжизненный трупъ, то погружаясь внизъ, то всплывая на самую гриву стремительнаго стока и чертя саблею по камню.

Смерть его была недалека. Она, стоя на камнѣ, какъ-будто любовалась своею жертвою, заглядывая ей въ очи. Уже въ немъ готова была погаснуть послѣдняя искра жизни, готово было уснуть послѣднее ощущение бытія. Но въ эту самую минуту чей — то громкій, пронзительный крикъ: *Боже мой!* потрясъ все существо его.

Этотъ крикъ, въ которомъ слышалось живое сердце, внезапно произненное острымъ чувствомъ тоски и состраданія, какъ элек-

трическій токъ, прошелъ по его замлѣвавшимъ органамъ и возвратилъ имъ движеніе жизни.

Онъ взглянулъ, — нѣтъ, это не смерть стоитъ на его гробовомъ камнѣ, готовая выпить истаевающую его душу! Это скорѣй богиня жизни, способная однимъ прикосновеніемъ пробудить бытіе въ оледенѣвшемъ трупѣ!

Передъ нимъ на широкомъ камнѣ стояла женщина въ томъ ослѣпительномъ блескѣ изящныхъ формъ, котораго юноша не можетъ видѣть безъ нѣкотораго опьянѣнія, близкаго къ обмороку, и Михайло такъ пораженъ былъ ея красотою, что принялъ ее за явленіе сверхъестественное — Это русалка, думалъ онъ.

Но это была не русалка. Проникнутая вся состраданіемъ, забывая свой естественный стыдъ, она глядѣла на окровавленнаго юношу, качаемаго въ смертной колыбели. Ея руки сжались тоскою; ея глаза горѣли огнемъ души, взволнованной чув-

ствомъ соболѣзнованія, которое въ женщинѣ, при нѣкоторыхъ случаяхъ, доходитъ до изступленія. Она вливалась своимъ взоромъ ему въ очи, какъ-бы хотѣла убѣдиться, есть ли еще въ немъ жизнь. Опасаясь съ каждымъ мгновеніемъ, чтобъ быстрота воды не унесла его въ кипящую подъ ними бездну, она своими острыми взглядами будто хотѣла приковать его на одномъ мѣстѣ. Дрожа, задыхаясь, она могла только вскрикнуть дикимъ, пронзительнымъ голосомъ:

—Боже мой!

На этотъ расторгающій сердце крикъ сбѣжалось еще нѣсколько женщинъ, купавшихся невдалекѣ за камнемъ, въ заливѣ, обогнутомъ высокою стѣною берега. Но Михайло послѣ минутнаго своего пробужденія, снова впалъ въ забытіе и уже больше не чувствовалъ, что съ нимъ дѣлали.

Очнувшись онъ увидѣлъ себя въ небольшой комнатѣ лежащимъ на мягкой постели. Подлѣ него на столѣ стояла лампада.

Стѣны были обтянуты какою-то матеріей въ цвѣтахъ; полъ весь покрытъ узорчатымъ азіятской работы ковромъ; мебель состояла изъ одного низенькаго дивана, стоявшаго напротивъ его постели.

Михайлу все это представилось будто во снѣ. Голова его была такъ тяжела, что онъ не могъ связать въ умѣ своемъ двухъ мыслей. Какія-то темныя воспоминанія мѣшались въ его памяти, какое-то болѣзненное чувство тоски тяготило еще его душу. Онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ сильную боль, происходившую отъ ранъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ палящій жаръ проходилъ по его жиламъ.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобъ приподняться, но члены отказались ему служить, и онъ остался неподвиженъ, какъ прикованный. Въ слѣдъ за тѣмъ смертное безпамятство снова обняло его чувства.

Такъ пробуждался и замиралъ онъ нѣсколько разъ, не зная самъ, какъ долги были промежутки его безпамятства; и вся-

кой разъ его глазамъ представлялась та же полутемная комната, и ни одинъ звукъ не нарушалъ мертвой тишины, царствовавшей вокругъ таинственной его спальни, такъ что Михайло могъ считать себя глухимъ или очарованнымъ.

Однажды, послѣ тяжелой забывчивости, открылъ онъ очи и видитъ: надъ нимъ склонилась какая-то жевщина и тихо перевязываетъ ему раны. Ея нарядъ былъ богатъ до пышности и имѣлъ въ себѣ что-то азіятское. При всемъ разстройствѣ головы своей, Михайло тотчасъ угадалъ въ ней ту русалку, которая явилась ему на потокѣ. Онъ силился говорить, — напрасно; ни одинъ звукъ не вырвался изъ его горячихъ устъ.

Замѣтивъ, что онъ очнулся, прекрасная незнакомка приложила палецъ къ своимъ губамъ, давая знать, чтобъ онъ молчалъ, и тотчасъ удалилась неслышными шагами.

Въ другой разъ онъ увидѣлъ ее сидящею у его изголовья. Склонясь на подушку, она поправляла своею бѣлою, какъ снѣгъ,

рукою его густые темнорусые волосы. Она смотрѣла на него съ чувствомъ участія, и въ ея взорахъ отражалось удовольствіе, производимое въ ней привлекательною наружностью юноши, которой блѣдность придавала еще больше прелести.

На этотъ разъ она не оставила уже такъ скоро его постели. Она прямо смотрѣла ему въ глаза, и Михайлу казалось, что въ ея очахъ онъ будто черпаетъ новую жизнь, получаетъ новую душу отъ ея души. Взоръ его оживился, слабый румянецъ прошелъ по лицу его. Незнакомка слегка усмѣхнулась и тихо вышла изъ комнаты.

Съ того времени нѣмыя свиданія установились между ними регулярно. Михайло привыкъ просыпаясь встрѣчать эти прелестныя очи, эти уста, которымъ ничего подобнаго онъ прежде вообразить не могъ. Онъ радовался, что вмѣстѣ съ возвращающеюся мало-помалу жизнію въ немъ возрастаетъ чувство, подавляющее въ его душѣ тяжкія воспоминанія. Онъ предавался этому чувству вполнѣ, стараясь въ немъ

одномъ потопить свою душу. Онъ увѣрялъ себя, что это сладостное ощущеніе, которое теперь заставляетъ его забывать все на свѣтѣ, продолжится вѣчно, и никогда онъ не воротится въ тотъ адъ, изъ котораго избавила его сильная и продолжительная болѣзнь, при помощи новыхъ ощущеній.

Кто изобразить душу человѣческую? Она разнообразна и измѣнчива до безконечности. Михайло, волнуемый прежде столькими надеждами, терзаемый потомъ тоскою, угрызеніемъ совѣсти и отчаяніемъ, теперь забылъ все. Онъ опьянѣлъ отъ этихъ всемогущихъ воровъ; онъ безумно предалъ всѣ свои чувства и мысли вспыхнувшему въ немъ пламени любви; и ни разъ не пришло ему на мысль, есть ли еще что въ мірѣ, кромѣ его и этихъ чародѣйскихъ, пламенныхъ очей?

Но каковы были чувства незнакомки, естественно можно отгадать. Она спасла его отъ гибели безчувственного, полумертваго; она слѣдила за возвратомъ его жизни, лелѣяла и убаюкивала его, какъ свое

дитя; кормила изъ своихъ рукъ, ухаживала за нимъ; пробудила въ немъ душу, вдохнувъ въ нее въ то же время самую пылкую любовь. Она это видѣла и не могла не любить Михайла. Ей какъ-будто сама судьба послала то, чѣмъ давно были полны ея сны и мечтанія. Она смотрѣла на него какъ на свое твореніе, считала его принадлежащимъ себѣ навѣки и въ простотѣ своей невинности предалась, безъ всякихъ размышленій, естественной склонности. Она оставалась у его изголовья по цѣлымъ днямъ, говорила съ нимъ взорами, но по чувству женской скромности, не смѣла первая обратиться къ нему рѣчь, не могла придумать, что ему сказать, кромѣ того, что его любить.

Однажды Михайло, дремля въ пріятныхъ полусонныхъ грезахъ, вдругъ почувствовалъ на губахъ своихъ легкій бархатный поцѣлуй. Движеніемъ быстрого инстинкта, онъ вдругъ поднялъ руки и обнялъ ими шею, которой позавидовала бы сама Венера Медичисъ.

Незнакомка вскрикнула, пойманная такъ неожиданно въ своемъ тайномъ наслажденіи, и сдѣлала усиліе освободиться.

— Нѣтъ, я не пущу тебя, проговорилъ Михайло и замкнулъ ея уста новымъ поцѣлуемъ.

Будучи не въ силахъ противиться, проникнутая электрическимъ огнемъ, она упала къ нему на грудь въ забвеніи. Уста ихъ слились надолго, и казалось, ихъ души въ это время составили одну.

Но различныя слѣдствія произошли въ каждомъ изъ нихъ, когда прошла эта забывчивость. Михайло почувствовалъ сильный приливъ здоровья и какая-то тихая радость наполнила его душу. Зато лицо его русалки покрылось блѣдностью. Въ ней сердце сжалось неизвѣстнымъ ей дотогѣ чувствомъ. Склоня лицо въ подушки, она заплакала. Потомъ поднялась и, отирая слезы, сказала Михайлу, стараясь придать твердость своему дрожащему голосу:

— Кто бы ты ни былъ, но если ты христіанинъ, ты не заплатишь зломъ за мое добро. Удались отсюда, забудь, что ты меня видѣлъ; не спрашивай ни у кого, кто живетъ въ этихъ мѣстахъ; поклянись, что никогда не скажешь никому объ этомъ несчастномъ поцѣлуѣ; поклянись, что никогда не насмѣешься надъ слабостію женщины!

— У меня нѣтъ ни матери, ни отца, ни родины, ни пріятелей, отвѣчалъ Михайло: — у меня есть только горячее сердце; и если ты сама меня не оставишь, клянусь вѣчно быть твоимъ рабомъ, отдаю себя въ полную твою волю, дѣлай изъ меня, что хочешь! Одно мнѣ счастье, — не разлучаться съ тобою никогда!

— Ты клянешься? возразила незнакомка: — но понимаешь ли ты самъ свою клятву? Не считай женщины безсильнымъ твореніемъ, которое ты можешь приласкать и оттолкнуть, когда вздумается. Знай, что рука моя владѣетъ кинжаломъ и ружье мое не знаетъ промаху!

—Пускай въ рукѣ твоей будетъ громъ и молнія, и тогда я обѣщаю тебѣ вѣчную, неизмѣнную вѣрность! Но кто ты? скажи мнѣ. Какъ мнѣ называть тебя? На языкѣ человѣческомъ нѣтъ имени, достойнаго тебя!

—Ты клянешься? ты клянешься? говорила русалка, вперяя въ него свой острый взоръ.

—Тысячу разъ клянусь Богомъ и людьми, клянусь небомъ и землею! отвѣчалъ Михайло:—и въ доказательство цѣлую крестъ покойной моей матери. Больше у меня присяги нѣтъ!

—Онъ снялъ и поцѣловалъ висѣвшій у него на шеѣ золотой крестикъ. Незнакомка сама обняла тогда Михайла и прижала къ сердцу, и снова долгій поцѣлуй слилъ ихъ дыханіе.

—Имя мое—Роксанда, говорила она:—Я родилась не здѣсь; отечество мое далеко. Уже пять лѣтъ я не видала его. Я дочь сербскаго бана, или кнеза, Радивоя.

Предки наши были славны, владѣли цѣлою Сербіей; но отцу моему досталась въ удѣлъ одна только область. Невѣрные все отняли. Какія горы тамъ, еслибъ ты видѣлъ! какой у насъ дворецъ былъ! Теперь все не то. Даже отецъ мой, переѣхавши въ эту ровную сторону, перемѣнился. Онъ не столько уже, какъ прежде, меня любитъ. Онъ такъ огорченъ судьбою, что не можетъ любить даже своей дочери. Рѣдко я съ нимъ вижусь, и то на одну минуту и почти молча.

—Зачѣмъ же онъ оставилъ свою область? спросилъ Михайло.

—Враги отняли, отвѣчала Роксанда:— Онъ замышлялъ воевать противъ невѣрныхъ, хотѣлъ отнять у Турокъ всю Сербію; но одинъ повѣренный его жидъ Лютица, на котораго онъ много полагался, измѣнилъ ему, увѣдомилъ враговъ; всѣ планы моего отца разрушились. Враги все у насъ отняли; не могли отнять только вѣрныхъ слугъ. Нѣсколько десятковъ храбрыхъ юнаковъ сказали моему отцу: «Не поки-

немъ тебя, ясный бане, до вѣку», и вышли съ нами въ Русскую землю. Мы долго жили около Буга, потомъ переселялись каждый годъ всё дальше, и вотъ это мѣсто на силу наконецъ пришлось по нраву моему отцу, который не любитъ вашей стороны за то, что въ ней нѣтъ горъ. Тутъ недалеко за лѣсомъ онъ живетъ въ большомъ замкѣ со своими юнаками. Но скажи мнѣ, ради Бога, чѣмъ ты огорчилъ его? за что онъ хотѣлъ схватить тебя?

—Когда?

—На мосту.

—Такъ это я съ его людьми имѣлъ дѣло?

—Да, это было по его приказанію. Вспомни, не имѣлъ ли ты съ нимъ гдѣ-нибудь непріятности?

—Я въ первый разъ слышу его имя.

—И однакожъ онъ посылалъ преслѣдо-

вать тебя съ самаго выѣзда твоего изъ Глухова и чуть не казнилъ смертию одного чауша за то, что не доставилъ тебя ему живаго. Ахъ, страшно подумать!... Боже мой! еслибъ онъ все узналъ! Когда ты выздоровѣешь, уѣдь отсюда какъ можно скорѣй, какъ можно подальше. Ничто не спасетъ тебя отъ гнѣва моего отца, если ты попадешься ему въ руки!

—Я все сдѣлаю, что ты мнѣ велишь, потому что я ничего не могу ни думать ни дѣлать безъ тебя. У меня нѣтъ своей души. Ты моя душа, которая меня живишь, наполняешь всѣ мои чувства своимъ образомъ и движешь всѣми моими помыслами. Я даже ничего не помню, что было со мною до сей поры. Мнѣ кажется, что я, со дня моего рожденія, ничего больше и не видѣлъ, кромѣ твоихъ чудныхъ очей. Да и самъ я не отъ твоихъ ли очей произошелъ?...

—Другъ мой, ты бредишь, ты не совсемъ еще оправился послѣ горячки. Я говорю тебѣ, что ты долженъ будешь

уѣхать отсюда, какъ только выздоровѣешь.

—А ты, Роксанда?

—Я я? Ахъ, я не знаю, что со мною будетъ! Пока ты здѣсь, я ни о чемъ не могу думать; мнѣ кажется, что мнѣ нѣчего больше и желать; а между-тѣмъ еслибъ ты зналъ, что дѣлается въ моей душѣ!

Въ такомъ забвеніи о самихъ себѣ, въ такомъ упоеніи и мукахъ любви утопали эти два простосердечныя, отрозненные отъ міра существа, которымъ не доставало только никѣмъ незнаемаго лѣсу, чтобъ быть такъ же счастливыми, какъ счастливъ олень при источникахъ водныхъ, какъ счастлива была первая чета людей посреди тихихъ рощъ Эдема.

Мысли Михайла постоянно были заняты Роксандою; весь остальной міръ для него исчезъ. Но эта любовь имѣла жалкое основаніе. Это былъ бредъ молодой головы, поколебавшейся отъ сильнаго напора тяжкихъ думъ, которыхъ она не въ состояніи

была преодолѣть; это было неправильное дѣйствіе сбитыхъ съ основанія и перемѣшанныхъ чувствъ, которыя послѣ тяжелаго, изнурительнаго, недуга устремились теперь на первую пищу съ пылкостью, погасившею свѣтильникъ разсудка; это была не истинная любовь, а болѣзнь сердца и бѣдственный припадокъ заблудшагося ума.

Роксанда, родившись въ такой странѣ, гдѣ получить рану—дѣло самое обыкновенное, съ дѣтства научилась употребленію цѣлительныхъ травъ и теперь воспользовалась своими знаніями съ полнымъ успѣхомъ. Михайло началъ быстро выздоравливать, такъ что черезъ три недѣли послѣ приключенія на мосту, былъ уже въ состояніи снова сѣсть на коня и владѣть оружіемъ. А потому, когда Щербина предложилъ ему ѣхать на Запорожье въ ту же ночь вмѣстѣ съ Роксандою, онъ согласился на это съ великимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что ему сильно хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ и развернуться на большемъ пространствѣ, чѣмъ его келья.

Запорожець торжественно вручилъ ему саблю, помогъ одѣться и вооружиться, и потомъ всѣ вышли изъ подземелья, закрывши снова фонарь.

ГЛАВА XXVII.

Подходя къ потоку, они вдругъ были встревожены двумя выстрѣлами, послѣдовавшими одинъ за другимъ не слишкомъ далеко отъ нихъ въ лѣсу, и въ слѣдъ за тѣмъ послышался смѣшанный крикъ многихъ голосовъ и звонъ сабель. Щербина и Роксанда, къ великому своему удивленію, различили межъ этимъ шумомъ голосъ Радивоя, который кричалъ громче всѣхъ свое *гунсвотъ! море! я здоровъ!* и призывалъ

къ себѣ на помощь своихъ юнаковъ.

—Михайло! бѣги скорѣй: это разбойники напали на моего отца! вскричала Роксанда, забывши отношенія Михайла къ Радивою.

—Врагъ меня побери, воскликнулъ Запорожецъ:—если мы съ тобой не разметаемъ ихъ, какъ полову! Фонарь! дай сюда фонарь!

—Ахъ, Михайло! постой! кричала опомнившись Роксанда:—постой, не губи себя!

Но Михайло и Запорожецъ были уже далеко. Скоро они достигли мѣста битвы, и Щербина, поднявъ фонарь и освѣтивъ сражающихся, вскрикнулъ въ своемъ воинственномъ восторгѣ, увидя, что Радивой одинъ ворочается на всѣ стороны и обороняется отъ шести человѣкъ, обступившихъ его съ саблями. Выхватя изъ-за пояса пистолетъ, Запорожецъ повалилъ одного изъ нихъ и потомъ, поднявши съ умысломъ сильный крикъ, онъ бросился вмѣстѣ съ Михайломъ

на толпу, держа въ одной рукѣ фонарь, а въ другой саблю. При появленіи этой неожиданной помощи, всѣ противники исчезли вдругъ, какъ злые духи. Остался только сваленный выстрѣломъ Запорожца и еще одинъ, сраженный прежде самимъ Радивоемъ.

Радивой въ восторгѣ обнялъ Запорожца.

—Постой, пане отамане, сказалъ Щербина:—не мнѣ за это благодарить. Вотъ кто спасъ тебѣ жизнь.

Онъ указалъ на Михайла.

—Кто жъ это, море?

—Это человѣкъ, бре, на котораго ты давно оstriшь зубы; но врагъ меня побери, если я дамъ тебѣ дотронуться до волоска его! сказалъ Запорожець, становясь между Михайломъ и Радивоемъ съ поднятою саблею.—Смотри, продолжалъ онъ, освѣщая Михайла фонаремъ:—но не бѣснуйсь, а

лучше скажи, за что ты гонишь его сквозь огонь и воду?

—Бре, побратиме! отвѣчалъ Радивой:—
Што ты бесѣдишь? Я въ первый разъ
вижу этого юнака.

—Въ первый разъ? А на что жъ ты
велѣлъ схватить его на мосту? и черезъ
тебя онъ такъ хорошо покупался въ водѣ,
что лучше и ненадо!

—Схватить на мосту! сказалъ Радивой
съ великимъ удивленіемъ.—Такъ это тебя,
юначе, они столкнули въ воду? обратился
онъ къ Михайлу.

—Меня, и я хотѣлъ бы знать этому при-
чину. Едва выѣхалъ изъ дому, и уже на-
жилъ смертельныхъ враговъ.

—Гунсвоты! я жъ ихъ научу, какъ испол-
нять мои приказанія! Молю тебя, драгій
господине, прости мнѣ! Безъ умыслу я
чуть не причинилъ тебѣ смерти. Мнѣ со-
всѣмъ не тебя было нужно.

Михайло хотѣлъ было отвѣчать, но Запорожець, любившій говорить за всѣхъ, перебилъ его рѣчь.

—Эхъ, и ты жъ, видно, голова разумная, пане отамане! сказалъ онъ:—за однимъ гонишься, а другое стрѣляешь! Ну, скажи жъ мнѣ теперь, какого дьявола тебѣ было нужно?

—Какого?... Гм, море! я знаю, какого! Я отыщу его снова. Онъ не уйдетъ отъ меня!

—А, такъ, видно, и у тебя, господине мой драгій, есть на примѣтѣ такой звѣрь, какъ у меня! Я началъ уже пронюхивать слѣды своего, но только я не ошибусь потвоему. Но что за врагъ! Чего жъ вы стоите, какъ ѳторопни? Распросились, что не виноваты одинъ другому, такъ обнимитесь же да поздоровайтесь. Можетъ-быть, пріятелями со временемъ будете.

Щербина взялъ Михайла за руку и подвелъ къ Радивою.

—Благодарю, сказалъ Радивой, поцѣловавшись съ Михайломъ:—много благодарю тебѣ, храбрый *дѣлія* *. Проси у меня награды, какой хочешь; проси коня *двѣогата* **, проси *мача гребѣштаца*, проси *пушку джевердану*, проси серебра и злата, колико ти драго.

—Ничего мнѣ не надо, отвѣчалъ Михайло, внѣ себя отъ радости:—хочу только служить у тебя противъ враговъ православной вѣры.

—О мое чадо любо! сказалъ Радивой, снова его обнявши:—Иди со мною въ милую Сербію; будешь у меня какъ орленокъ подъ крыломъ у своей матери и какъ соколъ въ ущельи каменной скалы. Но милы братья, намъ оставаться здѣсь опасно: этихъ собакъ, можетъ-быть, здѣсь и много. Пойдемъ.

—Какого чорта намъ втроемъ бояться?

* Воинъ, miles praetorianus, delia.

** *Двѣогат*—бѣлый конь,—любимая масть у Сербовъ.

возразилъ Щербина:—Ты не знаешь еще, пане отáмане, что за рубака этотъ Михайло. Когдабъ перила на мосту не сломались, знали бъ твои юнаки, что значитъ быть легкимъ на руку. Ну, скажи жъ пожалуй—ста, *господине мой блгйй*, какимъ случаемъ ты попалъ сюда на мейданъ юнацкйй *?

—Какъ попалъ, море?... Нѣтъ, сперва ты скажи мнѣ, што за сабля у моей Роксанды?

—Вотъ што за сабля! отвѣчалъ Запорожець, взявши у Михайла саблю и отдавая Радивою.

—Бре, юначе! што это? какъ это такъ?

—Море, пане отáмане! А ты еще до сихъ поръ не догадался, въ чемъ дѣло? Такъ я жъ тебѣ скажу, что ты напрасно накричалъ на свою панночку, такъ что бѣд-

---

* Изити на мейдан юначки, мейдан диелити у Сербовъ значитъ—выдти на поединокъ.

ное дитя чуть не умерло со страху. Слушай только. Ты теперь уже знаешь, что твои дурни видѣли, видно, только хвостъ лисицы, за которою гонялись....

—Гм, гунсвотъ, море! ворчалъ Радивой.

—И столкнули съ мосту такого козака, котораго и самъ Сѣрко * не отказался бѣ назвать своимъ товарищемъ. Ну, какъ столкнули его съ мосту, нѣкуда ему дѣваться, поплылъ козакъ за водою и, можетъ-быть, чортъ знаетъ гдѣ очутился бѣ, когда бѣ твоя панночка—нехай здорова ходить!—не поймала его, якъ рыбу.

—Какъ, море! моя дочь Роксанда?

Михайло дергалъ Запорожца за рукавъ, давая знать, чтобъ онъ не мѣшалъ Роксанды въ эту исторію. Но Щербина, радуясь, что завладѣлъ чужими дѣлами, ни

---

* Кошовый отаманъ, жившій во времена гетмановъ Юрія Хмельницкаго, Петра Дорощенка и Самуйловича.

за что не согласился бь отказаться отъ любимой своей роли опекуна и посредника.

—Эхъ, голова ты разумная! говорилъ онъ ему тихо:—Ты уже молчи, когда Щербина взялся за твои поводи. Переплывали, братику, мы не черезъ такіе пороги ⁸³, какъ ты, и никакой бѣсъ насъ не ловилъ, какъ рыбу.

—Да, твоя панночка Роксанда, обратился онъ снова къ Радивою:—Поймала, видить, что козакъ добрый, только то бѣда, що порубанный весь, якъ тарануха *. Однакожь взяла таки она его, по христіянскому милосердію, чтобъ излѣчить его раны, точно такъ, какъ та Туркень-дѣвойка, которая переняла израненнаго юнака на рѣкѣ Марицѣ... Помнишь, какъ поютъ у васъ въ пѣснѣ?... А тотъ юнакъ былъ никто другой, какъ отецъ вашего Марка Кралевича ⁸⁴.

---

* Родъ соленой рыбы, которую нарѣзываютъ во многихъ мѣстахъ, чтобъ лучше проникалась солью.

Щербина мѣтко попалъ на желанную струну въ сердцѣ Радивоя. Воспоминаніе о приключеніи съ отцомъ Марка Кралевича (идола всѣхъ сербскихъ патріотовъ), воспоминаніемъ въ любимой его пѣснѣ, представило ему его поступокъ Роксанды въ самомъ выгодномъ для нея свѣтѣ и разогнало темное облако, которое, при имени Роксанды, появилось было надъ его бровями.

—Фала истинному Богу! сказалъ онъ радостно:—Дочь моя исполнила надъ тобою, Михайло, долгъ христіанскій, и за то Богъ послалъ тебя въ мою помощь! Но только я не такъ поступлю съ тобою, какъ поступилъ съ отцемъ Марка Кралевича Турокъ Мустафъ-ага. Ну, что жъ было дальше, драгій побратиме?

—Да вотъ же видишь, пане отáмане, поймала она его; но какъ узнала, что эта рыба выскочила изъ твоего невода *, то уже и сама себѣ была не рада. Ну, а жаль

---

* Неводъ—рыбачья сѣть.

вѣдь, хоть бы и кому, погубить христіанскую душу; такъ она и таила его отъ тебя, пока выздоровѣетъ. Вотъ тебѣ и вся исторія. А ты надѣлалъ такого крику да шуму, какъ пастухъ, у котораго волкъ схватилъ ягненка.

Радивой былъ очень доволенъ этимъ объясненіемъ, ибо оно выгнало изъ его азіатской души тѣ мрачныя подозрѣнія, какія втѣснились въ нее со вчерашняго вечера и согнали его въ полночь съ постели.

—Ну, если такъ, сказалъ онъ, то прощаю и моимъ гунсвотамъ. Но пусть только въ другой разъ промахнутся, въ прахъ превращу всѣхъ!

Въ эту минуту увидѣли они приближающуюся къ нимъ толпу людей съ фонарями, и уже было схватились за сабли; но Радивой узналъ въ нихъ своихъ юнаковъ, которые, заслышавъ выстрѣлы въ лѣсу, поспѣшили къ нему на помощь, но долго не могли его найти.

—А, внуки дьявола! теперь только вы и появились, когда васъ не нужно.

—Свѣтлый бане, отвѣчалъ старшій чаушъ:—всегда мы рады за тобой въ огонь и въ воду, но что жъ, когда ты не велишь за собою слѣдовать?

—А, море! я вамъ! Поднимите раненныхъ и допросите ихъ, изъ какого они села и отъ какого пана. Я знаю, откуда этотъ вѣтеръ вѣетъ. Это всё хорунжій гунсвотъ! Драгій Щербино и ты, храбрый дѣлія Михайло, пойдѣмъ усядемъ на конь и отплатимъ внукамъ дьявола добрымъ юришемъ*.

Щербина принялъ это предложеніе весьма охотно. Михайло также хотѣлъ показать передъ Радивоемъ свою храбрость, думая безпрестанно о Роксандѣ.

Когда они пришли въ замокъ, начинало уже свѣтать. Радивой ушелъ въ свою башню

---

* Юриш — наездъ.

надѣть панцырь, безъ котораго онъ никогда не ходилъ въ битву.

Остальные Радивоевы люди, разбуженные общею тревогою, вышли всѣ на дворъ и столпились вокругъ Запорожца, спрашивая его о ночномъ походе Радивоя и о томъ, гдѣ онъ самъ дѣвался со вчерашняго вечера.

— Не спрашивайте объ этомъ, *море!* сказалъ имъ Запорожецъ, подражая манерѣ Радивоя: — не спрашивайте, *а-то погибнете, гунсвоты!*

Потомъ онъ рассказалъ имъ, въ какой опасности находился ихъ банъ, какъ нечаянно подоспѣлъ къ нему на помощь Михайло и спасъ его отъ смерти. О себѣ Запорожецъ умолчалъ, желая дать больше вѣсу Михайлу во мнѣніи Сербовъ и считая свой лавровый вѣнокъ слишкомъ богатымъ, чтобъ прибавлять къ нему новыя вѣтви.

Радостныя восклицанія наполнили воздухъ при этомъ извѣстіи. Всѣ старшины

обнимали Михайла и превозносили его храбрость; другіе въ знакъ своего почтенія и благодарности цѣловали полу его жупана.

Но едва только Запорожець объявилъ, что это тотъ самый удалецъ, который рубился съ ними на мосту, какъ многіе въ кружкѣ насупились, а одинъ старый чаушъ отвелъ Щербину и Михайла въ сторону и сказалъ:

—Молчите, для Бога милога, господіе мои ласкавыи, а-то еще не одинъ изъ насъ сложить свою главу передъ баномъ. Мы давно уже знаемъ свою ошибку. Не Михайла намъ надобно было. Есть челоуѣкъ, котораго имени никто изъ насъ не смѣетъ выговорить, и до сихъ поръ живетъ на Гетманщинѣ, да банъ этого не знаетъ; а если бъ зналъ,—горе душамъ нашихъ предковъ!

—Чтобъ же васъ чортъ было побралъ, проклятыхъ гунсвотовъ! отвѣчалъ Запорожець:—За такую ошибку и я содралъ бы съ васъ кожу. Но не бойтесь: Я-здоровъ знаетъ уже все, и я уладилъ дѣло такъ,

что вамъ нѣчего больше опасаться за свой промахъ. Но чортъ побери всѣ промахи на свѣтѣ! Слава Богу, что живъ Михайло. А нуте, козаки, бандуру, бубны, бочонокъ папа Бардака!

—Щербино, море! раздался вдругъ громовый голосъ Радивоя, который, вооружась не на шутку отъ ногъ до головы, вышелъ на крыльцо, держа въ рукѣ огромную булаву, утыканную желѣзными шипами и принадлежавшую, по преданію, Марку Краевичу, который, ѣдучи въ походъ, всегда, говорятъ, имѣлъ обыкновеніе вѣшать съ одной стороны сѣдла большой кожаный мѣхъ вина, а съ другой, для равновѣсія, эту булаву ³³. —Щербино, море! крикнулъ Радивой: —Развѣ теперь время думать о бандурѣ и бочонкѣ? Нѣ конь, побратиме! Нѣ конь, драгій Михайло! Нѣ конь, мои рабры юнаки!

Черезъ четверть часа все было готово, и отрядъ Сербовъ выступилъ въ походъ, подъ предводительствомъ Радивоя, Щербины и Михайла.

ГЛАВА XXVIII.

Радивой въ своемъ полуазіатскомъ нарядѣ, въ шапкѣ съ бѣлымъ перомъ, въ блестящемъ панцырѣ, съ булавою Марка Краевича въ рукѣ, могъ бы внушить вдохновеніе пѣвцу, для котораго слуха звонъ оружія пріятенъ такъ же, какъ и звонъ струнъ, и сербскій бардъ, въ восторженной своей импровизаціи, непременно сказалъ бы, что конь его дѣлалъ прыжки «въ три копыя впередъ и въ четыре вверхъ подъ небеса»,

подобно коню Милоша Войновича, провожавшаго знаменитаго краля Стефана Сильнаго въ свадебномъ его поѣздѣ ⁸⁶. Онъ уподобилъ бы самага Радивоя игривому столбу пламени, пронзающему черные клубы дыму, или бурному потоку, который, стремясь неистово по наклону горы и встрѣтивъ на пути своемъ преграду, завиваетъ въ кудри гремящія свои волны, встаетъ, растетъ и высоко взмываетъ пѣнистую свою гриву. Онъ бы сказалъ, что усы его вѣялись по плечамъ и по груди, какъ два крыла ворона ⁸⁷, и сквозь нихъ блестѣли латы, какъ блещетъ полный мѣсяцъ сквозь древесныя вѣтви ⁸⁸. Онъ много сдѣлалъ бы сравненій, не всегда, можетъ-быть, схоластически вѣрныхъ, но такъ же неожиданныхъ, живыхъ и блестящихъ, какъ неожиданны, разнообразны и ярки виды, развертывающіеся почти на каждомъ шагу въ горахъ его родины, — не для всѣхъ, можетъ-быть, пріятныхъ, но сходныхъ съ возвышеннымъ строемъ его лиры, съ характеромъ гористой, жаркой страны и неистовыхъ юнаковъ, ею обладающихъ. Сербскій бардъ нашелъ бы въ природѣ краски, которыя чудесно при-

шлись бы къ изображенію и грознаго Ра-
 дивоя, и великолѣпнаго Щербины, и строй-
 наго Михайла. Но я не смѣю подражать
 его манерѣ. Наша образованная жизнь, за-
 пирающая насъ отъ младенчества до пре-
 старѣлыхъ лѣтъ межъ каменныхъ и деревя-
 ныхъ ящиковъ, положила свою строго-пра-
 вильную, безцвѣтную печать и на требова-
 нія нашего вкуса и на плоды нашего во-
 ображенія. Намъ, людямъ городскимъ, вя-
 лымъ, утратившимъ первоначальную свѣ-
 жость душевныхъ способностей, даже не
 нравится поэзія пѣвцовъ, воспитанныхъ не
 книгами, пока мы въ нее не вчитаемся и
 не сроднимся нѣсколько съ ихъ жизнію.
 Мы привыкли ко всему мутному, сѣрень-
 кому, блѣдному, и назвали эту привычку
 утонченностію вкуса. Мы изгнали даже изъ
 своихъ одеждъ тѣ колера, которые у ху-
 дожниковъ называются *цѣльными*, и еслибъ
 было въ нашей волѣ, мы уняли бы даже яр-
 кость луговой зелени, блескъ солнца и жаркій
 багрянецъ горизонта при рожденіи дня, такъ
 точно, какъ уняли искусственными средствами
 и сидячею жизнью природную краску на ще-
 кахъ своихъ, считая румянецъ признакомъ

деревенщины, нужды нѣтъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и признакъ здоровья.

Но будь все это сказано не въ зачетъ. Обращаясь къ своему разсказу. Продолжая походъ, Радивой обсудилъ съ Запорожцемъ и Михайломъ, какъ расположить имъ планъ этой маленькой войны. Положено было оставить пушки на полудорогѣ въ старомъ редутѣ, какихъ множество разсыяно по полямъ Украины, а легкому отряду съ одними ружьями и саблями занять стадо пана хорунжаго и заманить непріятеля въ западню.

Хорошо разсчитанный планъ удался въ полной мѣрѣ. Окружа стадо, бродившее спокойно подъ самымъ селомъ пана хорунжаго, Радивой, державшій всегда подлѣ себя Запорожца, спрашивалъ грозно пастуховъ:

— Чье это стадо?

— Пана хорунжаго, отвѣчали трепетные пастухи.

—Брѣшете, бѣсовы дѣти, гѣнсвоты! вскричалъ онъ:—это мое! это стадо бана Радивоя! Развѣ вы не знаете еще моего правила, которое на силу я растолковалъ нѣкоторымъ изъ вашихъ панковъ? *Све мое: зѣмя моя, небо мое, воды мои, и чорты, що у блатяхъ, све мое!* О, я здоровъ, море! Гони стадо до байрака бана Радивоя! А между-тѣмъ, драгій побратиме Щербино, вели трубить въ рога и палить изъ ружьевъ, чтобъ не считали насъ ворами. Я здоровъ! *Коли маешъ силу, возьми све у мене* ⁸⁹!

Звуки роговъ и выстрѣлы подняли тревогу въ деревнѣ пана хорунжаго, и не успѣлъ отрядъ Радивоя сдѣлать трехъ верстъ, какъ увидѣлъ густую пыль на дорогѣ, означавшую погоню.

Скоро козаки наскочили на хищниковъ и завязалась ружейная перестрѣлка. Радивою очень трудно было удержаться отъ схватки; онъ всякой разъ, когда пуля свистя пролетала мимо его ушей, хватался за свой мачъ, но Запорожець удерживалъ его

порывы, напоминая ему о рассчитанномъ планѣ.

Ретирада между-тѣмъ, маня непріятеля, сближалась къ старому редуту, и Сербы удерживали напоръ козаковъ только до тѣхъ поръ, пока стадо обошло редутъ, а потомъ, какъ ртуть, брызнули въ обѣ стороны и оставили обезумленныхъ враговъ своихъ подъ пушечнымъ залпомъ.

Разстроенные и смятые, они бросились бѣжать, но бѣдѣ ихъ былъ не тутъ еще конецъ. Ихъ встрѣтилъ резервный отрядъ, скрывавшійся въ боковомъ лѣску подѣ командою Михайла и выступившій изъ засады по пушечному выстрѣлу. А въ слѣдъ затѣмъ Радивой и Щербина снова вышли изъ-за редута и ударили на нихъ съ тылу.

Сперва козаки рѣшились было защищаться до послѣднихъ силъ, но когда Радивой, о бокъ съ Щербиною, врѣзался въ средину окруженнаго со всѣхъ сторонъ отряда, и съ крикомъ—*Я здоровъ! све мое!* однимъ ударомъ булавы повалилъ съ конемъ пана

хорунжаго, вся бодрость ихъ оставила. Разъяренный, съ кровавыми очами Радивой, про котораго въ окрестностяхъ носились суевѣрные слухи, показался имъ настоящимъ демономъ. Они бросили оружіе и просили одной пощады.

— Жаль! сказалъ свирѣпый Сербъ:—а я бѣ вамъ показалъ, что значить банъ Радивой! Ну, нѣчего дѣлать; лежачаго не бьютъ. Отобратъ у нихъ коней и оружіе, а самихъ отпустить, да велѣтъ имъ зарыть убитыхъ. Ты, побратиме, славно распорядился. Спасибо и тебѣ, Михайло: сражался рабро! Курганъ пусть называется *Щербіною*.

— Можетъ-быть нѣкоторые изъ моихъ читателей усомнятся въ дѣйствительности подобныхъ событій на Украинѣ, не повѣрятъ, чтобъ подъ правленіемъ русскимъ могли проходить безъ наказанія такіа насилія за восемьдесятъ лѣтъ до насъ, и все это припишутъ игрѣ моего воображенія. Но—

Вопервыхъ, я укажу имъ на остатки

многихъ редутовъ и крѣпостей въ нынѣшней Харьковской губерніи, къ которымъ приросли имена защищавшихъ и покорявшихъ ихъ феодаловъ; а съ этими именами неразлучны цѣлыя легенды объ ихъ кровавыхъ ссорахъ и буйныхъ пирахъ, сохранившіяся въ памяти народной. Неужели всѣ эти редуты, развалины, имена и легенды выросли сами собою, какъ грибы послѣ дождя? Неужели воображеніе народное, отъ нѣчего дѣлать, вымыслило понятія, чуждыя нынѣшнему быту украинскихъ поселянъ?

Вовторыхъ, прошу вспомнить, каково было состояніе гражданственности за семьдесятъ лѣтъ до насъ, не-то въ Украинѣ, но и вообще въ Малороссіи, которой привиллегій Россія не подчинила еще своимъ постановленіямъ? Тогда еще не понятна была нашими панами мысль: почему въ благоустроенномъ государствѣ никто не долженъ имѣть своего суда? Законы у нихъ написаны были въ книгахъ, въ которыя никто не заглядывалъ, а сами они, и даже тѣ изъ нихъ, на комъ лежала обязанность

расправы, считали себя, по старому духу, какими-то владѣльцами независимыми и не скоро отстали отъ идей, перешедшихъ къ нимъ по наслѣдству изъ рода въ родъ еще со временъ Уніи, когда всякъ, кто имѣлъ силу, отбивался отъ своихъ и иновѣрныхъ враговъ, приставалъ къ любой партіи, ссорился и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, не признавая надъ собой никакихъ правъ и законовъ, кромѣ предковскихъ обычаевъ и религіознаго чувства. А потому они смотрѣли на всѣ эти битвы такъ, какъ бы онѣ были въ порядкѣ вещей, и хотя вмѣшивались иногда съ расправою между враговъ, но совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать стройному ходу порядка, а единственно по чувству внутренней правды, возбужденному несправедливостью одного лица противъ другаго.

Притомъ же слободско-украинскія наши поселенія составлены были изъ всякой разнобоярщины. Тутъ были изъ-за Днѣпра вольнскіе и подольскіе Руссы, Сербы, Болгаре, Черногорцы, Волохи, Молдаване, Грузины и Греки. Весь этотъ народъ пришелъ

изъ такихъ странъ, гдѣ мѣнялся огнемъ и желѣзомъ вошло въ привычку. Они бѣжали отъ меча, пули и пожара въ землю *вольную*, гдѣ имъ обѣщана была совершенная свобода, гдѣ они сами отмѣривали себѣ любой кусокъ поля; а охраняя оружіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, свою усадьбу отъ Татаръ, они естественно привыкали считать себя на своей землѣ владыками независимыми и готовы были защищать ее такимъ же образомъ отъ кого бы то ни было. Каждое поколѣніе принесло съ собой свои понятія о гражданственности и личномъ правѣ, свои понятія о собственности и чести, и сколько нужно было лѣтъ, чтобъ всѣ эти разнородные элементы слились въ одну стихію!

Русское же правительство, частію отъ внутренняго безладья во времена Бирона, частію отъ внѣшнихъ помѣхъ, не имѣло еще времени заняться правильнымъ устройствомъ своихъ провинцій, и только подъ конецъ царствованія Екатерины II, когда Россія, по уничтоженіи Запорожской Сѣчи и занятіи своими войсками Крыма, могла

спокойно приняты за внутреннія свои дѣла, по всему государству прошла одна мысль и дала идеямъ цѣлой массы разнороднаго народонаселенія Украинны что-то общее.

— А въ доказательство, что мое воображеніе не находитъ никакой прелести въ этихъ разбояхъ и что я коснулся ихъ только для показанія, что творилось въ нашей родинѣ не далѣе, какъ за восемьдесятъ лѣтъ до насъ, я не стану больше объ нихъ распространяться и поспѣшу окончить свое повѣствованіе.

Воротясь съ удачнаго наѣзду, Радивой засталъ дожидавшагося его на дворѣ гонца изъ Сербіи и тотчасъ ушелъ съ нимъ въ свою башню. А Щербина, отдавши приказаніе, чтобъ разсѣдлали и развели по мѣстамъ лошадей, вышелъ на средину двора и сказалъ:

— Ну, панове молодцы, послѣ такой славной потѣхи, стоитъ намъ погулять, какъ подобаетъ храбрымъ лыцарямъ. Гей, бан-

дуру! бубны! бочонокъ пана Бардака!

На этотъ буйный призывъ все на подворьи зашумѣло. Музыка грянула; земля застонала подъ множествомъ дюжихъ каблуковъ. Щербина, съ бандурою въ рукахъ и съ чаркою на головѣ, пустился танцовать, припѣвая свои запорожскія пѣсни.

Но Михайлу, котораго воображеніе было полно картинами мирной жизни, проведенной имъ въ уединеніи съ Роксандою, эта буйная веселость была какъ-то странна, какъ-то не по сердцу. Онъ остановилъ Запорожца и сказалъ:

—Пане Щербино! чудная для меня вещь: я до сихъ поръ не могу понять, отчего ты всегда такъ весель, какъ будто на свадьбѣ у роднаго сына?

Не знаю, радость ли о возвращеніи Михайла, или, можетъ-быть, чувство восторга, произведеннаго въ немъ недавнею побѣдою, расположили Запорожца къ откровенности, только онъ опустилъ свою бандуру,

взялъ съ головы чарку, выпилъ до дна и сказалъ:

—Коханый ты мой Михайло! какъ же мнѣ не быть веселу? Развѣ меня не любили ни одни карыя очи? Развѣ я не любилъ ни чьихъ очей во сто разъ больше, чѣмъ свою душу? Или ты думаешь, что у Запорожца волчье сердце?... А?... Развѣ я не любилъ? Развѣ я не имѣлъ вѣрнаго пріятеля? того пріятеля, за которымъ ѣзжу теперь по всему свѣту?

Тутъ взоры его засверкали дикимъ блескомъ, и губы задрожали отъ сильнаго волненія.

—Какъ же мнѣ не быть веселу? продолжалъ онъ:—Развѣ не я былъ тотъ чловѣкъ, котораго цѣловали алыя уста и обнимали бѣлыя руки? Развѣ не я былъ и тотъ, который стоялъ привязанный къ столбу и видѣлъ собственными очами, какъ горѣлъ его домъ! видѣлъ, какъ взяли его жену, какъ передъ его глазами ее взяли! Или не тотъ, который видѣлъ, какъ его

дита, его родное дитя бросили изъ окна на голые камни?... Какъ же мнѣ не быть веселу? Михайло! какъ мнѣ не быть веселу?... Я скоро увижусь съ дорогимъ своимъ пріятелемъ, о которомъ долго не было ни слуху, ни духу! О, я увижусь; я знаю, я чую сердцемъ, что скоро съ нимъ увижусь!... Какъ же мнѣ не быть веселу, Михайло? какъ мнѣ не быть веселу!... Гей, гуляй молодцы! вскрикнулъ онъ, ударивъ по струнамъ своей бандуры, и закружился снова въ вихрь танца.

Пораженный страхомъ, слушалъ Михайло эту ужасную повѣсть человѣческаго сердца, растерзаннаго и закипѣвшаго въ собственной крови своей. Въ немъ начинало пробуждаться какое-то мрачное чувство... Но въ это время позвали его и Запорожца къ Радивію.

ГЛАВА XXIX.

Несправедливо было бы съ нашей стороны заниматься такъ усердно дѣлами совершенно чужихъ для насъ людей, каковы, напримѣръ, Радивой и Роксанда, и оставлять въ безвѣстности стараго своего пріятеля, полковаго судью, въ то время, когда онъ удаленъ отъ родины, разлученъ съ милою дочкою, преданъ во власть мерзкому творенію, которое наслаждается со своей достойной матушкой стонами, долетающими

ми къ нему изъ глубины тюрьмы.

Нѣкоторыя дѣвушки—да будетъ миръ ихъ имени—признавались мнѣ, что «ужасъ какъ любятъ» въ книгахъ темницы, пещеры, подземелья, и просили меня вспомнить объ этомъ, когда представится случай изобразить подобныя вещи. Не нужно, думаю, увѣрять, что желаніе ихъ для меня свято; но могу ли для ихъ забавы жертвовать истиною и мучить свое воображеніе мрачными вымыслами, тогда какъ мнѣ не стоитъ никакого труда черпать изъ народныхъ преданій готовые матеріалы, не въ накладъ ни головѣ, ни совѣсти? Сверхъ того, я начинаю замѣчать, что длинный мой рассказъ утомляетъ уже читателей, и потому не только ничего не прибавлю отъ себя, а еще сокращу собранныя мною преданія объ этихъ истинно удивительныхъ событіяхъ. Читатели могли даже замѣтить, что во второй половинѣ этой книжки я сжалъ слогъ свой, и тамъ, гдѣ можно бы сказать многое, я провожу только главную черту. Все это изъ опасенія, чтобъ не родилась четвертая книжка, что при

моей словоохотности весьма сбыточно; а вѣдь теперь даже и романы выѣзжаютъ иногда только парою.

Итакъ я пропущу и то, какъ мучился въ своей неволѣ добрый судья, и то, какъ приходилъ терзать его своими допросами достойный писарь Крыжановскаго, Г...бовскій. Упомяну только объ одномъ произшествіи, имѣвшемъ непосредственное вліяніе на дальнѣйшія событія.

Съ нѣкотораго времени полковой судья началъ замѣчать что-то странное въ поступкахъ своего тюремнаго сторожа. Онъ зналъ, что всѣ этого ремесла люди бываютъ обыкновенно грубы, жестоки и безжалостны; а въ лицѣ этого человѣка онъ замѣчалъ выраженіе какого-то участія къ себѣ. Въ его услугахъ было что-то усердное и заботливое. Часто этотъ чудный тюремщикъ, выходя отъ судьи, останавливался, долго смотрѣлъ на него молча; видно было въ немъ внутреннее бореніе нерѣшимости и желанія что-то высказать; потомъ онъ быстро отворачивался и уходилъ изъ

подвала. Такъ прошло около трехъ недѣль.

Однажды, принеши своему узнику скудный обѣдъ, тюремщикъ такъ близко наклонился къ судѣ, что тотъ, при свѣтѣ солнца, заглядывавшаго на закатѣ своемъ въ узкое рѣшетчатое окно подвала, ясно могъ разсмотрѣть черты его лица, и какъ онъ обрадовался и изумился, когда вдругъ узналъ въ этомъ тюремщикѣ своего давняго слугу Оедота Побегайла!

— Оедотъ! вскрикнулъ онъ: — неужели это ты?

Тюремщикъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и потомъ повалился судѣ въ ноги.

— Такъ, пане! говорилъ онъ: — такъ, мой добрый пане! Это я несчастный! я, грѣшникъ великій! Прости мнѣ, пане милосердный! не губи меня своимъ гнѣвомъ! Наказалъ уже меня Богъ за всю мою вину!

— Встань, Оедотъ, сказалъ полковой судья: — теперь скорѣй ты мой панъ, чѣмъ

я твой. Но скажи мнѣ, несчастный, какъ это ты дошелъ до такой нищеты съ тѣми деньгами, которыя увезъ отъ меня?

—Охъ, пане мой, добродѣю! Гдѣ видано, чтобъ человѣкъ разжился чужимъ добромъ?

—Да, Оедотъ; давно я говорилъ тебѣ: *Не сотвори злая за благая.* Это премудрое правило. Дѣдъ мой, генеральный судья, недаромъ твердилъ его намъ каждый день.

—Что-то мои бѣдные дѣти безъ меня? что-то моя Ганна несчастная? Все можно купить за золото, но нельзя купить семьи родной. Теперь я это узналъ, да уже поздно!

—Дѣти твои, отвѣчалъ судья:—не пошли по своему отцу. Мальчикъ Ивась служить теперь честно у меня въ домѣ; а дочка твоя Гапѹся уже невѣста. Объ Зеленой недѣлѣ выдали бѣ мы ее замужъ за браваго козака, когдабъ не проклятые Голштинцы помѣшали: понесло и его окаяннаго въ этотъ глупый походъ, какъ и на-

шего бѣднаго Михайла. Охъ, Господи! помилуй насъ грѣшныхъ!

—А что жъ моя Ганна, пане? что моя Ганна несчастливая?

—Ганна твоя -- не хочется, право, даже выговорить этого -- плачетъ до сихъ поръ бѣдная за тобой бродягою. Не понятно, Оедоть, что это съ тобой случилось? Ты былъ и добрый батько для дѣтей, и добрый мужъ для жены, и слуга вѣрный для меня; и потомъ вдругъ...

—О Боже мой! несчастье мое великое! завопилъ терзаемый раскаяньемъ преступникъ:—Врагъ рода христіанскаго искусилъ меня! За нѣсколько горстей серебра я потерялъ навѣки жену и дѣтей...

—Еще не навѣки, сказалъ судья:—ты можешь воротиться къ нимъ, если захочешь.

—Воротиться! нѣтъ, никогда я не увижу Глухова! Съ какими глазами я покажусь передъ сосѣдами! Кто меня приметъ за

гостя? Собственные мои дѣти будутъ стыдиться называть меня отцемъ своимъ. *Воръ!* это одно слово заставить всякаго честнаго человѣка отъ меня удалиться; мальчишки будутъ бѣгать за мной по улицамъ и указывать пальцами! Пропала, навѣки пропала ты для меня, моя родина! Я освобожу тебя, добрый мой пане, изъ этой темницы, а самъ уйду на Сѣчъ воевать враговъ христіанства; и если Богъ благословитъ мое намѣреніе, если навоюю золота и серебра, пойду въ монастырь, украшу Божію церковь дорогими иконами и буду день и ночь молиться о своей грѣшной душѣ!

—Благодарю Бога, сказалъ судья:—что Онъ сподобилъ тебя возвратиться на путь истинный! Но какимъ образомъ спасешь ты меня изъ неволи?

—Въ этомъ никто мнѣ не помѣшаетъ. Писара нѣтъ въ Гадячѣ, а ты и возница Шпакъ отданы на мои руки.

—А гдѣ же писарь?

—Понесла его нечистая сила на встрѣчу Крыжановскому. Прислалъ окаянный гонца, чтобъ писарь поспѣшалъ къ нему какъ можно скорѣе съ десятью надежными козаками. Надобно тебѣ знать, что молодой Царь умеръ и голштинцы всѣ распущены, такъ и бригадирство Крыжановскаго теперь уже гроша не стоить.

Полковой судья при этой вѣсти молча перекрестился.

—Куда же писарь долженъ поспѣшать къ нему на встрѣчу? спросилъ онъ.

—Да туда жъ всё таки подъ Глуховъ. Онъ слонялся тамъ во все это время, неизвѣстно зачѣмъ. Говорили иные, что онъ жениться тамъ гдѣ-то хочетъ и что даже подарки повезли; а теперь, видно, его не съ добромъ провожаютъ.

—Ты навѣрное знаешь, что онъ изъ Глухова не ѣздилъ въ Петербургъ?

—Конечно не ѣздилъ: гонцы его бѣгали

въ Гадячъ и изъ Гадяча къ нему раза по два въ недѣлю.

Полковой судья погрузился въ мрачныя думы. Нѣсколько словъ Ѳедота Побегайла вдругъ повели его къ такимъ догадкамъ, отъ которыхъ у него замерло сердце.

Въ тотъ же день, какъ только смерклось, Ѳедотъ явился къ нему переодѣтый и, выведя его изъ подвала, замкнулъ по-прежнему окованную желѣзомъ дверь и потомъ повелъ его, чрезъ запустѣвшій садъ, въ узкую улицу, гдѣ ожидали ихъ добрые кони, которыхъ держалъ возница Шпакъ.

Выѣхавъ тихою рысью изъ Гадяча, они пустились во всю прыть дикими полями, которыя начинались тотчасъ за рубежомъ Полтавщины, при въѣздѣ въ такъ называемую тогда Украину.

Всю ночь ѣхали они безъ отдыха, давая только по временамъ своимъ конямъ перевести духъ. На разсвѣтѣ остановились между кустами дикаго терновника, спутали

коней, а сами подкрѣпились завтракомъ, которымъ предусмотрительный Оедоть Побегайло не забылъ запастись на дорогу. Потомъ снова пустились въ путь и къ обѣду пріѣхали въ большое село, въ концѣ котораго, на возвышеніи, стоялъ панскій дворъ.

Полковой судья не намѣренъ былъ здѣсь останавливаться, чтобъ не встрѣтиться съ какими-нибудь агентами Крыжановскаго. Но проѣзжая мимо панскаго двора, онъ примѣтилъ человѣкъ пять вооруженныхъ людей на коняхъ и въ числѣ ихъ какую-то важную фигуру въ желтомъ кунтушѣ, на бѣломъ конѣ. Какова жъ была его радость, когда онъ въ этой важной фигурѣ узналъ вдругъ стариннаго своего пріятеля, пана Бардака!

—Василь Васильевичъ! закричалъ онъ.

—Что за диковинка! отвѣчалъ панъ Бардакъ, подъѣзжая къ нему:—голосъ знакомый, а лице ей ей не въ примѣту!

—Развѣ забылъ, пріятель, глуховскую

чеберячку? сказалъ полковой судья.

—Хвала тебѣ Господи! закричалъ панъ Бардакъ, поднявши руки вверхъ:—какой счастливый день! я буду имѣть гостемъ потомка генеральнаго судьи Животовскаго!

И въ слѣдъ за тѣмъ старые пріатели обнялись съ такимъ усердіемъ, какъ братья, и поцѣловались трижды.

—Пане! сказалъ тогда, приблизясь къ судья, Ѳедотъ Побегайло.—Я кончилъ свое дѣло, проведъ тебя дикими степями, чтобъ не повстрѣчаться съ недобрыми людьми. Теперь, кажется, ты нашелъ себѣ пріятеля, который проведетъ тебя до Глухова лучше моего. Прощай, мой добродѣю! Будь батькомъ для моей Ганны и дѣтей!

И не успѣлъ судья собраться съ отвѣтомъ, какъ его слуга былъ уже далеко на дорогѣ.

—Что жъ, пріятель, сказалъ панъ Бар-

дакъ:—каково вамъ живется тамъ на Гетманщинѣ?

—Охъ, худо, худо! отвѣчалъ вздохнувши полковой судья.

—Да послѣ чего жъ оно будетъ и хорошо, пане судья, когда теперь жида что хотятъ, то и дѣлаютъ? Сегодня ворочаюсь я домой съ ярмарки; вдругъ, версть можетъ сорокъ назадъ, какая встрѣча! Этотъ нечестивецъ Крыжановскій ѣдетъ съ цѣлою шайкою разбойниковъ, и межъ ними въ покрывалѣ женщина! Вѣрно, думаю себѣ, волкъ попалъ уже овцу! Только что несчастная завидѣла насъ, какъ подниметъ крикъ...

—И что же ты?

—И что же я! Что жъ бы я дѣлалъ, когда у меня всего человѣкъ полдесятка, а у него втрое больше?

—Гробы моихъ предковъ! вскричалъ въ отчаяннѣ судья:—Кто бы подумалъ, что

наша славная родина дойдетъ до такого разоренія! Другъ мой, Бардакъ! Сослужи мнѣ послѣднюю службу! Это моя дочь! это моя милая, моя несчастная Катерина!

Панъ Бардакъ, не медля ни минуты, не распрашивая и не утѣшая судьи, тотчасъ велѣлъ перемѣнить себѣ и гостю своему коней и, взявши съ собой человѣкъ тридцать верховыхъ, вооруженныхъ саблями, пистолетами и карабинами, отправился, вмѣстѣ съ полковымъ судьей, въ погоню за Крыжановскимъ.

Но пока они успѣютъ настигнуть хищника, мы воротимся въ замокъ Радивоя и узнаемъ, зачѣмъ были позваны къ нему Михайло и Запорожецъ.

ГЛАВА XXX.

Радивой встрѣтилъ ихъ съ радостнымъ лицомъ.

— Братцы вы мои, сказалъ онъ:—сегодняшній день останется для меня золотымъ днемъ въ моей жизни! Тысячу благодарностей тебѣ, храбрый юначе, за спасеніе меня отъ смерти! Благо мѣйци, коя те родила! Не за себя благодарю: миллионы людей, быть-можетъ, осчастливлены тобою!

Я получилъ вѣсти изъ родины. Все устроилось по моимъ планамъ. Венгерскій князь намъ помогаетъ. Храброе войско готово; ждуть меня съ нетерпѣніемъ. Благодарю Бога! можетъ-быть, Онъ смиловался уже надъ бѣдною Сербіею!... Но съ этой вмѣстѣ, я получилъ и другую вѣсть. Окружные паны всѣми силами, и завтра можетъ-быть, придутъ подъ мой замокъ. Сумскій полковникъ даетъ имъ сотню своихъ козаковъ. Гунсвотъ, море! Я здоровъ! я никогда не отказывался отъ бою; но теперь пусть лучше назовутъ меня зайцемъ, а я поберегу себя для невѣрныхъ. Сей часъ собираться въ дорогу. Бросать всѣ тяжести; брать только самое нужное и дорогое. Вozовъ было чтобъ только три. Вы, милы братья, ѣдете со мной воевать за вѣру риштыанску и за славу имени Серпскога?

—Готовъ съ тобой въ огонь и въ воду! воскликнулъ Михайло.

—Добре, мое дѣпе драго. Иди со мною въ милую Сербію; хочу тебя честита учинити.

—А я не пойду, сказалъ Запорожець.

—Бре, юначе! до Бога милога! Ты со мною не хочешь?

—Эге, пане отамане! *Не що дня бри-
дня.* Пора намъ распрощаться. Этотъ ру-
бака заступитъ при тебѣ мое мѣсто; толь-
ко смотри, *господине мой драгий*, не оби-
жай его, а пристрой у себя въ милой Сер-
біи какъ слѣдуетъ. Я жъ проведу тебя
только до Гадяча. У меня есть что дѣлать
и дома.

—Море, побро! да Богъ те убіе! Гдѣ жъ
я найду подобнаго тебѣ юнака? Во всемъ
свѣтѣ, на четыре страны, нѣтъ такого ра-
бра витеза, какъ ты, мой драгій побрати-
ме. Заклинаю тебя милымъ Богомъ и свя-
тою вѣрою, заклиная небомъ, кое надъ
тобою, и землею, кая подъ тобою, да
изидемъ противъ бусурмана!

—Пане отамане, сказалъ Запорожець:—
напрасно просишь. Не пойду, хоть ты себѣ
бре, хоть ты себѣ море.

Радивой сильно жалѣлъ о потерѣ своего любимца, но, понимая его характеръ, не пытался и убѣждать его.

—Раборъ юнакъ вѣрно слово каже, сказалъ онъ:—Жаль мнѣ тебя, побро, какъ соколу деснога крыла; но вижу, что надо намъ распрощаться. Возьми жъ ты эти ключи, отопри мои сандуки и набери себѣ серебра и злата, колико ти драго.

Но Запорожець вынулъ изъ кишени наполненный золотомъ кошелекъ и сказалъ:

—Еслибъ Щербинѣ не стало этихъ денегъ, ему стоитъ только поѣхать по Гетманщинѣ: у него на каждой сотнѣ верстѣ найдется своя скарбница.

Оставляя подробное описаніе поѣзда Радивоева, скажу только, что онъ раздѣленъ былъ на три главныя части. Впереди, съ отрядомъ любимѣйшихъ юнаковъ, ѣхалъ самъ Радивой обокъ съ Запорожцемъ, везя съ собой казну. Другой отрядъ окружалъ какъ-бы стѣною нѣсколько женщинъ, сидя-

шихъ тоже на коняхъ, и межъ ними, въ бѣломъ покрывалѣ, на дорогой турецкой лошади, была Роксанда, съ ружьемъ, привѣшеннымъ къ лукъ сѣдла. Этотъ отрядъ, по совѣту Щербины, былъ отданъ баномъ подъ предводительство Михайлу. За нимъ шелъ еще отрядъ, везя въ повозкахъ сундуки съ серебромъ Радивоя и разными вещами его дочери. Прочіе слуги Радивоя, для бóльшаго удобства пути, были разосланы впередъ небольшими партіями.

Кавалькада ѣхала съ возможной быстро-тою и до самаго вечера не имѣла никакихъ приключеній, кромѣ частыхъ встрѣчъ съ партіями *голштинцевъ* и *подцабольдинцевъ*, которые, будучи распущены послѣ внезапной смерти Императора Петра III, тянулись домой всѣми дорогами, оборванные и печальные, и служили для поселянъ предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія, по свидѣтельству архіепископа Конискаго.

Но когда Радивой переправился со своими спутниками черезъ рѣку Псѣль и под-

нялся на возвышенность, съ которой открывалась обширная луговая равнина, тутъ случилось произшествіе, вполне достойное нашего вниманія.

Внизу на равнинѣ между двумя группами людей происходила перестрѣлка, сопровождаемая съ обѣихъ сторонъ криками и клятвами. Одна группа, отстрѣливаясь отъ своей противницы, ретировалась мало-помалу къ ближнему лѣску. Другая нападала на нее съ великимъ крикомъ, и хотя была гораздо многочисленнѣе, но дѣлала меньше выстрѣловъ. Въ атакованной группѣ не трудно было примѣтить межъ козаками женщину, и за нее-то, повидимому, былъ и споръ.

Читатели романовъ, отъ частаго упражненія, пріобрѣтаютъ обыкновенно такую тонкую догадливость, что бѣдный авторъ хоть и не думай поражать ихъ нечаянностями и удивлять неожиданными развязками. Къ счастью, я не романистъ, а простой раскащикъ дѣдовскихъ преданій, и потому нимало не сожалею, если мои читатели

догадались уже, что упомянутая перестрѣлка происходила между дружинами судьи и Крыжановскаго; это даже избавляетъ меня отъ лишняго труда. Я долженъ только прибавить, что атака судьи на Крыжановскаго шла очень неуспѣшно, потому что козаки Крыжановскаго жарко защищались, а со стороны судьи всякой выстрѣлъ могъ ранить плѣнную Катерину.

—Что за дьяволъ! сказалъ Радивой:— когда не хочешь даже вынимать изъ ноженъ сабли, какъ нарочно нигдѣ не разминешься съ битвою! Пойди, побро, узнай, что это за драка?

Щербина съ двумя Сербами спустился съ горы. Но едва только онъ приблизился къ сражающимся и завидѣлъ вдали Крыжановскаго, какъ вдругъ вспрыгнулъ на стременихъ своихъ. Губы его задрожали; всѣ черты лица измѣнились. Онъ затрясся всѣмъ тѣломъ отъ гнѣва; онъ закричалъ, заплакалъ! И между тѣмъ конь его быстрѣе вихря мчался къ Крыжановскому, и кривая турецкая сабля сверкала уже въ рукѣ его.

—Харло! Харло! могъ только вымолвить Щербина, нападая въ неизъяснимомъ бѣшенствѣ на своего противника.

Но его взмахи были невѣрны; его движенія, отъ необычайнаго волненія души, были произвольны, судорожны.

Пользуясь этимъ случаемъ, Крыжановскій ударилъ его со всего размаху саблею вдоль головы, и въ то же время двѣ пули съ двухъ боковъ пронзили несчастнаго Запорожца. Щербина палъ мертвый къ ногамъ смертельнаго врага своего.

Сопровождавшіе его Сербы воротились въ ужасѣ къ Радивою.

—Свѣтлый и честитый бане! кричали они:—это онъ!

—Кто онъ?

—Онъ, чьего имени мы не смѣемъ вымолвить передъ тобою!

Радивой вспыхнулъ; глаза его налились кровью.

—Какъ! жидъ? Харло Лютица? измѣнникъ?

—Такъ, свѣтлый бане, Харло Лютица!

—Море! внукъ дьявола! вскрикнулъ громовымъ голосомъ Радивой:—За мной, юнаки! О, я здоровъ море! я здоровъ!

И вихремъ полетѣлъ со своимъ отрядомъ на мѣсто битвы.

Крыжановскій тотчасъ узналъ Радивоя, летящаго на него демономъ со своей дружиною, и смущеніе его было тѣмъ сильнѣе, что онъ и во снѣ не воображалъ увидѣть здѣсь своего мстителя. Не теряя минуты, онъ оборотилъ коня и бросился бѣжать со своимъ конвоемъ, оставя на мѣстѣ свою добычу.

—Нѣтъ, гунсвотъ! ты не уйдешь отъ меня, сынъ ада, внукъ дьявола! кри-

чалъ свирѣпый Радивой, размахивая своимъ мечомъ, который былъ бы въ пору Голіаѳу.

Онъ скоро настигъ Крыжановскаго и однимъ ударомъ своего мача *гребештаца* снесъ ему голову. Съ звѣрскимъ восторгомъ поднялъ онъ ее, безобразную и кровавую, съ земли за длинную чуприну и съ наслажденіемъ заглядывалъ въ ея мигающія очи. Онъ хохоталъ, вскрикивалъ радостно, онъ чуть не прыгалъ на сѣдлѣ своемъ; потомъ велѣлъ воткнуть ее на копье и нести, какъ трофей, передъ собою.

Но когда онъ воротился къ своему поѣзду, ему представилась сцена, повергнувшая его въ изумленіе и ужасъ.

Михайло, который уже давно межъ криками сражающихся слышалъ голосъ полковаго судьи, тотчасъ догадался, что это значитъ. Онъ узналъ издали Катерину и Крыжановскаго. Въ его душѣ вдругъ проснулись подавленные чувства. Раскаяніе, стыдъ, ничѣмъ невыразимая тоска повергли его въ

адъ мученій. Онъ вспомнилъ и прежнія клятвы Катеринѣ, и клятвы, данныя дочери Радивоя. Его воображенію живо представился убитый горестью отецъ, котораго спокойствіемъ онъ пренебрегъ такъ легкомысленно для своего честолюбія. И гдѣ жъ плоды этого честолюбія? Гдѣ тѣ великіе подвиги, о которыхъ мечталъ онъ, выѣзжая изъ дому? Гдѣ онъ теперь? что онъ теперь? Куда и зачѣмъ ѣдетъ, оставляя родину?

Цѣлая туча подобныхъ упрековъ возникла вдругъ въ его совѣсти. Онъ снова обезумѣлъ совершенно. Онъ бросился къ Катеринѣ, которая заливалась радостными слезами, обнимая своего отца. Онъ палъ къ ея ногамъ, рыдалъ и умолялъ ее изумленную, не зная самъ о чемъ. Клятвами любви, обѣщаніями вѣчной вѣрности, увѣреніями въ неизмѣнности своихъ чувствъ онъ выражалъ—и раскаяніе въ непослушаніи отцу, и тоску по своему безчестію, и угрызения преступной совѣсти, и всю мѹку своей души, заблудшейся въ собственныхъ чувствахъ!

Радивой приближается къ мѣсту бывшей перестрѣлки. Онъ видитъ издали всю эту сцену. Безумные крики и клятвы Михайла удивляютъ его. Но другое явленіе заставило его вздрогнуть.

Его дочь Роксанда мчится на конѣ къ Михайлу. Она остановилась въ двадцати шагахъ. Она наводитъ на него свое ружье...

Радивой спѣшитъ. Крикомъ своимъ онъ хочетъ остановить ударъ.

Но она не слышитъ. Она опустила роковое дуло и потомъ снова навела его, но уже не на Михайла. Въ припадкѣ своей ужасной ревности и азіятской мести, она разочла, что для него будетъ еще благодѣяніемъ, если она убьетъ его; нѣтъ, она хотѣла заставить его видѣть смерть той, кому клянется онъ въ любви своей. Выстрѣлъ сверкнулъ, — Катерина падаетъ бездыханна!

Дико захохотала амазонка, бросила на землю ружье и помчалась по степи, почти

лежа на гривѣ своего коня.

Радивою все это не могло иначе показаться, какъ припадкомъ безумія. Поворотя за ней коня, онъ махнулъ рукой своему поѣзду, давая знакъ слѣдовать за собою, и скрылся въ стези со своей бѣшенною дочкою и кровавымъ трофеемъ.

Но какими словами я опишу ту сцену, когда отецъ, вырвавши изъ когтей звѣря единственную свою дочь, вдругъ увидалъ ее мертвою? Какими словами опишу чувства Михайла, послѣ того, когда надъ головою его раздался выстрѣлъ? Онъ оглянулся: это была *Роксанда*! Оборотился въ другую сторону: передъ нимъ *Катерина*, пронзенная на вылетъ пулею, лежитъ въ крови! Онъ испустилъ невыразимо-страшный крикъ и палъ безчувственъ у ея тѣла!

Писать ли далѣе?

Кому угодно, можетъ оставить книгу на этой страницѣ; но вѣрный своему долгу, я передамъ до конца преданье старины о

несчастливомъ юношѣ, такъ жестоко наказанномъ судьбою за его своеволие.

Михайло очнулся только для того, чтобъ снова почувствовать всю муку своей растерзанной души. Лежа ницъ на землѣ, точно какъ послѣ выѣзда изъ Воронѣжа, онъ слышитъ: кто-то, проѣзжая мимо, поетъ походную козацкую пѣсню:

Ой шумѣть-гудѣ вѣгеръ по дубровѣ,

Блудить-блудить козаченько по дорѣзѣ.

Пѣдъ нимъ вѣронъ-кониченько нудить.

— Ой чоѣ жъ ты, да мѣй коню, нудишь

И зъ бѣтои дорѣженьки блудишь?

Чи я тобѣ, да мѣй коню, вѣжокъ,

А чи моя козацкая збрѣя,

А чи добыченька мѣя?...

Михайло поднялся на ноги: передъ нимъ козакъ Середа.

— Это ты, Михайло! воскликнулъ онъ: — Боже мой! какъ это ты остался живъ? Смотри пожалуй, какая чудная встрѣча! Я въ походъ ѣхалъ, ты лежалъ; я и съ походу ворочаюсь, ты опять лежишь. Ска-

жи жъ пожалуйста, что ты тутъ дѣлаешь?
какъ живешь?

Но Михайло, вмѣсто отвѣта, грозно нахмурилъ брови. Ему эти слова показались горькимъ упрекомъ. Онъ схватился было за саблю, но въ ту жъ минуту оставилъ свое намѣреніе и, быстро отворотясь отъ козака Середы, убѣжалъ въ степь.

—Духъ святой съ нами! сказалъ тотъ перекрестясь:—это, видно, его погибшая безъ покаянія душа скитается по этимъ пустынямъ!

И поѣхалъ далѣе.

И съ того времени никто уже не видалъ Михайла, никто не знаетъ, какой конецъ постигнулъ бѣднаго мечтателя. Только народъ, рассказывая эту исторію, какъ разительный примѣръ Божіей кары на непослушного сына, передѣлалъ ее въ балладу и дополнилъ своимъ воображеніемъ. А какъ этотъ вымыселъ показываетъ образъ воззрѣнія народнаго на святость отцовской вла-

сти, то я считаю тоже нелишнимъ передать и его моимъ читателямъ.

Спустя лѣтъ десять послѣ гибели Михайла, сотникъ Чарнышъ со своимъ Семеномъ ключникомъ оставилъ навсегда Воронѣжъ, съ намѣреніемъ поселиться гдѣ-нибудь въ безлюдной пустынѣ, гдѣ бы ничто не напоминало ему о его потерѣ; и говорятъ, что, при постройкѣ для него домика, вырыли изъ земли мертвое тѣло, нимало неповрежденное тлѣніемъ; что то было тѣло несчастнаго Михайла, котораго, въ силу отцовскаго проклятiя, не приняла земля; что сотникъ Чарнышъ, увидя своего сына, тронулся жалостью и, пораженный ужасомъ, сталъ на колѣни и просилъ у Бога себѣ и ему прощенiя; что будто-бы послѣ этой молитвы тѣло Михайлово обратилось въ прахъ, а сотникъ Чарнышъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

У романистовъ обыкновенно водится, по окончанiи развязки, извѣщать почтеннѣйшую публику оффиціально объ участи каждаго дѣйствующаго лица. Но какъ это

исторія не выдуманная, а я больше извѣстій никакихъ не имѣю, то и оставляю дальнѣйшую судьбу Семена ключника, Роксанды и Радивоя въ неизвѣстности, хотя два послѣднія лица какъ-будто нарочно созданы для романа и могли бы доставить богатую канву для досужаго воображенія инаго автора. Прочіе дѣйствователи тоже исчезли во мракъ забвенія, какъ только погасла несчастная звѣзда Михайла и Катерины, озарявшая всю сцену дѣйствія. Да признаться, мнѣ бы уже и не интересно было, послѣ главной катастрофы, развѣдывать у старожиловъ о происшествіяхъ остальной жизни, напримѣръ, полковаго судьи или пана Бардака. Гораздо охотнѣе узналъ бы я, у кого находится теперь знаменитая *Дорошѣнкова чарка*; но къ сожалѣнію и объ ней я не имѣю никакихъ извѣстій. При бѣдственномъ распространеніи ложной образованности, старина въ глазахъ потомковъ ничтожна предъ магазиномъ модъ и галантерейной лавкою. Можетъ-быть, этотъ неоцѣненный застольный ковшъ героя Малороссіи перелить теперь въ какую-нибудь глупую сахарницу или безтолковый

кофейникъ. Можетъ быть, я самъ, не вѣдая того, владѣю какою-нибудь вещью, сдѣланною изъ серебра, составлявшаго *Дорошенкову чарку*. Какъ бы то ни было, но если бы, сверхъ чаянія, у кого-нибудь изъ моихъ читателей нашлась описанная мною знаменитая *Дорошенкова чарка*, надѣюсь, что онъ будетъ такъ добръ, что пришлетъ автору этой книги вѣрный съ нея рисунокъ. При этомъ считаю нужнымъ описать ея примѣты, въ дополненіе къ сказаннымъ уже мною въ главѣ XVI. По словамъ столѣтняго старика, который самъ не разъ изъ нея пивалъ, на длинной ея рукояткѣ было написано съ одной стороны: *Гетманъ Войска Запорозского Петро Дорошенко*; а съ другой: *Впрному моему асаулу Теодору Бардаку зъ власной руки, року 1675*. Но всего интереснѣе была надпись на краяхъ коряка: *Кто выпьетъ разомъ до дна чашу сію, тотъ годится стать подъ бунчукъ Дорошенка*.

[illegible]

ПРИМѢЧАНІЯ

ПРИМѢЧАНІЯ

и

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

И

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Шнуровки эти были наружныя,—родъ корсажа, на груди съ разрѣзомъ, который перепутывался золотыми шнурками, образующими подобіе золотой сѣтки, изъ-подъ которой видна была бѣлая сорочка. Края разрѣза украшались галунами или золотымъ шитьемъ. Нарядъ этотъ для глазъ женщины просто—ненаглядный. Удивительно, почему нынѣшнія дѣвушки, при всемъ стараніи выставить свои прелести въ самомъ обольстительномъ для насъ видѣ, не носятъ такихъ шнуровокъ, а душатъ себя ужасно тѣсными корсажами, забывая, что въ цѣломъ ихъ тѣлѣ нѣтъ ни одной выпуклости столь изящной, какъ грудь, и воображая, что онѣ будутъ страхъ какъ очаровательны, когда талія ихъ, послѣ многихъ мученій въ уборной, станетъ наконецъ похожа на талію осы!—Какъ мужчина самъ по себѣ и какъ представитель многихъ мужчинъ, имѣющихъ одинаковый съ моимъ образъ мыслей, осмѣливаюсь доложить

тончайшимъ изъ дѣвъ, что перетиснутыя до варварства ихъ талии, вмѣсто того, чтобъ очаровывать наши взоры, для насъ просто—отвратительны, и прошу ихъ, во имя всего изящнаго, пощадить отъ варварскихъ шнуровъ превосходную скульптуру своего тѣла, которое Творецъ устроилъ съ такимъ совершенствомъ, что кругленькимъ ихъ головкамъ ничего не осталось въ немъ поправлять.

2. Роясь въ одномъ архивѣ, я нашелъ реэстръ вещей, «ограбленныхъ разбойниками изъ дому» протопопа Нѣжинскаго полка, мѣстечка новыхъ Млинѣвъ, Евстафія Ѳеодорovichа, въ 1777 году. Этотъ реэстръ долженъ быть чрезвычайно интересенъ въ глазахъ любителей старины, ибо онъ нѣкоторымъ образомъ характеризуетъ тогдашній бытъ малороссійскихъ пановъ. Прилагаю съ него точную копію.

« РЕЭСТЪ ОГРАБЛЕННЫМЪ ИЗЪ ДОМУ МОЕГО РАЗБОЙНИКАМИ ДЕНЬГАМЪ.

«КАКІЕ ЖЪ ИМЕННО ДЕНЬГИ И ПОЖИТКИ, КОЛИКИМЪ ЧИСЛОМЪ, О ТОМЪ ЗНАЧИТЬ ПОДСИМЪ.

«Учиненъ 1777 года марта 2 дня.

«Сребраной монеты денегъ четыре тысячи
«рублей. Золотой монеты тысяча-пять сотъ
«рублей. Особо жъ того церковныхъ сребра-
«ныхъ денегъ семьдесятъ восемь рублей и
«тридцать одна копейка.

«Намисто съ пугвицами смальцевыми. На
«ономъ червонцовъ двадцать. На томъ же
«намистъ крестъ самой золотой у десять чер-
«вонцовъ.

«Дукать золотой у двадцать червонцовъ,
«на которомъ зъ одной стороны изображено
«ковчегъ Ноевъ, а на другой сторонъ литеръ
«подписаны.

«Другой крестъ сребропозлащенной зъ свя-
«тыми мощами; а какіе мощи, понадписывано.

«Ложекъ сребранныхъ четыре дюжины.

«Чарокъ сребранныхъ зъ ушками дванад-
«цать; позлащенные около и извнутрь.

«Колпаковъ сребропозлащенныхъ большихъ
«три.

«Ковшъ сребраной старосвѣтской большой
«единъ.

«Чарокъ сребранныхъ бѣлыхъ дванадцать.

«Зъ поповскаго одѣянія.

«1) Ряса легкая штофу великой руки, цвѣ-
«томъ фіалковымъ.

«2) Ряса цвѣту гвоздикового люстринна.

- «3) Ряса сукна тонкого кофейного.
- «4) Ряса лисяя новая; покрыта канавацомъ
«блакитнымъ.
- «5) Ряса блакитной голъ подъ лисями.
- «6) Ряса грезетова, гвоздичного цвѣту; ри-
«сями подбита.
- «7) Ряса попелястой грезеты; подбита съ-
«бирками.
- «8) Кафтанъ блакитного штофу великой
«руки.

«Изъ женского одѣянія.

- «1) Кунтушъ штофной зеленой разноцвѣт-
«ной; кругомъ золотая сѣтка.
- «2) Кунтышъ грезетовой зеленой; сѣткою
«пестрою кругомъ окладено; зъ закладками
«блакитными парчевыми.
- «3) Кунтышъ жолтой полутабенковой; за-
«кладки парчи жолтой.
- «4) Кунтышъ канавацовой коричневой, зъ
«золотыми ўсы, зъ закладками черными гре-
«зетовыми.
- «5) Кунтышъ сукна кофейнаго чернаго;
«обложенъ одноличнымъ пузументомъ золо-
«тымъ; зъ закладками бархатными красными.
- «6) Кунтушъ штофной; поле по канавацу
«черномъ квѣтъ жолтой; подбито хутромъ
«лисьимъ завойковымъ; сѣткою пестрою зо-

«лото-сребраною кругомъ обложенъ; зъ усами.

«7) Кунтушъ люстринной зеленой; подбить
«сѣбирками; кругомъ золотою сѣткою и усы
«обложенъ.

«8) Кунтушъ сукна кофейнаго; сѣбѣрками
«подбить; кругомъ обложенъ пузументомъ
«золотымъ одноличнымъ; зъ усами золото-
«пестрыми.

«9) Полушубокъ полуретиной зеленой; под-
«бить черными баранками.

«10) Ребронъ штофу пакетного великой руки
«по бѣлому канавацу, разноцвѣтной.

«11) Ребронъ штофу пакетного жъ великой
«руки попелястой.

«12) Кофта штофу пакетного жъ большой
«руки; по бѣлому канавацу красной квѣтъ.

«13) Споднѣца штофная великой руки па-
«кетна, по бѣлому канавацу разноцвѣтная.

«14) Споднѣца зелена венецкой коломайки.

«15) Споднѣца камлотна красна зъ бѣлымъ
«квѣтомъ.

«16) Шнуровка зеленой люстрины зъ золо-
«тою сѣткою.

«Зъ запасокъ.

«1) Суто-парчева жолтая.

«2) Чернаго кановацу разноцвѣтна; зъ
«сѣткою золотою.

«3) Штофу блакитного разноцвѣтнаго; зъ
«сѣткою золотою.

«4) Полутабенкова красная.

«5) Канавацова пасмѣста.

«Зъ бѣлья, разныхъ полотень, сувоевъ, ска-
«тертей, ручниковъ, салфетокъ, рубашекъ му-
«жескихъ и женскихъ двѣ скринѣ большихъ
«разграбили, чего щетомъ и знать не можно.

«Часы сребрани, съ показаніемъ числъ, съ
«сребраною печатю и позлащенною цепкою,
«на которой прицѣпленъ камень аспысовой.
«На другой сторонѣ часовъ патреть Госуда-
«рини Анны Іоановны изображенъ.

«Трость зелена московской работы, вся плете-
«ная около дротомъ жолтымъ по матеріи зеленой.

«Поясъ церковной великой руки персид-
«скій квѣтчастый.

«Зъ одѣянія сыновняго молодецкаго.

«1) Кунтушъ сукна сеетового перцевого.

«2) Кунтушъ сукна розинкового сеетового.

«3) Черкеска грезетова красна.

«Кафтановъ два новыхъ китаевыхъ.

«Сыновнихъ денегъ сребраной монеты и
«мѣдной сорокъ-три рубли. Казанковъ мѣд-
«ныхъ кашеварныхъ два: одинъ въ 10, а
«другой въ 5 кварть.

«ДОЧЕРИ МОЕЙ НЕБОЛЬШОЙ.

«Кунтушъ грезетовой блакитной; газомъ
«сребранымъ обложенъ до самого долу; зъ
«закладками люстрины гвоздичной.

«Запаска жолта голева.

«Голъ коричной папортище 8 аршинъ.

«Китаю черного двъ штучки.

«Сѣтки золотой, шириною на три цалъ,
«четырь аршина. Пузументу золотого, на
«три цалъ шириною, 3 аршина.

«Къ сему реестру полку нѣжинского мѣ-
«стечка Новыхъ-Млиновъ протопопъ Евстафій
«Федоровичъ подписался».

3. Хотя Глуховъ принадлежалъ собствен-
но къ *Нѣжинскому* полку, но какъ онъ былъ
въ то время столицею Малороссіи, то пол-
ковникъ и полковая старшина жили по боль-
шей части въ немъ, и хотъ писались на бу-
магахъ *Нѣжинского* полку, однакожъ въ раз-
говорахъ всегда ихъ называли *глуховскими*.

4. Титулъ *вельможнаго пана* принадлежалъ
каждому изъ девяти сановниковъ, составля-
вшихъ генеральную старину. Они были:
Генеральные судьи два, *Генеральный подскар-*

бій, Генеральный писаръ, Генеральные эсаулы два, Генеральный хорунжій, Генеральный бунчужный.

5. Въ 1664 году король польскій Янъ Казимиръ прешелъ со своею арміею отъ Остра до Глухова всю Малороссію, которую тогдашній гетманъ лѣваго берега Днѣпра, Бруховецкій умѣлъ только терзать и грабить, а не защищать, и осадилъ по всѣмъ правиламъ военного искусства городъ Глуховъ, въ которомъ заперся судья генеральный Животовскій съ тремя реестровыми полками: Черниговскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ. «Осада «города, (говоритъ архіепископъ Конисскій) «была жестокая и продолжительная. Брошено «въ него до ста-тысячъ бомбъ и гранатъ и «сдѣлано нѣсколько приступовъ, но все было «тщетно. Осажденные частыми вылазками «и нападеніями на станъ польскій уничто- «жали всѣ ихъ предпріятія и причиняли имъ «великій вредъ, истребивъ множество ихъ «народу. Наконецъ, простоявъ король подъ «городомъ девять недѣль и не предвидя успѣ- «ха, снялъ осаду и отступилъ отъ города, «услышавъ притомъ, что россійскія войски «начали собираться».

Другая малороссійская лѣтопись, составлен-

ная въ 1710 году, дополняетъ сказаніе Конисскаго такъ: « . . . . глуховскіе козаки, частъ на выпоръ исходячи, много Ляховъ и Нѣмцевъ, неточію подъ градомъ, но и въ самихъ шанцахъ, поражаху, гдѣ король воинства своего премного погубивши, тимъ же путемъ тощъ восвояси возвратися. . . .
« . . . . .
«Тѣмъ будучому злу запобѣгаючи, оставивъ обозъ подъ Глуховомъ, начать воспятъ уступати; на котораго абіе глуховскіе облеженцы подвигшеся, стали частъ нападати и оставшихся въ обозъ избивати. Таже непутивши сему со всѣмъ своимъ таборомъ собраться, оставшіися палубы разграбиша и съ немалою имъ корыстю благополучно во градъ возвратишася».

6. Сказанія Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, томъ III, стр. 28.

7. Лѣтопись архіепископа Конисскаго извѣстна подъ заглавіемъ: *Исторія Руссовъ или Малой Россіи*.

8. Архіепископъ Конисскій подъ словомъ—*Голштинцы* разумѣетъ волонтеровъ, собравшихся для войны за голштинское наслѣдство.

9. Мнѣ неизвѣстно, откуда произошли слова—*подцабольдинскій, подцабольдинцы*. Буду очень благодаренъ, если кто-нибудь изъ моихъ читателей объяснить мнѣ это письменно.

10. Не смотря на всѣ мои старанія, никакъ не могъ я достать ни фасада, ни даже плана Малороссійской Коллегіи. Самъ я могъ видѣть только остатки флигелей, потому что главный корпусъ, къ великому нашему сожалѣнію, разобранъ, говорятъ, лѣтъ 30 назадъ, и изъ его матеріаловъ выстроены теперь перешнія присутственныя мѣста. Описаніе же, предложенное въ этой книгѣ, сдѣлано мною по рассказамъ одной почтенной духовной особы важнаго сана, которой я приношу при этомъ мою истинную благодарность. Эта особа, между прочимъ, говорила мнѣ, что ей не случалось видѣть подобныхъ зданій даже въ обѣихъ столицахъ, что по своей «огромности, «древнему массивному стилю и множеству «статуй и другихъ наружныхъ украшеній, «это былъ настоящій Вавилонъ». Весьма буду обязанъ, если кто-нибудь изъ моихъ земляковъ сообщитъ мнѣ письменно свои замѣчанія о недостаткахъ моего описанія Малороссійской Коллегіи и другихъ древностей.

11. Многие изъ старинныхъ малороссійскихъ пановъ получали воспитаніе, кромѣ семинарій, также и въ Кіевской Духовной Академіи; и потому тѣ ошибаются, которые думаютъ, что прежняя Малороссія была наполнена круглыми невѣжами. То правда, что паны наши не умѣли приложить своей учености къ своему образу жизни и понимали ее въ какомъ-то странномъ смыслѣ, но между ними и въ самыя отдаленныя времена не трудно было отыскать такихъ, которые были знакомы коротко съ греческими и латинскими классиками. За неимѣніемъ на это время подъ рукою древнѣйшихъ документовъ ихъ учености, я приведу здѣсь письмо полковника лубенскаго Петра Апостола (меньшаго сына гетманскаго) писанное въ 1743 году къ подскарбію генеральному, Якову Марковичу.

«Сердечный мой братъ и добродѣю!

«Письмо Ваше сердечнаго моего добродѣя
«зъ сообщеніемъ при газетахъ вѣдомости о
«щастіи Козы *; по дачи маетности въ сусѣд-

---

* Это должно быть насмѣшливое прозвище какого нибудь малороссійскаго пана, которому, какъ видно изъ письма, пожаловано было имѣніе.

«ство къ намъ прійти имѣющаго, подано мнѣ
 «очень à propos. Когда я читалъ по-ряду въ
 «Бвлѣвомъ Дикціонаріи Исторію Руфина,
 «котораго происхожденіе такъ казалось мно-
 «гимъ въ то время странно, какъ намъ мно-
 «гихъ намъ современныхъ слѣпое счастье
 «есть удивительно, и что тогда Клавдіанъ
 «колеблющійся мыслями своими о правдѣ
 «судебъ Божіихъ, покамѣстъ не увидѣлъ
 «конца фаворита онаго, рассуждалъ и изо-
 «бразилъ стихами, тое жъ всякаго вѣка вре-
 «менщикамъ апплѣковать можно. Стихи же
 «тѣ слѣдующаго суть содержанія:

«Saepe mihi dubiam traxit sententia mentem,
 и пр. (Въ подлинникѣ за этимъ слѣдуютъ
 еще двадцать-два стиха).

«Дозде Клавдіанъ; я же тому, до кого сіе
 «апплѣкуется, Турецкимъ штилемъ желаю:
 «ему же да будетъ конецъ благополучный.

«О пожалованіи товарища нашего П. Ан-
 «дрея Горленка чиномъ и деревнями упо-
 «ваю, что и вы, мой сердечный Добродѣю,
 «сорадуетесь въ рассужденіи его бѣдности и
 «доброты сердца. Какъ же то онъ въ томъ
 «радостномъ случаѣ чуприну себѣ спереду
 «гладилъ и на пальчикахъ подымался! Же-
 «лалъ бы я притомъ купно съ вами быть и
 «хахатать вмѣстѣ.

«Газеты обратно присемъ съ прилогомъ
 «4 тома Спектатора посылаю. Врочемъ по-
 «желавъ вамъ моему сердечному добродѣви
 «купно съ его супругою и всѣми домашними
 «щасливого начала и окончанія наступаю-
 «щаго новаго года, остаюсь съ совершеннымъ
 «почтеніемъ

«Вашъ вѣрнозичливый братъ

«и нижайшій слуга

«П. Апостоль.

«1743 Декабря 26.

«Лубны».

Объ этомъ Петръ Апостоль пишетъ Энгель въ своей *Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken* (§ 39), что «хотя онъ никогда не путешествовалъ, однакожъ очень хорошо говорилъ и писалъ полатыни, попольски, пофранцузски, поитальянски, понѣмецки и поруски, зналъ математику, фортификацію и другія полезныя науки».

12. Такъ иногда запросто (разумѣется заочно) называли козаки гетмана Данила Апостола.

13. Въ Малороссіи многимъ напиткамъ и кушаньямъ присвоены названія значитель-

ныхъ людей; такъ, напримѣръ, извѣстенъ борщъ гетмана Скоропадскаго, вишневка гамалѣевская (отъ фамиліи Гамалѣя), медъ палѣевскій (по имени полковника Фастовскаго Палѣя) и тому подобное.

14. *Чура* значить слуга. Слово, произшедшее отъ татарскаго—*джяуръ*, *джуръ* (невѣрный). Такъ Татары называли своихъ слугъ-плѣнниковъ, захваченныхъ ими воевремя набѣговъ на Малороссію. Запорожцы, въ отмщеніе, дѣлали вторженіе въ ихъ земли и брали въ плѣнъ Татаръ. При размѣнѣ же плѣнниковъ, они могли называть ихъ потатарски и усвоили себѣ слово *джуръ* въ смыслѣ слуги, невольника. А какъ ихъ языку трудно было выговаривать слово *джуръ*, то они перевертели его на свой ладъ и составили *чура* или *чурá*.

15. Село Субботовъ въ Кіевской губерніи, въ шести верстахъ отъ Чигирина,—мѣсто рожденія Богдана Хмельницкаго.

16. *Берло* (*berlo*)—скипетръ.

17. Еще и теперь въ Малороссіи многіе осѣдлые люди держатъ у себя эту виршу

съ тѣмъ вѣрованіемъ, что она защищаетъ домъ того, кто ее имѣетъ, «отъ всякаго неблагополучія».

18. Въ малороссійской свадьбѣ, когда ведутъ молодыхъ къ вѣнцу, старшая дружка, называемая *свѣтѣлкою*, несетъ передъ ними «старосвѣтскій мечъ», украшенный цвѣтами. Этотъ мечъ, наканунѣ вѣнчанья, невеста кладетъ подъ головную подушку, и изъ сна, который ей въ ту ночь приснится, выводитъ пророчество о своей будущности.

19. Авторъ самъ знаетъ въ Малороссіи нѣсколько древнихъ богатыхъ фамилій, которыя, обладая множествомъ наследственной сребренной утвари и, по своему невѣжеству, не зная ей цѣны, переливаютъ въ ложки и тому подобное превосходные кубки венеціанской работы или завѣтные дѣдовскіе ковши, которыхъ бока украшены безцѣнными для антикварія изображеніями, а берега покрыты самыми характерными надписями. Простой народъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ больше уваженія: для него память дѣдовъ еще священна и слово *старосвѣтскій* чаруетъ его слухъ. Много я знаю козаковъ, которые держатъ для памяти предковскіе наряды,

сребренныя вещи и оружіе. У одного бѣднаго козака я не могъ купить сребреной чарки за тройную цѣну противъ того, что она вѣситъ. На всѣ мои убѣжденія онъ отвѣчалъ мнѣ одно: что этой чаркой пилъ не то прадѣдъ его, «а мѣже, ще пращуръ, або и прапращуръ»; и признаюсь, послѣ этого мнѣ совѣстно было бы искушать его прибавкою цѣны за эту святую для него древность.

20. У нѣкоторыхъ изъ старосвѣтскихъ малороссійскихъ пановъ посреди двора для коновязи стоялъ столбъ, а въ немъ укрѣплены три кольца: одно желѣзное, другое серебряное, третье серебряное позолоченное. Къ желѣзному привязывали лошадей своихъ простые козаки и люди посполитые, къ серебряному имѣлъ право привязать коня всякой шляхтичъ, а позолоченное кольцо назначалось только для лошади какой-нибудь важной особы. Если жъ бы посполитый человѣкъ или простой козакъ осмѣлился привязать своего коня къ серебряному кольцу, то былъ бы прибитъ панскою дворнею. Въ иныхъ дворахъ эти кольца вбивались въ оконницу, въ иныхъ въ ворота.

21. Можетъ-быть, къ этому изображенію

подало Хмельницкому поводъ то, что Чигиринскій подстаростій Чаплинскій отвялъ у него «хуторъ съ пасъкою и млыномъ на урочищѣ Суботовъ», какъ говоритъ одна старинная хроника. Въ той же хроникѣ въ другомъ мѣстѣ сказано, что «Ляхи натрапили на чоловѣка на одного, у котораго «одняли пасъку, которая всей землѣ Польской начинила бѣды».

22. По ходатайству гетмана правой стороны Днѣпра Петра Дорошенка, мстившаго Многогрѣшному за измѣнническое похищеніе у него гетманства на лѣвой сторонѣ Днѣпра, константинопольскій патріархъ Паисій, въ 1669 году, выслалъ на Украину открытую грамоту, отлучающую отъ церкви гетмана Многогрѣшнаго и всѣхъ противниковъ Дорошенка и предающую ихъ проклятію. Эта грамота «надѣлала много шуму въ Малороссіи», какъ говоритъ архіепископъ Конискій, и ея-то дѣйствию приписывали этотъ несчастный случай, что Многогрѣшный ударился головой объ косякъ и ушибся до полусмерти.

23. Царскимъ вѣнцомъ называется въ Малороссіи вѣнчикъ, который кладутъ на голову

молодому и молодой при обрядъ вѣнчанья.

24. И въ моей фамиліи сохранилось преданіе, что когда одинъ изъ моихъ предковъ, Максимъ Кулѣшъ, выступалъ въ походъ, конь подъ нимъ споткнулся въ самихъ воротахъ, и дѣйствительно онъ изъ того походу не воротился.

25. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, вода, окружавшая крѣпость, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ изсохла, а потому и топографія того мѣста перемѣнилась.

26. Между малороссійскими женскими пѣснями весьма много пѣсенъ *разлучныхъ*, составленныхъ матерью, сестрою, женою, а всего чаще любовницею, по отъѣздѣ казака въ походъ. И теперь еще Малороссіянки, собравшись гладить дорогу кому-нибудь родному, уѣхавшему въ дальній путь, поютъ и вмѣстѣ плачутъ, ибо эти разлучные напѣвы суть ничто иное, какъ вопль тоскующаго сердца. Таковы напримѣръ пѣсни:

1.

Ой живу я, живу пѣдъ Божю властью,
Ой плачу я и рыдаю по своему несчастью.

Ой плачу, я плачу, свои лѣта мѣрне трачу,
За дробными слѣзюньками свѣтонька не бачу. . . . .

2.

. . . . .
Ой мѣтунько, да не гай мене,
Въ велику дорѣгу выряжай мене. . . .

3.

Ой чому не пришовъ, чому не прѣхавъ,
Якъ я тобѣ, серденько, вельла?
Чи коня не маешъ, чи дорѣжки не знаешъ,
Чи матуся вхать не звельла? . . . . .

4.

Шли коровы изъ дубровы, и овечки зъ поля;
Выплакала кары очи край козака стоя:
Ой куды жъ ты одѣзжаешъ, сизокрилый орле?
Ой хто жъ мене да безъ тебе къ серденьку пригорне?

5.

. . . . .
Ой где козакъ да дорѣженькою,
Слѣзюньками умывается:
Де-сь мой нѣнька, де-сь мой старѣнька
Да за мною убивается! . . . . .

И прочая, и прочая, и прочая. Всѣ эти различныя пѣсни сочинены, я полагаю, женщинами, а отнюдь не мужчинами. Онѣ отличаются особенною силою чувства въ своемъ напѣвѣ и словахъ, такъ что уступать только развѣ тѣмъ, въ которыхъ «плачетъ мать, во дни печали, о сынѣ, падшемъ на войнѣ» или убивается любовь, знавшая блаженство

только на мигъ и потомъ лишившаяся его навсегда.

27. Запорожье славилось произведеніями этого рода, вело ими обширную торговлю и часто обсылало подарками не только пановъ, жившихъ на Гетманщинѣ, но и петербургскихъ своихъ протекторовъ. Любопытно читать уцѣлѣвшія отъ истребленія описи подобныхъ посылокъ. Напримѣръ:

«РЕЕСТРЪ, * что зъ посланныхъ гостинцей
«въ КІЕВЪ надлежитъ отдать и зъ собою
«въ КІЕВЪ въ возки взять.

«Господину губернатору Костюрину лисицъ 6, баликовъ 4, осетровъ 2, и письмо.

«Кіевскому секретарю Алексѣю Фотьеву лисицъ 5 и письмо.

«Кіевскому канцеляристу Козлову лисица 1, осетеръ 1, безъ письма.

«Въ Глуховъ:

«Господину писару Безбородку короповъ 30,

---

* Посланный отъ Коша Запорожскаго въ 1757 году чрезъ войсковаго дѣвбыша Григорія Никитова, отправленнаго въ Петербургъ за жалованьемъ.

«щукъ 15, баликовъ 4 да рыбячаго масла
«суденце одно и письмо.

«Въ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

«Надлежитъ отдать гостинцы, а именно:

«Князю Трубецкому короповъ 10, бали-
«ковъ 10, лисицъ 10, и письмо.

«Графу Воронцову короповъ 10, баликовъ 10
«и письмо.

«Сенатскому секретарю Пуговишникову ли-
«сицъ 5, баликовъ 2 и письмо.

«Регистратору сенатскому Латину ли-
«сицъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Сенатскому канцеляристу лисица 1 безъ
«письма.

«Струтинскому (переводчику) короповъ 2,
«баликовъ 2 и письмо.

«Троимъ преосвященнымъ, с. петербург-
«скому, резанскому и тверскому, три бочон-
«ка соку лимоннаго и три письма.

«Двомъ архимандритамъ, донскому и тро-
«ицъсергіевскому, два бочонка соку и два
«письма.

«Третьему архимандриту Футинскаго мона-
«стыря Іосифу осетеръ 1, баликовъ 2 и письмо.

«Отцу Кириллу, Алексѣя Григорьевича
«Разумовскаго капеляну, въ Аничковскомъ

«домъ, короповъ 2, баликъ 1 и письмо.

«Варлааму Григорашу, въ Невскомъ мона-
«стырѣ, 2 балика и письмо.

«Таможъ еромонаху Сильвестру баликовъ 2
«и письмо. Таможъ Іоанникію Святковскому
«баликовъ 2 и письмо.

«Въ кадетскомъ корпусѣ іеромонаху отцу
«Кириллу іеродіакону Наркизу Синявскому
«баликъ 1 и письмо.

«Войсковому товаришу Стефану Рудѣ, ко-
«торый ежели есть, посылается ему коропъ 1
«и сомъ.

«Совѣтнику Иностранной Государственной
«Коллегіи Михаилу Новоторжцеву 1 лисица
и 1 осетеръ.

«Кременчугскому директору (Тимофѣеву) 1
лисица и 1 осетеръ.

(Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша
Запорожскаго, соч. А. Скальковскаго. Одесса,
1841, стр. 400).

Кромѣ этихъ подарковъ отъ войска были
подарки отъ кошеваго и писаря отдѣльно:

«Отъ г. кошеваго духовникови—2 коропа
«и 2 щуки да визики 2 пучка.

«Струтинскому да Кириллу, каиеляну Але-

«кся Григорьевича, по 2 коропа да по 1 щукъ
«и по 2 пучка визики.

«Вышеописанному Стефану Рудъ послано
«отъ г. кошеваго красніе чоботи.

«Архіереямъ и архимандритамъ всѣмъ и
«прочимъ іеромонахамъ, по усмотрѣнію ва-
«шему (посланца, войсковаго дѣвбыша), 10
«пучковъ, каждому по единому, визики по-
«сылаются.

«Отъ г. писаря о. Варлааму да Святков-
«скому по два коропа при письмахъ.

(Тамъ же, стр. 401.)

Кромѣ означенныхъ подарковъ посылались
вельможамъ петербургскимъ отъ кошеваго
и товариства—лошади и плѣнные ~~араны~~.

(Тамъ же, стр. 401—402.)

28. Это не выдумка: дѣйствительно вста-
рину часто двѣ тяжущіяся стороны ѣзжали
въ судъ въ одной повозкѣ и на общихъ ло-
шадяхъ. Объ этакихъ примѣрахъ истинно
патріархальной простоты нравовъ и добро-
душія помнятъ еще и нынѣ въ Малороссіи,
гдѣ въ наши времена страсть къ ябедамъ и
тяжбамъ развилась до высшей степени.

29. Отголосокъ стариннаго русскаго за-

кона, сохранившагося въ идеѣ народа чрезъ нѣсколько вѣковъ.

30. Онъ хочетъ сказать—Голштинцевъ. Гостинецъ по русски значитъ—подарокъ.

31. *Майданомъ* называется въ Малороссіи еще то мѣсто, гдѣ выдѣлываютъ деготь и смолу. У Сербовъ мейданъ значитъ—площадь и рынокъ.

32. Книга Пророка Іереміи, гл. IX, ст. 1.

33. Эту удивительную, по неравенству силъ, битву происшедшую въ 1655 году, архіепископъ Конискій описываетъ такъ:

«Хмельницкій, обезсиливши армію свою
«отдѣльными корпусами (то есть разсылкою
«отдѣльныхъ корпусовъ въ разные пункты
«противъ непріятеля), выступилъ изъ-подъ
«Заславя и, поспѣвая къ Бѣлой Церкви,
«атакованъ былъ соединенными непріятель-
«скими (польскими и татарскими) силами
«въ урочищѣ, такъ послѣ названномъ, Дри-
«жиполь. Непріятели, обрадовавшись, что на-
«шли Хмельницкаго въ малыхъ силахъ, и
«бывши на него злобны до изступленія, на-

«пали на козаковъ со всѣхъ сторонъ безъ вся-
 «каго распоряженія, а только надѣясь на свое
 «многолюдство. Хмельницкій, ведя себя въ
 «войнѣ всегда осторожно, спѣшилъ войски
 «завременно и сдѣлалъ съ нихъ батовую (т. е.
 «карé), а допустя непріятеля въ самую близ-
 «кую дистанцію, выстрѣлилъ по немъ изъ пу-
 «шекъ и ружьевъ такъ удачно и жестоко, что
 «повалились вдругъ изъ толстыхъ непріа-
 «тельскихъ кучъ цѣлыя тысячи. Непріатель,
 «образумясь отъ своего пораженія, сталъ про-
 «должать напуски свои отдаленіе. А гет-
 «манъ, между-тѣмъ, повелѣвъ собрать тѣла
 «побитыхъ непріателей, сдѣлалъ съ нихъ об-
 «ширный и довольно возвышенный ретран-
 «шаментъ и такъ, укрѣпившись собствен-
 «ными непріательскими тѣлами, поражалъ
 «изъ-за нихъ приближающагося непріателя,
 «какъ изъ крѣпости, ожидая притомъ помо-
 «щи отъ боярина Бутурлина и отъ своихъ
 «корпусовъ, кои о впаденіи непріателя и
 «объ осадѣ его (Хмельницкаго) въ малыхъ
 «силахъ довольно знать могли. Но какъ та-
 «ковой помощи ни откуда не бывало, а въ
 «провіантъ и фуражъ сдѣлался крайній не-
 «достатокъ, да и стужа зимняя стала уже
 «несносною, ибо сіе происходило въ послѣд-
 «нихъ числахъ декабря мѣсяца; то рѣшился

«Хмельницкій пробиться сквозь непрітеля
«силою и освободиться отъ его осады. Пред-
«пріятіе сіе сдѣлано ночью. Войски козацкія,
«построившись фалангою съ легкою артилле-
«рією, подошли къ непрітелямъ тихими ша-
«гами и, заставъ ихъ, сидящихъ большими
«кучами при огняхъ, отъ которыхъ обыкно-
«венно въ сторонъ ничего не видно, ударили
«на нихъ во всей опрометчивости (быстротѣ)
«и побили ихъ цѣлыя тысячи почти безъ
«обороны. Произведенный при семъ громъ
«пальбы и крикъ народный заставили прот-
«чаго непріателя вооружаться къ оборонѣ.
«Но фаланга козацкая, очистивъ уже себѣ
«пространный путь, довольно удалилась отъ
«него (непріателя) въ полномъ порядкѣ и
«прошла въ Бѣлоцерковщину благополучно».

Конецъ первой части.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

34. «По случаю путешествія Императрицы Елисаветы Петровны въ 1744 году въ Кіевъ чрезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ и Козелецъ, дорога на семь трактовъ отъ границъ великороссійскихъ была разширена, мосты отдѣланы прочною работою и поставлены раскрашенныя версты».

(Ист. Мал. Россіи, Бант. Каменскаго, т. III, стр. 219).

«Малороссійскій генералъ - губернаторъ графъ Румянцовъ-Задунайскій приказалъ въ 1778 году разширить всѣ дороги въ Малороссіи на восемь сажень, усадить деревьями и подѣлать прочные мосты и гати».

(Тамъ же, примѣчаніе 292.)

35. О словѣ *гоштинцы* см. часть 1, примѣчаніе 8.

36. *Спічка въ нѣсть* значить еще—особенное искусство въ какомъ-нибудь ремеслѣ или наукѣ, талантъ; а *кручѣкъ у нѣсть* или *карлючка въ нѣсть* значить—знаніе колдовства.

37. Почтенный авторъ Исторіи Новороссійскаго Края г. Скальковскій, въ новомъ своемъ трудѣ, достойномъ благодарности всякаго Малороссіянина, *Исторіи Новой Сѣчи, или Послѣдняго Коша Запорожскаго*, сообщилъ публикѣ между многими интересными документами любопытные отрывки изъ разсказовъ Запорожца Коржа *, положенные на бумагу преосвященнымъ Гавріиломъ, архіепископомъ екатеринославскимъ; и какъ эти отрывки проливаютъ новый свѣтъ на ту эпоху, которой касается моя книга, то, думаю, не

---

* Они сперва были напечатаны въ *Ж. М. Н. П.* (1838 и 1839) и не все вошли въ *Исторію Новой Сѣчи*. Такъ напримѣръ не оказалось въ ней прекрасныхъ подробностей объ устройствѣ куреней (см. здѣсь прим. 51.) Другіе жъ разказы Коржа явились въ *И. Н. С.* съ значительными и многочисленными перемѣнами, пропусками и вставками, которыхъ причина г. Издателемъ, къ сожалѣнію, не объяснена, и потому мы не знаемъ, который списокъ разсказовъ Коржа должно считать вѣрнѣйшимъ,—тотъ ли, который помѣщенъ въ *Ж. М. Н. П.*, или тотъ, который предложенъ въ другомъ видѣ въ *И. Н. С.*

худо сдѣлаю, если помѣщу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

О прозвищахъ. «Козаки запорожскіе, и
«особливо Сѣчовики, по вольности запорож-
«скаго духа и веселости характера, имѣли
«такую привычку къ насмѣшкамъ, что отъ
«всякаго и малѣйшаго случая, поступка, по-
«ходки или калѣцтва немедленно давали ко-
«заку прозвище, которое уже навсегда и
«оставалось при немъ. Кто отъ неосторожно-
«сти спалить курѣнь или зимовникъ, того
«называютъ *Пальѣмъ*; кто готовитъ пищу
«или раскладываетъ огонь преимущественно
«надъ водою, тому даютъ имя *Паливоды*. Кто
«ходитъ согнувшись отъ природы или при-
«вычки, тотъ *Горбачъ*; а если кто тощъ,
«блѣденъ и высокъ, тотъ *Гнида*. Если кто,
«противъ обычая запорожскаго, не любитъ
«тетѣри или мамалыги, главнѣйшихъ яствъ
«козачества, и варитъ себѣ отъ роскоши ка-
«шу, того зовутъ *Кашкою* или *Кашоваромъ*.
«Козака очень малаго росту для смѣху на-
«зывали *Махіна*, а большаго росту *Малю-*
«тою. Если кто, несмотря на проворство,
«приличное бравому козаку, скользилъ и па-
«далъ, тотъ назывался *Слизкій*; неуклюжихъ
«звали *Черепахою*, шалуновъ *Святыми*, лѣ-
«нивыхъ *Добрая-воля*, носившихъ бороду *Ка-*

«сѣнами, т. е. Великороссіянами. Отъ такихъ
 «случаевъ и мой родной отецъ (это говоритъ
 «запорожець Коржъ), котораго настоящая фа-
 «милія была Жаданъ, прозванъ былъ Тара-
 «номъ, то есть круглымъ шестомъ, которымъ
 «козаки били конопляное масло. Наконецъ
 «скажу о томъ, какъ я получилъ названіе
 «Коржѣ. Съ молодыхъ лѣтъ я былъ очень и
 «рѣзвъ и проворенъ. Однажды ѣдучи изъ
 «Новыхъ Койдакъ въ Сѣчъ и проѣзжая мимо
 «высокой могилы, которую звали Чертомлы-
 «комъ (есть также и рѣчка Чертомлыкъ), мы
 «взбѣжали на нее и, побѣгавъ нѣсколько ми-
 «нутъ, стали спускаться. Товарищи пошли
 «по утоптанной тропинкѣ, а я вздумалъ идти
 «прямо, но такъ какъ курганъ былъ очень
 «крутъ, а трава сухая, то я оступился, упалъ
 «и покатился внизъ, какъ кубарь или коржъ.
 «Коржемъ, коржемъ звалися! закричали ко-
 «заки, и съ того дня всѣ звали меня Ники-
 «та, по прозванію Коржъ. Мой крестный
 «отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ мнѣ.—
 «Нехай буде и Коржъ, бо и мене прозвали
 «Качѣлкою за одну качѣлку, зрѣбленную мною
 «въ Сѣчи. Що будешъ робити, коли тутъ
 «така поведенція? Терпи, хлопче, козакомъ
 «будешъ, а изъ козака попадешъ и въ отѣма-
 «ны: съ посмѣху люде бувають».

(И. Н. С. или П. К. З., стр. 130—132.)

Эти прозвища дѣлались семейными именами, и войско и писаря именовали тѣхъ, кому они даны были, только этими названіями. Даже по увольненіи изъ войскового званія, Запорожцы сохраняли имена, данныя имъ товариствомъ.

38. Эта пѣсня показываетъ, какое мнѣніе имѣли Малороссіяне о Запорожцахъ. Съ того времени, какъ Малороссія раздѣлена была между Россіею и Польшею по Андрусовскому договору, Запорожцы составляли отдѣльное тѣло, неподвластное ни Польшѣ, ни Россіи, и хотя Сѣчь и зимовникі Запорожскіе пополнялись безпрестанно выходцами съ обѣихъ сторонъ Днѣпра, однако жъ они уже не принимали никакого участія въ судьбѣ своихъ метрополій; а воротясь изъ-подъ протекціи Турціи, куда они бѣжали послѣ полтавской битвы, Запорожцы еще больше стали чужды своимъ единоплеменникамъ, которые, хотя признавали ихъ достоинства воинственныя, однакожъ считали ихъ скопищемъ разбойниковъ безъ вѣры и законовъ. То правда, что Запорожцы со временъ соединенія Малороссіи съ Россіею, или даже можно сказать

со смерти Богдана Хмельницкаго, утратили тотъ высокій патріотизмъ, который спасъ Малороссію отъ Уніи, и любовь къ свободѣ сосредоточили только въ кругу своего рыцарскаго братства; но обычаи предковъ и вѣра остались у нихъ ненарушими. Это лучше всего можно видѣть изъ разсказовъ Запорожца Коржа. «Между Запорожскими обычаями, говоритъ онъ, были и благочестивые обряды, относящіеся до христіанскаго закона и добродѣтелей; ибо между козаками много было набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благолѣпіе церковное, а особливо изъ престарѣлыхъ, кои ходили въ церковь почти ежедневно, украшали церковныя иконы, справляли богатые хоругви и кресты, обогащали различныя утвари и церковныя св. сосуды драгоцѣнными каменьями и великолѣпными мануфактурами, такъ что во всей Россіи едвали гдѣ была ризница превосходнѣе сей запорожской ризницы, особенно на счетъ достатка церковнаго, т. е. денежной казны, по той причинѣ, что Запорожцы были холосты, имѣли многія тысячи денегъ и многочисленныя скотоводства по зимовникамъ. На случай смерти козаки все таковое имущество отписываютъ, бывало, на церковь съчевую и на

«монастырь, который былъ въ той же Сѣчи,
«надъ самою рѣчкою Подпольною.

«Въ монастырь этомъ всегда былъ настоя-
«тель и нѣсколько монаховъ, которые цѣлый
«годъ ежедневно отправляли всѣ положен-
«ныя церковныя службы. Кромѣ того на-
«стоятель въ Сѣчи постригалъ изъ Запорож-
«цевъ въ монахи и опредѣлялъ, по произволу
«кошоваго и старшины, священниковъ въ
«церкви запорожскихъ паланокъ * и селъ.
«Это легко было сдѣлать въ Запорожьи, ибо
«тутъ всегда имѣлось много козаковъ не толь-
«ко изъ поповичей, проходившихъ въ своихъ
«мѣстахъ формальнымъ порядкомъ науки, но
«и изъ дѣтей панскаго поколѣнія, которые,
«равно какъ и первые, по преступленію или
«по молодечеству, оставляли родину и скры-
«вали въ Сѣчи свое имя и происхожденіе.

«Монастырь назывался еще и городкомъ,
«т. е. укрѣпленіемъ, ибо противъ набѣговъ
«непріятельскихъ былъ укрѣпленъ высокимъ

---

* Паланка у Запорожцевъ значила и округъ, и окруж-
ной городъ, и окружной судъ, или управленіе. Слово
турецкое, означающее небольшой городокъ, средину
между городомъ и деревнею, а иногда также и неболь-
шую крѣпость. Употребляется въ томъ же смыслѣ и у Сер-
бовъ, но у нихъ замокъ чаще называется—*кѹла* (башня).

«валомъ и вооруженъ пушками, да сверхъ
 «того со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ рѣч-
 «кою Подпольною. Въ городкѣ жилъ кошо-
 «вый и многіе запорожскіе паны. Съ одной
 «только стороны былъ устроенъ въѣздъ чрезъ
 «огромную башню, гдѣ стояло много коза-
 «ковъ. Церкви монастырскія и съчевая * бы-
 «ли деревянныя безъ ограды. При послѣдней
 «находилась большая и высокая колокольня
 «съ четырьмя окнами, въ которыхъ стояли
 «пушки, какъ для защиты противъ враговъ,
 «такъ и для стрѣльбы въ большія церковныя
 «торжества, особенно въ день Пасхи, Бого-
 «явленія, храмовый и другіе праздники.

«Во время водоосвященія (6 генваря) коза-
 «ки со всѣхъ стѣчовыхъ куреней и ближай-
 «шихъ паланокъ и зимовниковъ, конные и
 «пѣшіе, во всемъ вооруженіи, въ лучшихъ
 «своихъ платьяхъ, покурено собирались во-
 «кругъ церкви, со своими знаменами, на
 «лошадяхъ, живо (ярко) и богато украшен-
 «ныхъ. Артиллерія козацкая была тутъ же.
 «Когда соберутся къ церкви, то такое вели-

---

* Съчевая Покровская церковь существуетъ еще и нынѣ въ селѣ Покровскомъ, въ Екатеринославской губерніи и уѣздъ, близъ мѣстечка Никополя.

«кое множество народа бываетъ, что зани-
 «маетъ не только все пространство около
 «церкви, но и всю городскую обширную пло-
 «щадь. И стоитъ все войско, какъ конница,
 «такъ и пѣхота чинными и стройными ряда-
 «ми, безъ шапокъ, дотолъ, пока окончится
 «литургія. По окончаніи оной, настоятель,
 «какъ главное лице, выходитъ изъ церкви
 «съ крестомъ; за нимъ всѣ монахи и свя-
 «щенники попарно, съ иконами и свѣчами,
 «шли къ Днѣпру на *Йорданъ*. Все запорож-
 «ское войско тихимъ шагомъ, покурено, слѣ-
 «довало за ними и располагалось на берегу
 «рѣки. Когда настоятель погружалъ крестъ
 «въ воду, то всѣ пушки и всѣ вооруженные
 «ружьями козаки палили трижды. А по окон-
 «чаніи церемоніи еще палили долго, сколько
 «кому угодно, и тогда возвращались во свояси».

(И. Н. С. или П. К. З., стр. 81—84.)

«Нельзя не упомянуть здѣсь нѣсколько
 словъ (говорить далѣе г. Скальковскій) о
 той страсти, которую Запорожцы имѣли къ
 церковному пѣнію. Она составляла у нихъ
 главное наслажденіе, ибо видимъ въ описа-
 ніи судебныхъ обычаевъ Запорожья, что ко-
 гда (въ 1771) кошовый, находясь въ Кодакъ,
 былъ приглашенъ въ гости къ священнику,
 то однимъ изъ лучшихъ угощеній считалось

то, что онъ и пѣвчими былъ позабавленъ. Въ Сѣчи при церкви св. Покрова было даже особое училище для церковныхъ пѣвчихъ, управляемое начальникомъ кошоваго духовенства. Въ немъ, по сказанію очевидцевъ, считалось до 30 взрослыхъ пѣвчихъ изъ козаковъ и болѣе 50 школяровъ, имѣвшихъ свое особое куренное управленіе и особаго отамана. Туда поступали дѣти малороссійскихъ козаковъ, имѣвшіе родныхъ въ Сѣчи, или мальчики, захваченные, по обычаю, Запорожцами въ наѣздахъ на Польшу, Молдавію или даже Россію. Они имѣли исключительное право колядовать, поздравлять хлѣбомъ на новый годъ и Свѣтлое воскресенье, звонить въ колокола по умершихъ или убитыхъ на сраженіи, продавать ладонъ и пр. и за то получать довольно большую плату. Но такъ какъ они воспитывались на военную ногу и даже получали оружіе, свинецъ и порохъ, то и могли дѣлаться настоящимъ товарствомъ».

(Тамъ же, стр. 84—85.)

39. Въ 1775 году, апр. 30, кошовый отаманъ Калнишевскій писалъ въ Кіевъ къ архимандриту Кіевопечерской Лавры Зосиму: «Мы имѣемъ желаніе, дабы въ сѣчовой Покрова

«Богоматери церкви были золотыя священ-
 «ническія сосуды таковыя, какія самой иску-
 «снѣйшей работы есть въ Кіевопечерской
 «Лаврѣ, и для того оныя по сему ма-
 «неру сдѣлать вознамѣривались весьма; по-
 «чему чрезъ господъ старшинъ войска Запо-
 «рожскаго, тѣхъ которые нынѣ за жаловань-
 «емъ въ столицу отправляются на Кіевъ,
 «и золото пришлется».

(Тамъ же, стр. 82.)

40. О съчевомъ монастырѣ и церкви см.
 подробности въ примѣчаніи 38.

41. Паны и нѣмецкіе императоры посы-
 лали Запорожцамъ знамена, оружіе и подар-
 ки, подъ предлогомъ «награды за защиту
 Христіанства отъ невѣрныхъ», а чаще для
 возмущенія козаковъ противъ Польши или
 Россіи.

42. *Кульшъ* значитъ—супъ съ крупами.
 Такой супъ называется иногда и кашею (осо-
 бенно у косарей и чумаковъ;) но густая ка-
 ша и каша *розмазня* никогда не называются
 кульшемъ. Также и супъ на молоко не имѣетъ
 права титуловаться симъ древнимъ именемъ.

молодому и молодой при обрядъ вѣнчанья.

24. И въ моей фамиліи сохранилось преданіе, что когда одинъ изъ моихъ предковъ, Максимъ Кульшъ, выступалъ въ походъ, конь подъ нимъ споткнулся въ самихъ воротахъ, и дѣйствительно онъ изъ того походу не воротился.

25. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, вода, окружавшая крѣпость, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ изсохла, а потому и топографія того мѣста перемѣнилась.

26. Между малороссійскими женскими пѣснями весьма много пѣсенъ *разлучныхъ*, составленныхъ матерью, сестрою, женою, а всего чаще любовницею, по отъѣздѣ казака въ походъ. И теперь еще Малороссійянки, собравшись гладить дорогу кому-нибудь родному, уѣхавшему въ дальній путь, поютъ и вмѣстѣ плачутъ, ибо эти разлучные напѣвы суть ничто иное, какъ вопль тоскующаго сердца. Таковы напримѣръ пѣсни:

1.

Ой живу я, живу пѣдъ Божою властью,
Ой плачу я и рыдаю по своему несчастью.

Ой плачу, я плачу, свои лѣта мѣрне трачу,
За дробными слѣзюньками свѣтонька не бачу. . . . .

2.

Ой мѣтунко, да не гай мене,
Въ велику дорѣгу выряжай мене. . . .

3.

Ой чому не пришовъ, чому не прѣхавъ,
Якъ я тобѣ, серденько, велѣла?
Чи коня не маешъ, чи дорѣжки не знаешъ,
Чи матуся вхать не звелѣла? . . . . .

4.

Шли коровы изъ дубровы, и овечки зъ поля;
Выплакала кары очи край козака стоя:
Ой куды жъ ты одѣзжаешъ, сизокрилый орле?
Ой хто жъ мене да безъ тебе къ серденьку пригорне?

5.

Ой где козакъ да дорѣженькою,
Слѣзюньками умывается:
Де-сь мой нѣнька, де-сь мой старѣнька
Да за мною убивается! . . . . .

И прочая, и прочая, и прочая. Всѣ эти различныя пѣсни сочинены, я полагаю, женщинами, а отнюдь не мужчинами. Онѣ отличаются особенною силою чувства въ своемъ напѣвѣ и словахъ, такъ что уступать только развѣ тѣмъ, въ которыхъ «плачетъ мать, во дни печали, о сынѣ, падшемъ на войнѣ» или убивается любовь, знавшая блаженство

только на мигъ и потомъ лишившаяся его навсегда.

27. Запорожье славилось произведеніями этого рода, вело ими обширную торговлю и часто обсылало подарками не только пановъ, жившихъ на Гетманщинѣ, но и петербургскихъ своихъ протекторовъ. Любопытно читать уцѣлѣвшія отъ истребленія описи подобныхъ посылокъ. Напримѣръ:

«РЕЕСТРЪ, * что зъ посланныхъ гостинцей
«въ Кіевъ надлежитъ отдать и зъ собою
«въ Кіевъ въ возки взять.

«Господину губернатору Костюрину лисицъ 6, баликовъ 4, осетровъ 2, и письмо.

«Кіевскому секретарю Алексѣю Фотьеву лисицъ 5 и письмо.

«Кіевскому канцеляристу Козлову лисица 1, осетеръ 1, безъ письма.

«Въ Глуховѣ:

«Господину писару Безбородку короповъ 30,

---

* Посланный отъ Коша Запорожскаго въ 1757 году чрезъ войсковаго дѣвбыша Григорія Никитова, отправленнаго въ Петербургъ за жалованьемъ.

«щукъ 15, баликовъ 4 да рыбячаго масла
«суденце одно и письмо.

«Въ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

«Надлежитъ отдать гостинцы, а именно:

«Князю Трубецкому короповъ 10, бали-
«ковъ 10, лисицъ 10, и письмо.

«Графу Воронцову короповъ 10, баликовъ 10
«и письмо.

«Сенатскому секретарю Пуговишникову ли-
«сицъ 5, баликовъ 2 и письмо.

«Регистратору сенатскому Латинину ли-
«сицъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Сенатскому канцеляристу лисица 1 безъ
«письма.

«Струтинскому (переводчику) короповъ 2,
«баликовъ 2 и письмо.

«Троимъ преосвященнымъ, с. петербург-
«скому, резанскому и тверскому, три бочон-
: «ка соку лимоннаго и три письма.

«Двомъ архимандритамъ, донскому и тро-
«ицысергіевскому, два бочонка соку и два
«письма.

«Третьему архимандриту Футинскаго мона-
«стыря Іосифу осетеръ 1, баликовъ 2 и письмо.

«Отцу Кириллу, Алексѣя Григорьевича
«Разумовскаго капеляну, въ Аничковскомъ

43. «Хотя на широкихъ и пустыхъ степяхъ не имѣлось ни единой стежки, ни слѣду, какъ на морѣ, однако помянутыя ватаги (Самуся и Палѣя), добре знаючи проходы, якобы по извѣстныхъ дорогахъ, зъ великимъ опасеніемъ, дабы не было гдѣ отъ Татаръ изслѣдованія, ѣздили; не имѣя же себѣ чрезъ одинъ и другой мѣсяцъ огня, единой въ сутки весьма скудной пищи толочна и сухарей толченыхъ вкушали и, конямъ ржати не допуская, будто дикіе звѣри по тернамъ и камышамъ крылись и съ великимъ обереженіемъ пути своя разно разѣзжая тернами и паки сходилися. Познавали же на тѣхъ степяхъ дикіихъ путь свой въ день по солнцу и кряжахъ высокихъ земныхъ и по могилахъ, ночью же по звѣздахъ и вѣтрахъ и рѣчкахъ. И тако Татаръ высмотрѣвши, нечаянно нападали и малымъ людомъ великія ихъ купы разбивали».

(Изъ малороссійской лѣтописи.)

44. Земли, занимаемыя теперь Харьковскою губерніею, были въ половинѣ XVII вѣка почти необитаемы. Кое-гдѣ только посреди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ стояли городища татарскія, а по берегамъ рѣ-

чекъ—пограничныя крѣпости московскія. Первое переселеніе Украинцевъ въ эти земли было при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ числѣ восьми тысячъ. Въ 1650—1651 году совершилось второе переселеніе Украинцевъ. Они заняли слободами зѣмли отъ вершины рѣки Сурѣ по рѣкамъ—Вырѣ, Крыгѣ, Локнѣ, Пселу, Ворсклѣ, Мерлѣ, Удахѣ, Лопани, Харькову, Межѣ, Коломаку, Донцу, Осколу и пр. Въ послѣдующіе годы число ихъ умножилось, и въ 1660 году они образовали изъ себя три полка:—Сумскій, Ахтырскій и Харьковскій. Область Сумскаго полка занимала земли, принадлежащія нынѣ къ Сумскому и Лебединскому уѣздамъ Харьковской губерніи, кромѣ того—часть Роменскаго уѣзда Полтавской и Суджанскаго Курской губерніи. Рѣка Пселъ была границею его отъ области Ахтырскаго полка, простиравшагося до рѣки Межи. За этою рѣкою начинался полкъ Харьковскій, занимавшій Харьковскій, Валковскій и Изюмскій уѣзды нынѣшней Харьковской губерніи.

45. *Старая или Украинская Линія* начата въ 1731 году. Она состояла изъ 18 крѣпостей, связанныхъ 140 редутами, и тянулась отъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Орели до крѣ-

пости и города Изюма, на пространствѣ 385 верстъ.

46. Разумѣется тотъ днѣпровскій Лугъ (то есть лѣсъ), который Запорожцы называли своимъ батькомъ. *Спичъ—мати, а Великій Лугъ—батько.*

47. Слова *отамане, товариство* значили у Запорожцевъ, что козакъ, пріѣхавшій въ зимовникъ, обращаетъ рѣчь къ отаману и товариству, составляющему тотъ зимовникъ. Запорожець Щербина такъ неуклонно слѣдовалъ всѣмъ обычаямъ своего рыцарскаго ордена, что не измѣнилъ его техники при привѣтѣ съ паномъ Бардакомъ, хотя тутъ и не было никакого товариства, ибо слугъ и на Запорожьи товариствомъ не считали.

48. Иному, можетъ-быть, покажется странно, какъ простой козакъ Середа, неотличавшійся даже богатствомъ наряда, могъ быть посаженъ у пана Бардака за одинъ столъ съ Михайломъ Чарнышѣнкомъ, безъ освѣдомленія, что онъ за человѣкъ. А потому считаю не лишнимъ напомнить старинное козацкое правило: *Кто только войдетъ съ саблею при боку и отдастъ честь хозяину, имѣетъ право*

садиться съ нимъ за столъ. Да иначе и быть не могло, ибо носить саблю имѣли право только козаки, а всѣ козаки считались шляхтичами.

(См. Лѣт. арх. Конискаго.)

49. И архіепископъ Конискій въ своей Исторіи Руссовъ, говоря о кошовомъ запорожскомъ Сѣркѣ, пишетъ: «Впрочемъ онъ былъ и Запорожецъ, сіе есть родъ шута или юрода».

50. Взято изъ письма войсковаго Запорожскаго писаря Дмитрія Романовскаго, писаннаго въ Кошъ въ 1755 году. (См. *Ист. Нов. Сѣчи или Послѣдн. Коша Запорожскаго*, А. Скальковскаго, стр. 233).

51. «Курени сѣчевые (говорить Запорожецъ Коржъ) не походили на обыкновенные «пастушьи шалаши, но дѣлались изъ рубленнаго и рѣзаннаго лѣсу, потому что Великій Лугъ имъ изобиловалъ. Курени были такъ обширны, что больше 600 козаковъ могло вмѣщаться въ каждомъ. Они строились безъ всякихъ перегородокъ и чулановъ и имѣли видъ залы. Вокругъ, подлѣ стѣнъ, до самихъ дверей стояли столы, а

«вокругъ столовъ узкія скамьи. Первое мѣ-
«сто было подъ иконами, которыхъ въ Сѣчи
«было много, и очень дорогихъ. Передъ ни-
«ми стояли богатые паникадила и навѣшива-
«лись лампы, которыя въ большіе празд-
«ники зажигались. Печи для приготовленія
«хлѣба были устроены въ особомъ отдѣленіи,
«гдѣ помѣщался и кухарь, а въ курень бы-
«вали только грубы, большею частію израз-
«цовыя. Когда наступало время обѣда, ку-
«хари ставили кушанье въ ваганахъ, и пр.
«.....Вокругъ вагановъ ставили въ большихъ
«деревяныхъ конвахъ горѣлку, медъ, пиво и
«брагу, а на конвахъ вѣшали деревянные же-
«скоряки, которые козацки назывались ми-
«хѣйлики и исправляли должность рюмокъ.
«Когда всѣ козаки соберутся въ курень, то-
«гда отаманъ, помолившись, садится подъ
«образами, а всѣ козаки безъ различія во-
«кругъ столовъ. Послѣ обѣда козаки помо-
«лившись кланялись отаману, потомъ другъ
«другу и наконецъ кухарю, приговаривая:
«*Спа їбы, братчику, що нагодовѣвъ козакѣвъ.*
«Наконецъ отаманъ и всѣ козаки клали по
«копѣйкѣ въ карнавку и расходились по
«своимъ угламъ. Изъ этой карнавочной сум-
«мы поваръ покупалъ на базарѣ нужные при-
«пасы для стола. Въ Сѣчи трапезы приго-

«товлялись три раза въ день, всегда одинаково; заготовляли ихъ не въ горшкахъ, но въ мѣдныхъ казанахъ, на кабицѣ (на очагѣ), а не въ печахъ».

(Ж. М. Н. П. 1839, № 2.)

52. *Чеберячка*—старинный малороссійскій танецъ, въ которомъ, между прочимъ, каждый изъ танцующихъ поочередно, заложа назадъ руки, выпиваетъ серебряную чарку, поднимая ее съ полу губами, и, осушивъ до дна, перекидываетъ черезъ себя движеніемъ головы, при дружномъ напѣвѣ и рукоплесканіи танцующаго вокругъ него кружка. Иногда, когда уже слишкомъ развеселятся, раскладываютъ посреди комнаты огонь и скачутъ черезъ него поочередно вовремя круговаго танца. Я едва помню нѣсколько стиховъ изъ пѣсень, какія поютъ при этомъ случаѣ. Если не ошибаюсь, вотъ начало одной изъ нихъ:

Чеберячки!

Коло чеберячки,

Припадаемъ рѣчки.

Аббъ ёё выпьемъ,

Аббъ ёё выльемъ,—

Чеберячки!

53. Хотя собственно Коллегія Малорос-

сійская при гетманѣ Разумовскомъ, въ 1755 году, была закрыта, но по привычкѣ обыкновенно называли Коллегіею ея зданіе, въ которомъ помѣщались разные департаменты народнаго правленія.

54. Пушки въ Украинѣ были какъ-бы знакомъ баронскаго достоинства у пановъ украинскихъ. Въ первыя времена заселенія пустыхъ украинскихъ степей жители ройлись около владѣльцевъ, имѣвшихъ пушки, и поддавались имъ на разнаго рода условіяхъ, подобно горнымъ шотландцамъ, которые искали протекціи у сильнѣйшихъ шефамъ клановъ, и за то обязаны были платить имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ и исполнять нѣкоторыя повинности, а шефъ защищалъ ихъ отъ ихъ враговъ и разбойниковъ. И какъ шефы шотландскихъ клановъ, такъ точно и наши *осадчіе* (т. е. осадившіе или населившіе людьми слободу) поступали иногда со своими подданными, какъ полные деспоты.

55. Если кого-нибудь выпроводятъ въ дорогу, то собравшіеся по этому случаю гости обыкновенно, по выѣздѣ путешественника, преусердно заводятъ попойку подъ титуломъ

гладить дорогу уѣхавшему. Этотъ же обычай употребляется и вовремя косовицы. Выпровади косарей въ поле, хозяйка собираетъ своихъ сосѣдокъ и, подъ напѣвъ веселыхъ и грустныхъ (это въ Малороссіи неразлучно) пѣсень, принимается съ ними гладить косы косарямъ.

56. Кто не выпьетъ чарки до дна съ разу, тому хозяинъ имѣетъ полное право долить снова. Для этого на нарочитыхъ пирахъ у пановъ нашихъ сзади стояли слуги съ бутылками въ рукахъ, и какъ только который гость не осушитъ до дна рюмки, они тотчасъ доливали. Если гость во избѣжаніе этой опасности будетъ держать недопитую рюмку подъ столомъ, и тамъ не минуетъ его та же участь, ибо для этого подъ столомъ сидитъ мальчикъ съ бутылкою, который тотчасъ доликаетъ просунутую къ нему рюмку.

57. Бюшингъ говоритъ, что Разумовскій по увольненіи отъ гетманства получалъ, вмѣсто обѣщанныхъ ста, только 50,000 рублей (серебряныхъ), что не составляло и четверти всѣхъ доходовъ, какіе онъ потерялъ съ титуломъ гетмана.

(Büsching, *Geogr.* t. II, p. 236.)

58 Въ указъ Императрицы Елисаветы, данномъ сенату 19 октября 1750 года, сказано: «повелѣли Мы Съчевому Запорожскому «Войску съ ихъ Атаманомъ и Кошевымъ, «также съ ихъ принадлежностями, быть въ «вѣдомствѣ у Нашего Малороссійскаго Гет- «мана, какъ то и въ прежнія времена, до «1708 года, было». Но чтобъ узнать, какъ было въ прежнія времена, не читайте офици- ціальныхъ бумагъ, написанныхъ по уста- новленной формѣ: изъ нихъ вы ничего не узнаете. Берите источники болѣе частные и личные; тамъ явится вамъ истина безъ политическаго покрова. Вотъ напримѣръ, страница изъ Лѣтописи архіепископа Кони- скаго: «Однажды писалъ къ нему (кошовому «отáману Съркú) гетманъ Самуйловичъ, вы- «говаривая, для чего на запорожскихъ сте- «пяхъ кочуютъ свободно нѣкоторые аулы та- «тарскіе. Онъ (Съркó), ему на сіе отвѣчая, «что то дѣлается по снисхожденію войска, «отъ причинъ недорода у Татаръ травъ, и «что въ такомъ случаѣ и они иногда отъ «нихъ равномѣрнымъ снисхожденіемъ поль- «зуются, заключилъ наконецъ тѣмъ: *Когда «бы и чортъ, пане гетмане, помогалъ людямъ «въ крайней ихъ нуждѣ, то брезговати тимъ «не годится, бо, кажуть люде, нужда и за-*

«конъ змѣняе. А когда мы, живя съ Татарами
 «по сосѣдски, помогаемъ одинъ другому, то
 «сіе умному нимало не удивительно; а тое
 «намъ только дивно, що ты, пане гетмане,
 «багато коло насъ хирхируешъ, мовъ твій по-
 «койный батюшка на хавтурахъ зъ параві-
 «янами у Зѣньковѣ, чого и вамъ упрійме
 «(усердно) желаемъ». Вотъ какъ было въ
 прежнія времена, до 1708 года. А загляните
 въ офіціальныя бумаги—совсѣмъ другія от-
 ношенія. Съ этой точки зрѣнія должно смо-
 трѣть на подчиненность Запорожской Сѣчи
 гетману во всѣ времена. Запорожцы питали
 наслѣдственное уваженіе къ титулу гетмана,
 отдавали ему должный почетъ, но слушались
 его только по охотѣ. И г. Скальковскій въ
 своей *Истории Новой Сѣчи, или Послѣдняго*
Кѣша Запорожскаго, говоритъ: «Съ 1750 года
 «титулъ гетмана обоихъ береговъ Днѣпра и
 «войскъ Запорожскихъ сдѣлался болѣе дѣй-
 «ствительнымъ, но только номинально, ибо
 «хотя всѣ распоряженія правительства при-
 «ходили (въ Сѣчѣ) чрезъ универсали Разу-
 «мовскаго, но Запорожцы мало ихъ слушали».
 Потому-то историкъ, руководствующійся пре-
 имущественно офіціальными бумагами и
 мало обращающій вниманія на другіе источ-
 ники, можетъ представить больше ходъ дѣлъ,

чѣмъ дѣйствительную исторію народа, какъ это и сдѣлалъ Бантышъ-Каменскій въ своей *Исторіи Малой Россіи*.

59. См. Указъ 1763 года декабря 10 дня.

60. Полкъ принимается здѣсь въ значеніи округа, повѣта.

61. Воображеніе малороссійскихъ простолюдиновъ олицетворяетъ не только разныя болѣзни, но и праздники и дни, въ которые почитаютъ за грѣхъ работать. Такъ, напри- мѣръ, рассказываютъ, что оспа, лихорадка и проч. ходятъ по хатамъ въ видѣ женщинъ. Въ предохраненіе дѣтей отъ оспы иногда оста- вляютъ на столѣ стаканчикъ меду, въ увѣ- ренности, что когда оспа зайдетъ въ ихъ хату, то покушаетъ медку и оставитъ дѣ- тей въ покоѣ. Такимъ образомъ являет- ся, по словамъ ихъ, Недѣля (воскресенье) или Пятница въ видѣ дѣвы красоты чудесной и говоритъ бабамъ, если застанетъ ихъ пря- дущими или полющими, что онѣ прядутъ не ленъ и полютъ не траву, а ея волосы; а молотящимъ или рубящимъ въ воскресенье мужикамъ показываетъ свое бѣлое тѣло, по- крытое синими полосами и ранами, и гово-

рять, что они молотят и рубят ее тѣло, и тому подобное.

62. Сотникъ Чарнышъ имѣлъ сильныя причины говорить такъ горько о Полякахъ. Чтобъ согласиться съ нимъ, стоить только прочесть нѣсколько страницъ изъ Лѣтописи архіепископа Конискаго. Напримѣръ: «По истребленіи гетмана Наливайка такимъ неслыханнымъ варварствомъ (онъ былъ замученъ въ мѣдномъ быкѣ, разжигаемомъ медленными огнемъ), вышемъ отъ сейму, или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русскій (т. е. Малороссійскій). Въ немъ онъ объявленъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего нероновскаго приговора было отлученіе на всегда депутатовъ русскихъ отъ сейму національнаго и всего рыцарства (т. е. козаковъ) отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ староствъ и деревень у урядниковъ русскихъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство русское названо *хлѣбами*, а народъ, отвергавшій Унію, *схизматиками*. Во всѣ правительственные и судебные уряды малороссійскіе насланы Поляки съ

«многочисленными штатами, города заняты
 «польскими гарнизонами, а другія селенія
 «ихъ же войсками. Имъ дана власть все то
 «дѣлать народу Русскому, что сами хотятъ и
 «придумаютъ. А они исполняли наказъ сей
 «съ лихвою, и что только взмыслить можетъ
 «своевольное, надменное и пьяное человѣче-
 «ство, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ
 «Русскимъ безъ угрызенія совѣсти. Граби-
 «тельство, насилуваніе женщинъ и самихъ дѣ-
 «тей, побои, мучительства и убійства пре-
 «взошли мѣру самихъ непросвѣщенныхъ вар-
 «варовъ. Они, почитая и называя народъ не-
 «вольниками или ясыромъ польскимъ, все его
 «имѣніе почитали своимъ. Собиравшихся же
 «вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ для обыкновен-
 «ныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ,
 «тотчасъ съ побоями разгоняли и о разгово-
 «рахъ ихъ пытками истязывали, запрещая
 «навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ.
 «Церкви русскія силою и гвалтомъ обраща-
 «ли на Унію. Духовенство римское, разъѣз-
 «жавшее съ тріумфомъ по Малороссіи для
 «надсмотра и понужденія къ уніатству, во-
 «зимо было отъ церкви до церкви людьми,
 «запряженными въ ихъ длинныя повозки по
 «двѣнадцати человѣкъ и болѣе въ цугъ. На
 «прислуги сему духовенству выбираемы бы-

«ли Поляками самая красивѣйшiя изъ дѣ-
 «вицъ русскихъ. Церкви несогласовавшихся
 «на Унію прихожанъ отдали жидамъ въ
 «аренду, и положена въ нихъ за всякую от-
 «праву *рата* отъ одного до пяти талеровъ, а
 «за крещеніе младенцевъ и похоронъ мер-
 «твыхъ отъ одного до четырехъ тынфовъ
 (тынфъ равнялся въ Польшѣ одному злотому
 и восьми грошамъ). Жиды, яко непримири-
 «мые враги христiанства, сіи вселенскіе по-
 «бродяги и притчи въ чловѣчествѣ, съ вос-
 «хищеніемъ принялись за такъ надежное для
 «нихъ скверноприбыточество и тотчасъ ключи
 «церковные и веревки колокольные отобрали
 «къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ хри-
 «стiанской повиненъ ктиторъ идти къ жи-
 «дѣ, торговаться съ нимъ и, по важности отпра-
 «вы, платить за нее и выпросить ключи; а
 «жидъ, притомъ насмѣявшись довольно бого-
 «служенію христiанскому и перехуливши все
 «христiанами чтимое, называя его языческимъ
 «или по ихъ *гойскимъ*, приказывалъ ктитору
 «возвращать ему ключи съ клятвою, что ни-
 «чего въ запасъ не отправлено».

Когда гетманъ Остряница разбилъ Поля-
 ковъ на голову, при рѣкѣ Старицѣ, корон-
 ный гетманъ Лянцкоронскій съ остаткомъ
 своего войска спасся бѣгствомъ и заперся въ

мѣстечкѣ Полонномъ, ожидая помощи изъ Польши. Но когда гетманъ Остряница приближился къ Полонному и готовъ былъ взять его приступомъ, гетманъ Лянцкоронскій «выслаалъ противъ козаковъ навстрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ русскимъ, кои, предлагая миръ отъ гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ гетмана Остряницу и его войска, чтобы они преклонились на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обоихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обоихъ гетмановъ чиновники и, написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій козацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска восвояси».

Гетманъ Остряница, распустивъ свои войска, отправился самъ съ генеральною старшиною и многими полковниками и войсковыми старшинами въ Каневскій монастырь для принесенія Богу благодарственнаго молебствія. А Поляки, въ противность недавней своей присягъ, послали тайно въ Каневъ

отрядъ своего войска, который схватилъ гетмана съ его свитою, всего тридцать-семь человекъ, и отвезъ окованныхъ въ Варшаву, гдѣ они преданы были самой лютой казни. «Казнь она (говоритъ архіепископъ Конискій) еще была первая въ мірѣ въ своемъ родѣ и неслыханная въ человѣчествѣ по лютости своей и варварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никому дикому и самому свирѣпому Японцу не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе, а произведеніе въ дѣйство устрасило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ». (Я пропускаю подробное описаніе этой ужасной картины и ограничусь только нѣсколькими окончательными фразами.) «Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполнили воздухъ воплями своими и рыданиями, но скоро замолкли. Женамъ симъ, по невѣроятному тогдашнему звѣрству, обрѣзавши груди, перерубили ихъ до одной, а сосцами ихъ били мужей, въ живыхъ еще бывшихъ, по лицамъ ихъ. Оставшихся по матерямъ дѣтей, ползавшихъ и бродившихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду ихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкладываны были уголья и раздуваны шапками и метелками.

«Главные члены человеческіе, отрубленные
 «у замученныхъ чиновниковъ малороссій-
 «скихъ, какъ-то головы, руки и ноги раз-
 «везены по всей Малороссіи и развѣшены на
 «сваяхъ по городамъ. Развѣзжавшія притомъ
 «войска польскія, наполнившія всю Малорос-
 «сію, дѣлали все то надъ Малороссіянами,
 «что только хотѣли и придумать могли. Всѣхъ
 «родовъ безчинства, насилія, грабежи и ти-
 «ранства превосходятъ всякое понятіе и опи-
 «саніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ
 «повторяли произведенныя въ Варшавѣ лю-
 «тости надъ несчастными Малороссіянами и
 «нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожи-
 «гали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родите-
 «лей, предавая самихъ отцевъ лютѣйшимъ
 «казнямъ», и пр., и пр.

Конецъ второй части.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

63. Всякой Запорожець могъ оставить товариство, сдѣлаться земледѣльцемъ, купцомъ и пр., не оставляя вѣдомства войсковаго или даже удалиться изъ его предѣловъ. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлался семейнымъ козакомъ и могъ сидѣть зимовникомъ на запорожскихъ земляхъ, гдѣ хотѣлъ, внося небольшой оброкъ натурою, участвуя только въ повинностяхъ, такъ сказать гражданскихъ, напр. содержаніемъ перевозовъ, починкою мостовъ, гатей, крѣпостей и пр. Это составляло села, подчиненныя паланкамъ (уѣздамъ). Если жъ козакъ оставлялъ совершенно войско, то уже отъ его зависимости освобождался.

64. См. въ И. Н. С. или П. К. З. чрезвычайно интересную «Опись Войска Запорожскаго Самарскимъ землямъ», стр. 398—400.

65. Въ лѣтописи архіепископа Конискаго упоминается два раза о пожалованіи золотыхъ и серебряныхъ ковшей старшинамъ ко-

зацкаго войска. Первое пожалованіе было сдѣлано королемъ польскимъ Владиславомъ Ягеллономъ въ 1439 году, послѣ побѣды надъ Турками при Дунаѣ, къ одержанію которой русское войско много ему содѣйствовало. Оно было тогда подъ командою воеводъ—кіевскаго Свѣтольдовича и съверскаго Ольговскаго и полковниковъ—Блудича, Дульпы, Претыча, Станая, Бурлѣя и Артазія, «коимъ, между «другими дарами королевскими, жалованы «отъ него гербы и золотые коряки на пово- «розахъ, то есть на шнурахъ шелковыхъ, по- «вѣшенныхъ чрезъ плече и уподобительныхъ «нынѣшнимъ эксельбантамъ или кавалері- «ямъ». Другое пожалованіе сдѣлано было Царемъ московскимъ Алексѣемъ Михайлови- чемъ въ 1655 году, по взятіи Смоленска, по- слѣ чего «благодаря Царь (козакамъ) лично «за ихъ къ нему усердіе и достохвальное «воинское мужество, обдарилъ ихъ разными «вещами и суммами по мѣрѣ заслугъ и от- «личностей каждого. Между тѣмъ знатнѣй- «шимъ чиновникамъ жалованы золотые и «серебряные коряки на лентахъ, кои носили «черезъ плече по примѣру нынѣшнихъ кавалерій. Другимъ поднесены дорогіе сабли, «пистолеты и разныя убранства».

Такимъ образомъ Царь Алексѣй Михайло-

вичь зналъ, какъ приласкать къ себѣ воинственныхъ и разгульныхъ рыцарей—козаковъ и понималъ, можетъ-быть, сколь важно (чрезъ подарокъ ковшей) связать пріятное воспоминаніе о своемъ имени съ веселыми и частыми ихъ пирами.

66. Можетъ-быть, такое рѣзкое очертаніе бана покажется нашимъ читателямъ утрированнымъ; но я старался въ этомъ случаѣ подражать манеръ сербскихъ бардовъ, которые вообще при изображеніи своихъ героев любятъ размахнуться кистью Сальватора Розы. Я укажу на слѣдующія мѣста въ *Народныхъ Сербскихъ Пѣсняхъ*, изданныхъ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ: кн. II, стр. 191—192; кн. IV, стр. 135, 231, 339.

67. Нѣкоторые думаютъ, что преданное анаѳемъ имя гетмана *Мазепы* обратилось въ бранное слово; но это напрасно: нарицательное имя *мазепи* (отъ слова *мазати*) употреблялось гораздо прежде, какъ бранчивое слово, соответствующее великорусскому слову *хари* или *рожа*. Печатное доказательство тому находится въ изданной 1644 г. въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ книгѣ *Литосъ*. Тамъ, на страницѣ 124, отступникъ отъ вѣры своихъ

предковъ Кассіанъ Саковичъ названъ «объеретичалымъ мазепою».

(Кіевлянинъ на 1841 годъ, изданный М. Максимовичемъ, стр. 26.

68. У Запорожцовъ это значило—отправиться за границу, ибо Тилигуль находится уже за Бугомъ въ Очаковской области и слѣдственно въ то время принадлежалъ Туркамъ.

69. Подробное описаніе Муравскаго Шляху см. въ книгѣ подъ заглавіемъ—*Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Россійскаго Государства, поновленная въ розрядѣ и списанная въ книгу, 1627 года. С. Петербургъ, 1838.*

70. *Фигурами* назывались поставленные одна на другую конусообразно смоленыя бочки, которыя зажигались для сигнала о приближеніи непріятеля. Подробный объ этомъ рассказъ Запорожца Коржа см. въ И. Н. С. или П. К. З., стр. 62—66.

71. Заимствовано изъ рассказовъ Запорожца Коржа *.

---

* Въ то время, какъ я держалъ корректуру этого листа, получено въ Кіевъ извѣстіе, что рассказы Запорожца

72. Напримѣръ, въ пѣснѣ о Гавранѣ арам-
башѣ и Лимо. См. Нар. Сербск. Пѣсни, изд.
В. С. Кар., кн. III, стр. 181—182. Подоб-
ная картина тамъ же, въ кн. IV, на стр. 270.

73. Напримѣръ, въ пѣснѣ о Вуковицѣ Ан-
дѣлкѣ и Синанѣ разбойникѣ. См. Н. С. П.,
кн. IV, стр. 340—341.

74. См. тамъ же, кн. IV, стр. 230—231.
Подобная жѣ картина въ кн. III, на стр.
130 и 262.

75. См. тамъ же пѣсню о женидбѣ Иве
Сеньявина, кн. IV, стр. 191—213.

76. Впрочемъ не одни Сербѣ понимали
отмщеніе за убійство, какъ дѣло, необходи-
мое для спокойствія души убитаго. Эта мысль
выразилась также въ древнемъ богемскомъ и
моравскомъ законодательствахъ и даже въ Поль-
шѣ, въ правѣ Мазовецкомъ. (См. О платѣ за
убійство въ древнемъ русскомъ и въ другихъ

Коржа изданы отдѣльно въ Одессѣ подъ заглавіемъ:
Устное повѣствованіе бывшаго Запорожца Никиты
Леонтіевича Коржа. Итакъ советую любителямъ ма-
лороссійской старины обратиться къ этой драгоценной
книжицѣ.

славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. Разсужденіе, написанное адъюнктомъ Н. Иванишевымъ для полученія степени доктора Россійскаго законовѣдѣнія. Кіевъ, 1840. стр. 34 — 36, 55, 61 и 67.)

77. О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ, Юрія Венелина. Москва, 1835, стр. 41.

78. По окончательномъ покореніи Турками Сербіи, въ 1522 году, она раздѣлена ими на санджаки, или пашалыки, а пашалыки на нахіи. Въ каждомъ пашалыкѣ былъ одинъ паша (иногда и болѣе), находившійся подъ начальствомъ визиря, имѣвшаго пребываніе сначала въ Смедеревѣ, а потомъ въ Бѣлградѣ. Не смотря однакожъ на это, у Сербовъ Сербія удержала всѣ тѣ раздѣленія и названія, которыя существовали прежде. Въ каждомъ княжествѣ ея былъ князь изъ Сербовъ, которому народъ повиновался безусловно, раздѣляя съ нимъ всѣ бѣдствія и радости. Рабоуя передъ пашею, онъ служилъ ему орудіемъ суда и расправы надъ своими соотечественниками *. Но по мѣрѣ того какъ

---

* Даница за годину 1827, стр. 97—98.

умножались въ Сербіи Турки и, будучи народомъ господствующимъ, занимали преимущественно города, сербскіе князья удалялись въ селенія, слѣдствіемъ чего было раздѣленіе и княжескихъ фамилій и самихъ княжествъ на меньшія княженія, такъ что нынѣ въ каждой нахіи находится по нѣскольку княженій, которыхъ названія явно говорятъ о ихъ древности и самостоятельности.

(Дѣница за годину 1827, В. С. Караджича, стр. 55—57.)

79. «Сѣчовые козаки (говоритъ Запорожець «Коржъ) кромѣ военной службы, занимались «страстно звѣриною охотою, ибо въ Великомъ Лугу, по причинѣ непроходимыхъ густыхъ лѣсовъ и частыхъ камышей около озеръ и лимановъ, производимыхъ Днѣпромъ, «водилось множество дикихъ звѣрей, какъ-то: оленей, козъ, дикихъ свиней и лисицъ, «а на степи множество волковъ, зайцевъ и пр. Кожи этихъ животныхъ были важнымъ предметомъ торговли, и за покупкою ихъ пріѣзжали промышленники изъ Малороссіи и Польши на сѣчовыя ярмонки».

(Ж. М. Н. П. 1838.)

80. Нар. Сербск. Пѣсни, кн. IV, стр. 126—131.

81. Тамъ же, кн. II, стр. 243—249.

82. Сербскія пѣсни отличаются не только богатствомъ содержанія, но и своимъ объемомъ. Многія изъ нихъ имѣютъ отъ 600 до 800 и болѣе стиховъ, а одна, женидба *Максима Черноевича*, состоитъ изъ 1227 стиховъ.

83. При вступленіи въ Запорожское войско соблюдались нѣкоторые обряды, подобные тѣмъ, какіе бывали наблюдаемы у рыцарей при принятіи новаго рыцаря въ орденъ. Главнѣйшимъ испытаніемъ для Запорожца, кромѣ умѣнья владѣть конемъ и оружіемъ, было также и переплытіе лодкою черезъ пороги, въ половодіе.

84. См. въ *Нар. Сербск. Пјесм.* Вука С. Караджича, кн. II, стр. 187, пѣсню: *Марко Краљевицъ познаје очину сабљу.*

85. Тамъ же, стр. 207: *Марко Краљевицъ и Арапин.* Упоминается объ этомъ и въ другихъ пѣсняхъ.

86. Тамъ же, стр. 21: *Женидба Душанова.*

87. Тамъ же, кн. IV, стр. 339.

88. Тамъ же, стр. 177.

89. Слова Радивоя, напечатанныя курсивомъ, помѣщены цѣликомъ изъ преданія. О подобныхъ самоуправствахъ и жестокостяхъ въ слободско-украинскихъ поселеніяхъ любопытный можетъ прочесть въ книгѣ: *Путевыя Записки Вадима (Пасеска)*, Москва, 1834.

Конецъ третьей и послѣдней части.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

О СОСТАВЛЕНІИ КНИГИ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

ИСТОРІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ.

Занимаясь нѣсколько уже лѣтъ собираніемъ всего, что относится къ Малороссіи, съ цѣлью написать со временемъ самую истинную и подробную ея Исторію, и углубляясь съ полнымъ вниманіемъ въ этотъ предметъ, я убѣдился, что, кромѣ такъ сказать классической Исторіи Малороссіи, можетъ еще быть особенная Исторія, не такъ строго подчиненная условіямъ науки и предшествующая классической Исторіи, какъ необходимый сборъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ основанныя на фамильныхъ документахъ повѣствованія о каждой Малороссійской фамиліи въ частности.

Такая книга, кромѣ того, что прольетъ новый свѣтъ на многіе наши историческіе факты, должна быть, кажется,

интересна для всѣхъ Малороссіянъ и сама по себѣ. А потому предлагаю тѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, для которыхъ еще дорога и священна память предковъ, сообщить мнѣ вѣрныя копіи со всѣхъ своихъ фамильныхъ документовъ, грамматъ, привилегій, гербовъ и проч., съ присовокупленіемъ къ нимъ поясненій, дополненій и фамильныхъ преданій, сохранившихся на бумагѣ или въ памяти. Если кому угодно будетъ доставить мнѣ какія-нибудь бумаги въ подлинникъ, то всѣ онѣ, по снятіи мною съ нихъ копій, будутъ возвращены владельцу во всей цѣлости и сохранности.

По собраннымъ уже мною матеріаламъ для этого изданія, я вижу, что давать ему сжатую форму было бы не только бесполезно, но даже и несправедливо съ моей стороны, ибо потомокъ всякой фамиліи захочетъ узнать о своихъ дѣдахъ все, что было мнѣ извѣстно, и какое жъ я имѣю право сокращать или уничтожать преданія, которыя не только для него, но и для посторонняго читателя бываютъ чрез-

вычайно интересны и проливают чудесный свѣтъ и на характеръ современной имъ эпохи, и на характеръ цѣлой Исторіи? А потому я рѣшился о всякой фамиліи повѣствовать въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ доставленнымъ мнѣ матеріаламъ. Важнѣйшіе же документы будутъ припечатаны цѣликомъ въ примѣчаніяхъ, чтобъ предохранить ихъ отъ истребленія или потери.

Думаю, что это предпріятіе, будучи приведено мною въ исполненіе, доставитъ удовольствіе не только современникамъ, для которыхъ я, при помощи моихъ историческихъ свѣдѣній, представлю судьбу ихъ семействъ съ самыхъ древнихъ времёнъ въ стройномъ повѣствованіи, но также и потомству, которое безъ этого труда не будетъ знать многого о своихъ предкахъ; ибо никто изъ насъ не можетъ поручиться, что дѣти наши и внуки такъ же тщательно, какъ мы, сберегутъ для своихъ преемниковъ древнія наши хроники и документы: иногда даже независящія отъ нихъ обстоятельства

могутъ истребить навсегда то, что съ каждымъ поколѣніемъ становится драгоценнѣе; тогда какъ моя книга, будучи размножена печатаньемъ и разошедшись по библіотекамъ, останется навсегда самымъ надежнымъ хранилищемъ предковскихъ нашихъ дѣяній, хранилищемъ, котораго не разрушатъ вовѣки ни пожары, ни невѣжество; и самый отдаленный потомокъ, не роясь въ архивахъ и не копаясь въ землѣ, обратится къ этому хранилищу въ тишинѣ своего кабинета, и минувшая судьба его фамиліи откроется ему какъ-бы какимъ вѣщимъ глаголомъ.

Прошу почтенныхъ моихъ земляковъ оцѣнить всю важность моего предпріятія, сообразить всю пользу, могущую отъ того произойти, и содѣйствовать мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и усердіемъ. Чѣмъ подробнѣе будутъ ихъ семейныя преданія о своихъ предкахъ, объ ихъ характерахъ, образѣ жизни и т. п., чѣмъ обильнѣе будетъ число присланныхъ мнѣ документовъ, тѣмъ лучше. Никакое количество матеріаловъ не обременитъ меня: пламенная любовь

къ моей родинѣ будетъ одушевлять
меня при моихъ занятіяхъ и дастъ
мнѣ силы преодолѣть всякой трудъ,
возможный для человѣка.

П. КУЛЬШЪ.

1843 года.

Кіевъ.

Адресъ Издателя: Его Благородію Пантелеймону Алексан-
дровичу Кульшу, въ Кіевъ.

Handwritten notes in the bottom left corner, including the word 'Bayerische' and some illegible scribbles.

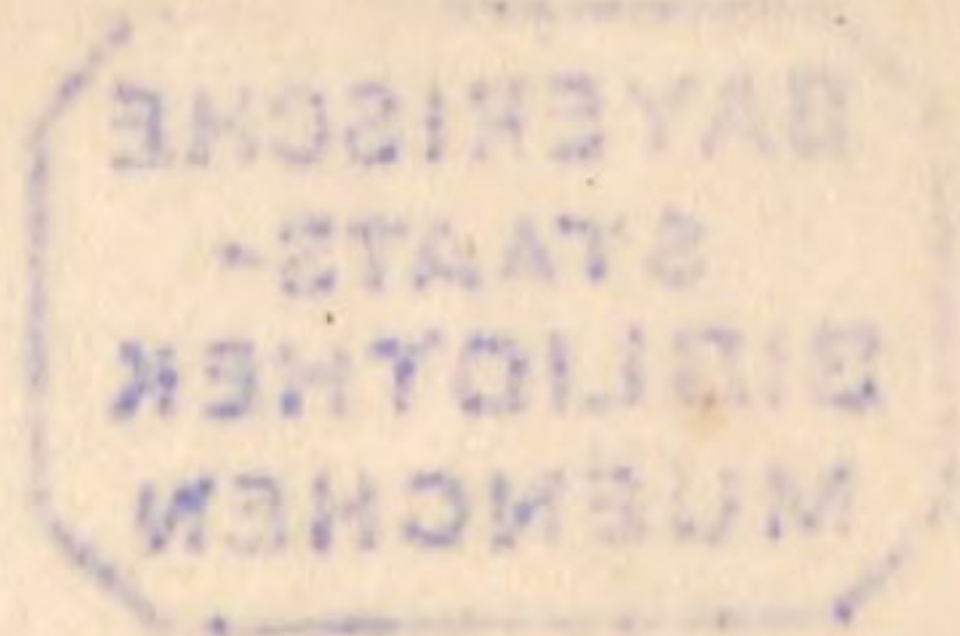
ВООЗРОЖЕНІЯ ДІЯ ВІСНОВИ
ВІНІ СЛІДІ ПРОВОДИТИ НЕ
МОЖІ ПРН НОМХІ ЗАВІТАТИ
ІН МОГО ПОЛІТИ ДІЯТИ

І. К. А. Ш. П.

1847 год.

Кіевъ

Апопозу Кіеву, на Кіеві.
Історія Кієвлян: Кієво-Половцько-Ланцюжський Агенс

P 2259
92b.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
134	6	грыбы	грибы
149	4	вамъ-мосци	вашъ-мосци.
182	13	новыхъ Млиновъ	Новыхъ Млиновъ
188	14	Конисскій	Конискій
192	3	Бѣлевомъ	Белѣвомъ
194	11	вторженіе	вторженіа
—	19	Субботовъ	Субботово
203	15	арапы	Татаре
204	7	площадь и рынокъ	мѣсто поединка

O. H. P.

Copied. Copy.	Number.	Page.	Notes.
154	0	1	1874
155	1	2	1875
156	2	3	1876
157	3	4	1877
158	4	5	1878
159	5	6	1879
160	6	7	1880
161	7	8	1881
162	8	9	1882
163	9	10	1883
164	10	11	1884
165	11	12	1885
166	12	13	1886
167	13	14	1887
168	14	15	1888
169	15	16	1889
170	16	17	1890

P. A.

652259
928

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
21	2	страшнаго	страннаго
118	20	его спокойно	его было спокойно
120	9	сверкающемъ	сверкающимъ
—	19	перилы	перила
180	14	шефамъ	шефовъ
183	23	универсали	универсали

О П Е Р А Т И В

Всего	182	23	Средств
в том числе	180	10	на расходы
на содержание	—	10	на содержание
на содержание	120	9	на содержание
на содержание	178	20	на содержание
на содержание	21	2	на содержание

О П Р А Т Н О

Всего	10	10
Средств	2	2
Средств	20	20
Средств	3	3
Средств	10	10
Средств	10	10
Средств	20	20

О П Р А Т Н

Всего	152	23	Средств	152
Из них	120	10	на содержание	120
в том числе	118	10	на содержание	118
и на содержание	2	0	и на содержание	2
и на содержание	152	23	и на содержание	152

ON THE

122	180	120	100	80	60	40	20	0	20	40	60	80	100	120	140	160	180	200	220	240	260	280	300	320	340	360	380	400	420	440	460	480	500	520	540	560	580	600	620	640	660	680	700	720	740	760	780	800	820	840	860	880	900	920	940	960	980	1000
122	180	120	100	80	60	40	20	0	20	40	60	80	100	120	140	160	180	200	220	240	260	280	300	320	340	360	380	400	420	440	460	480	500	520	540	560	580	600	620	640	660	680	700	720	740	760	780	800	820	840	860	880	900	920	940	960	980	1000

Kuliš, Pantelejmon Oleksandrovyč,

Michajlo Čarnyšenko ili Malorossija vosemdesjat lět nazad

Bd.: 3

Kiev 1843

P.o.russ. 13 r-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610015-5